

Министерство образования и науки РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Ю. А. Антонова
Л. Е. Веснина
М. Б. Ворошилова
К. В. Злоказов
Ю. Р. Тагильцева
А. А. Карапетян

Экстремистский текст и деструктивная личность

Монография

Екатеринбург
2014

УДК 37.013(09) (047)

ББК Ч33(235.55)5

Э41

Рекомендована Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение № 323 от 24.11.2014).

Рецензенты:

Чудинов А. П., доктор филол. наук, профессор

Куликов В. Б., доктор филос. наук, профессор

Прядеин В. П., доктор психол.наук, профессор

Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. /
Э41 Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б., Злоказов К. В.,
Тагильцева Ю. Р., Карапетян А. А.; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. — 276 с.

ISBN 978-5-7186-0621-8

Монография посвящена исследованию креолизованного текста экстремистской направленности, эффектов его восприятия. Описаны основные подходы к исследованию креолизованного текста, представлены методы и приемы анализа экстремистского текста, сюжета, стратегий речевой коммуникации. Определяется влияние деструктивности личности на восприятие и интерпретацию экстремистского текста.

Книга ориентирована на исследователей креолизованного текста, ученых, интересующихся проблемами психолингвистики, а также специалистов, в практической деятельности изучающих особенности текста и личности.

УДК 37.013(09) (047)

ББК Ч33(235.55)5

Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

ISBN 978-5-7186-0621-8

© Антонова Ю. А., Веснина Л. Е.,
Ворошилова М. Б., Злоказов К. В.,
Тагильцева Ю. Р., Карапетян А. А., 2014
© ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Юридик-экспертные аспекты психолого-лингвистического анализа экстремистского текста	7
1.1. Экстремизм: определение и виды	7
1.2. К определению круга вопросов судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности	18
<i>Литература</i>	27
Глава 2. Религиозный экстремизм: речевые способы воздействия в текстах религиозных организаций	31
2.1. Понятие речевого воздействия	31
2.2. Стратегия уговаривания	48
2.3. Стратегия дискредитации	59
2.4. Стратегия запугивания	68
<i>Литература</i>	75
Глава 3. Социальный и политический экстремизм	78
3.1. Политический экстремизм как социально-политическое явление	78
<i>Литература</i>	99
3.2. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию Childfree: на грани экстремизма	102
<i>Литература</i>	116
Глава 4. Национальный экстремизм: ключевые образы	118
4.1. Лингвокультурный типаж «грузин» в русском языковом сознании	118
<i>Литература</i>	122
4.2. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте	123
<i>Литература</i>	130
4.3. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения	131
<i>Литература</i>	135

Глава 5. Молодежный национальный экстремизм: когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии.....	136
5.1. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи	136
<i>Литература</i>	156
5.2. Когнитивная база экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе.....	158
<i>Литература</i>	165
Глава 6. Опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы	167
6.1. «Читай» Абу Юсуф: метод интенционального анализа текста в практике судебной лингвистической экспертизы.....	168
<i>Литература</i>	172
6.2. «Чемодан — ишак — кишлак»: опыт анализа экстремистской кричалки.....	173
<i>Литература</i>	179
6.3. Отрывок про скинхеда	180
6.4. Русское лото 18 из 1488	200
<i>Литература</i>	210
Глава 7. Экстремистский текст и деструктивная личность.....	213
7.1. Особенности креолизованного текста экстремистской направленности	213
7.2. Деструктивное поведение личности и экстремизм	224
7.3. Особенности восприятия экстремистского креолизованного текста в зависимости от деструктивной установки.....	230
<i>Литература</i>	250
Заключение	253
Литература.....	256

ВВЕДЕНИЕ

Экстремистский текст и деструктивная личность — концепты, объединенные современным информационным пространством. Познавательный интерес к их изучению подкрепляется и высокой социальной значимостью негативных последствий, вызванных проявлениями экстремизма в различных областях общественных отношений. Авторы монографии — коллектив молодых ученых, руководствовались этими основаниями, приступая к исследованию когнитивного и прагматического арсенала креолизованного экстремистского текста.

Цель работы — описание характерных для креолизованных текстов экстремистской направленности концептуальных метафор, их продуктивности и динамики, определение способа и эффекта воздействия текста на читателя, в том числе в зависимости от уровня деструктивности.

Коллектив авторов решает эту задачу путем описания и классификации используемых в националистических текстах прецедентных феноменов. Отдельно для каждого вида экстремизма (религиозный, политический, националистический) определяются ключевые коммуникативные стратегии, тактики, обуславливающие целевые установки авторов и прагматический потенциал текста, его воздействующую силу.

Лингвистический анализ креолизованных текстов подкрепляется применением методов психологической оценки свойств восприятия, интерпретации смысла текста. Для этого разработана методика регистрации нейрофизиологических и психофизиологических процессов, сопровождающих просмотр креолизованных текстов; методика исследования экстремистско-деструктивных установок личности.

Структура монографического исследования обусловлена спецификой применения методов и междисциплинарным характером проблемы. Открывает монографию раздел, посвященный юридико-экспертным аспектам психолого-лингвистического анализа экстремистского текста, в рамках которого не только

приведено определение экстремизма и его видов, но и очерчен круг вопросов судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности.

В работу включена глава, представляющая опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы, который может быть интересен не только ученым, но и экспертам-практикам.

Завершает работу глава, посвященная изучению взаимодействия явлений, характеризующих своеобразие экстремистского текста и деструктивной личности. В ее содержании описаны особенности восприятия экстремистского креолизованного текста читателем в зависимости от деструктивной установки.

Коллектив авторов выражает надежду на то, что опыт исследования экстремистского текста и психологических особенностей деструктивности личности будет способствовать уточнению представлений о креолизованных текстах экстремистской направленности и расширению методологического и методического инструментария их анализа.

ГЛАВА 1. ЮРИДИКО-ЭКСПЕРТНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

1.1. Экстремизм: определение и виды

На протяжении всей истории человечество неоднократно сталкивалось с самыми различными проявлениями экстремизма, нетолерантности, нетерпимости к чужой религии и традициям. Мировой опыт показывает, что идеи экстремизма овладевают сознанием общества постепенно, подталкивая людей к агрессивным действиям, актуализируя «обиды» того или иного народа. Для российского государства, исторически сложившегося как многонациональное и многоконфессиональное, особую опасность, несомненно, несут национальный экстремизм, ксенофобия, радикализм, этнический негативизм и другие формы проявления экстремизма; именно они вносят раскол в российское общество и нарушают межнациональное и гражданское согласие. Экстремистская направленность общественного диалога отмечается в ряде современных исследований [Бидова 2013].

Сведения о состоянии преступности, представленные МВД России, показывают, что текущий период развития общественных отношений в России характеризуется ростом преступлений экстремистской направленности (за исключением 2011 г.): 2008 г. — 460; 2009 г. — 548; 2010 г. — 656; 2011 г. — 622; 2012 г. — 696; 2013 г. — 896 [Общие сведения о состоянии преступности [http](http://)].

Всплеск социальной, этнической и религиозной нетерпимости, лежащей в основе экстремизма, сопровождается, как правило, исторические перевороты, социально-экономические изменения, так как неудовлетворенность в любой сфере жизни приводит к поиску виноватого в лице власти, представителей других народов или других конфессий. Таким образом, ксенофобия возникает как стремление к самоутверждению своей общности путем этнического негативизма [Авшалумова [http](http://)].

Современный российский экстремизм, отрицающий этническое и религиозное многообразие, которые являются важнейшими факторами исторического развития России, угрожает безопасности общества (безопасному сосуществованию наций и социальных групп) и государства, нарушает права человека, препятствует достижению гражданского согласия, подрывает устои демократического и правового государства. Разработка эффективной и всеобъемлющей системы государственно-политических мер профилактики экстремизма и противодействия ему в первую очередь требует выработки достаточно корректного и глубокого общего определения экстремизма.

Представленное в большинстве толковых словарей определение экстремизма как «приверженности к крайним взглядам и мерам» [Булыко 2008: 678; Крысин 2005: 678; БТСР 2000: 1518] является широким, общим и не имеет правовой базы, а значит, не связано с юридической ответственностью или какими-либо правовыми последствиями.

В русском языковом сознании данное понятие также не имеет четких границ. Так, например, фонд «Общественное мнение» (ФОМ) в 2000 г. провел социологический опрос, предлагая ответить на следующий вопрос: «Как Вы понимаете слово „экстремизм“, что оно означает?» [Рекомендации об использовании специальных познаний... [http](http://)].

Опрос проводился среди населения в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик России 14—15 октября 2000 г. В опросе приняли участие 1500 респондентов. 36 % россиян, отказываясь объяснить значение этого понятия, заявили, что не знают, что это такое. Часть респондентов (2 %), не сумев дать определение данному понятию, просто выразила свое негативное отношение к экстремизму («Это плохо, запрещено», «Ругательное слово», «Экстремисты — зачинщики плохого»). Это свидетельствует о несформированности данного понятия в русском языковом сознании. Объяснить, что значит «экстремизм», взяли 37 % респондентов. Их ответы были объединены в несколько групп (данные представлены в процентах от числа опрошенных):

Экстремизм — это...

- насилие, жестокость, агрессия, ненависть — 8;
- терроризм, бандитизм — 7;
- крайние формы выражения идеологических взглядов — 7;
- фашизм, национализм — 6;
- антигосударственная деятельность, захват власти — 3.

Таким образом, помимо закрепленного в словарных дефинициях значения («крайние формы выражения взглядов»), данное понятие в русском языковом сознании включает в себя еще четыре семантических компонента: 1) насилие; 2) терроризм; 3) национализм; 4) захват власти.

Первые два компонента могут быть объединены, так как терроризм чаще всего понимается как политика, основанная на систематическом применении террора, т. е. насилия, запугивания, устрашения (лат. *terror* — «страх, ужас»).

Однако следует отметить, что в современном русском языке (чаще в публицистическом дискурсе) понятия экстремизма и терроризма нередко используются как синонимы или как равнозначные понятия (через союз «и»). Насильственные действия экстремистов по отношению к инакомыслящим нередко называют терроризмом, но важно учитывать, что слово «экстремизм» по своему содержанию значительно шире понятия «терроризм», поскольку последний зачастую является лишь орудием достижения целей первого.

Близость понятий национализма и экстремизма в русском языковом сознании также предсказуема. Несмотря на то что национализм в мировой практике понимается как идеология, проповедующая верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, ее территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей [Коротеева 1997], несмотря на то что данное понятие близко к понятию патриотизма, в современном русском языке наиболее употребительное значение слова «национализм» по смыслу близко к шовинизму, этнократии, ксенофобии, экстремизму.

Например, «Современный толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова определяет национализм как «идеологию и политику, исходящую из национального превосходства и противопоставления своей нации другим» [БТСР 2000]. Схожие определения дают «Большой энциклопедический словарь» под ред. А. М. Прохорова [Большой энциклопедический словарь 2004], «Новый словарь русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] и др.

Данное значение имеет выраженный негативный оттенок и делает акцент на превосходстве своей нации, национальном антагонизме и национальной замкнутости. По мнению историка А. Миллера, это связано, с одной стороны, с тем, что Россия в целом слабо знакома с идеологией национализма, а с другой — с намеренным искажением принятого в мире значения этого термина в Российской империи и Советском Союзе [Ефремова 2000]. Следствием этого стала практика подмены терминов, которую в своих целях используют как противники национализма, так и сторонники национальной исключительности. Однако следует учитывать, что пересечение терминов «национализм» и «экстремизм» фрагментарно: мы можем говорить о том, что крайний национализм является основой экстремизма, причем национального.

Переходя к осмыслению понятия «экстремизм», рассмотрим его в контексте существующей нормативно-правовой базы, фиксируя в качестве промежуточного результата тот факт, что единой дефиниции на сегодняшний день не существует.

Впервые понятие «экстремизм» в российском праве в качестве юридического термина, по мнению исследователей [см., напр: Трошина 1990], возникло в связи с подписанием и ратификацией «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г. (п. 3 ч. 1 ст. 1): «Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказан-

ных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [Шанхайская конвенция... 2001].

Шанхайскую конвенцию подписали такие страны, как Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. В январе 2003 г. она была ратифицирована и с 29 марта того же года вступила в силу в России.

Итак, основой этого определения экстремизма становится действие, деяние, целью которого является свержение власти, захват власти. Совершенно справедливо отмечают исследователи (В. С. Мартыанов, Л. Г. Фишман), что «экстремизм законодательно и объективно можно „зафиксировать“ только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в „экстремизм действия“» [Миллер 1997].

В российской юридической практике используется более широкое понятие экстремизма, но в основе его также лежит представление о *действии*. Точнее сказать, российское законодательство не раскрывает понятия экстремизма, оно раскрывает содержание экстремистской деятельности (см. статью 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). Итак, в соответствии с поправками от 29 апреля 2008 г., к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, нацио-

нальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (свастика);

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [ФЗ № 114-ФЗ 2002].

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, квалифицирующих различные виды экстремистской деятельности, также сопровождающие ее иные преступления.

Например, в соответствии с примечанием 2 к ст. 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (далее — экстремистские мотивы). Представленные мотивы могут быть транслированы в ряде преступлений, предусмотренных статьями УК РФ. К таковым относятся: ст. 136, 148, 149, 212, 239, 278—280, 282—282.2, 357 УК РФ, а также ст. 105, 111, 112, 115—117, 119, 141—142.1, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК РФ, если эти деяния совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [Приказ Генеральной прокуратуры РФ 19.11.2009 № 362]. М. Н. Косарев отмечает, что в случае, когда в составе преступления не предусмотрены экстремистские мотивы, но само преступление совершено с указанным факультативным признаком субъективной стороны состава преступления, то при назначении наказания за такое общественно опасное деяние необходимо учитывать обстоятельство, отягчающее наказание, предусмотренное п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ [Косарев, Суханова 2014]. Экстремистскую направленность могут иметь и административные правонарушения, предусмотренные:

– ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях РФ — «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях»;

– ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ — «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики»;

– ст. 20.28 Кодекса об административных правонарушениях РФ — «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности»;

– ст. 20.29 Кодекса об административных правонарушениях РФ — «Производство и распространение экстремистских материалов» [Сулонов, Злоказов, Губина 2013: 21—22].

Обобщая, отметим, что уголовное и административное законодательство в качестве признака экстремистского деяния указывает на мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Перечисленные мотивы в уголовном производстве по преступлениям экстремистской направленности выступают в качестве:

- обязательного признака основного (ст. 282 УК РФ) и квалифицированного состава (ст. 111 УК РФ) преступления;
- обстоятельства, отягчающего наказание для составов преступлений, в которые не включен признак экстремистского мотива (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ);
- системообразующего признака группы преступлений (для преступлений экстремистской направленности) [Косарев, Суханова 2014].

Отметим, что ключевое значение мотивов для характеристики преступлений и правонарушений обуславливает процессуально определенные процедуры их выявления и изучения. Например, на основании п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ мотивы совершения преступлений подлежат обязательному доказыванию. Поэтому для правильной квалификации противоправных действий экстремистской направленности в юридической практике принято «привлекать экспертов, профессионально владеющих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики» [Рекомендации об использовании специальных познаний... [http](#)].

Таким образом, неопределенность дефиниции «экстремизм» в юридической науке и практике преодолевается конкретизацией форм проявления экстремизма. Целесообразно провести подобную операцию с позиции различных видов экстремистской деятельности, предполагая, что предметный характер экстремистских проявлений позволяет описать своеобразие самого фено-

мена. Опишем виды экстремизма как объекта исследования гуманитарных наук, акцентировав внимание на своеобразии его проявлений.

Экстремизм, будучи по своему родовому признаку позицией, склонностью, убеждением субъекта, — сложный, многоаспектный феномен. Опираясь на концепцию П. Е. Суслوнова [Суслонов 2013], отметим несколько уровней, составляющих в целом экстремистскую позицию:

- идейно-мировоззренческий (идеологический) аспект — совокупность мировоззренческих установок и политических идей, лежащих в основе экстремистских действий и легитимирующих их;

- психологический (личностно-эмоциональный) аспект — потребностно-мотивационные образования, направленность и установки, межличностные отношения, присущие экстремисту;

- политико-организационный (практический) аспект — формы и способы экстремистской деятельности как разновидности политического поведения.

На идейно-мировоззренческом уровне синонимичным экстремизму понятием, по мнению П. Е. Суслонова, становится *радикализм*. Радикализм — это комплекс идей и действий, направленных на наиболее кардинальное, решительное, глубокое («коренное») изменение существующих социальных отношений и политических институтов. Радикализм определяется допустимостью и универсальностью насилия как способа решения общественно значимых вопросов, правовым нигилизмом, пренебрежением основными правами и свободами человека, отрицанием ценности человека и человеческого существования.

На психологическом уровне анализа экстремистской позиции изучается комплекс свойств и качеств человека, осуществляющего экстремистскую деятельность или тяготеющего к ней. Исследования зарубежных психологов показали, что экстремизм характеризуется особым типом свойств личности. В ходе изучения психологических особенностей политических деятелей США и национал-социалистической партии Германии Т. Адорно приходит к выводу о том, что авторитарная личность — это

определенный психологический феномен, объединяющий в себе социальный консерватизм; потребность в иерархии и уважение силы; ригидность, негибкость установок; стереотипный стиль мышления; стадную враждебность и агрессивность, иногда вплоть до садизма; тревожность по отношению к другим и невозможность устанавливать с ними доверительные отношения [Адорно 2001: 8—12]. Г. Айзенк отмечал совпадение свойств личности убежденных фашистов и коммунистов в части авторитарности, ригидности мышления, жесткости и категоричности сознания, повышенной религиозности, склонности к мифологизации и мистицизму. Интересно, что коммунисты, по Айзенку, более радикальны, а фашисты — консервативны, однако и те, и другие в значительной степени авторитарны по сравнению с либералами [Eysenck [http](#)]. Личность экстремиста — условное понятие, объединяющее в себе различные индивидуально-психологические свойства (темперамент, характер, образ мышления и сознания), социально-психологические характеристики (статус, функция и роль в группе) и качества (общительность, конформность, толерантность) [Еремин 2010: 17—19]. Необходимо определить, что единого «набора» черт личности не может существовать, а попытки его обнаружить заранее обречены на провал. В то же время инструменты измерения психологических составляющих экстремистской установки, а также психологических качеств личности, склонной к экстремистским идеям, необходимы и успешно разрабатываются. Перечислим наиболее распространенные из них.

1. Шкала социальной дистанции (Э. Богардуса, 1920 г.).
2. Шкала фашизма (Г. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорда, 1940 г.).
3. Методика для измерения предрасположенности к предрасудкам (Г. Оллпорта, Б. Крамера, 1946 г.).
4. Опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой, 2008 г.).

На политико-организационном уровне, по мнению П. Е. Суслонова, может быть представлено несколько видов экстремистской деятельности, условно разделенных:

- по типу политического субъекта (государственное и оппозиционное),
- по характеру насилия (человеконенавистническое и хулиганское),
- по типу ценности (религиозно-политический, идеологический, националистический) [Сулонов 2013].

В целом соглашаясь с позицией автора, обратим внимание на то, что с организационной точки зрения основанием для типологии может выступать критерий детерминации экстремистских действий (индивидуальный-групповой). Данное дополнение обусловлено, во-первых, уголовно-правовой характеристикой экстремистских действий, предусматривающей соответствующее деление, во-вторых, детерминацией экстремистского поведения, которое может возникать под влиянием группы и нередко не обладает идеологическим мотивом, а может проявляться в форме индивидуально обусловленной экстремистской деятельности, включающей радикальные убеждения, мотивы мести, деструктивные и социопатические установки.

Подведем итоги параграфа. В настоящее время тема экстремизма является остроактуальной, так как, невзирая на предпринимаемые правоохранительными органами усилия, растет количество преступлений экстремистской направленности, которые представляют собой серьезную угрозу стабильности и общественной безопасности в мире, в том числе и в нашей стране.

Неопределенность понятий «экстремистского круга» свидетельствует о междисциплинарном характере этого феномена в современной науке, объясняет принципиальную незавершенность и, как следствие, перспективы научного поиска в сфере познания экстремистских явлений. Анализируя практику эмпирических исследований, подчеркнем, что сущность экстремизма и его предметное воплощение находятся на пересечении психологических, юридических и лингвистических векторов исследования. Таким образом, методология и методы исследования определяются инструментарием данных наук. Важным фактором актуализации прикладных по своей направленности исследований экстремизма становится судопроизводство по делам об экс-

тримизме. Наиболее распространенным видом исследований является лингвистическая экспертиза текста, в последние годы активно применяются психологическая, культурологическая и другие виды экспертиз.

1.2. К определению круга вопросов судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности

Активное участие в общественной жизни объединений, отличающихся по своим политическим, социальным, религиозным, националистическим взглядам, не только реализует возможности граждан влиять на политическую и социальную жизнь России, но и косвенным образом обуславливает рост числа преступлений и правонарушений, совершаемых по мотивам ненависти, вражды, розни. Криминологическая статистика МВД России свидетельствует о том, что с 2003 по 2013 г. количество преступлений экстремистской направленности выросло более чем в 5,5 раз. Противодействие этому в соответствии со ст. 11 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» [ФЗ № 114-ФЗ с изм. от 24.07.2007] осуществляется путем запрета в Российской Федерации распространения через средства массовой информации экстремистских материалов и осуществления экстремистской деятельности. Изучение материалов требует привлечения специалистов различных наук, развития методологии и инструментария экспертно-исследовательской деятельности.

Ученые самых различных отраслей науки: филологи, психологи, социологи, философы, юристы — разрабатывают новые объективные методики анализа различных информационных материалов, проводят комплексное исследование проблем экстремизма.

При этом самой распространенной и востребованной в российской юридической практике остается именно лингвистическая экспертиза. Согласно ст. 1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистские материалы — это «предназначенные для обнаружения

документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности». Общая цель лингвистической экспертизы в этом случае может быть обозначена как «выявление смысловой направленности текстов и используемых пропагандистских приемов», ее выводы зачастую являются центральным звеном в процессе квалификации экстремистских материалов и действий: «...определяющим является смысловая функция таких сообщений, то, ради чего, в подтверждение каких взглядов и идей они используются, какие представления и установки и какими средствами пропагандируются, навязываются читателям (слушателям, зрителям)» [ФЗ № 114-ФЗ 2002].

Таким образом, лингвист определяет наличие признаков экстремистской деятельности: публичного оправдания терроризма; возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Задача выявления признаков ставится на разрешение перед лингвистом-экспертом в форме следующих вопросов, рекомендованных Генеральной прокуратурой Российской Федерации:

1. Выражают ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

2. Содержится ли в данном материале информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей? [Рекомендации об использовании специальных познаний... [http](http://)].

Данные рекомендации получили поддержку в среде специалистов, выполняющих лингвистические экспертизы. Так, сотрудники ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (г. Барнаул) и автономной некоммерческой организа-

ции лингво-юридических экспертиз и консультаций «Юрислингвистика» (г. Кемерово) предлагают аналогичные типовые вопросы по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в экстремистской деятельности, а также по обвинению в возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды:

1. Имеются ли в спорном речевом произведении высказывания оскорбительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы?
2. Является ли спорное речевое произведение призывом?
3. Создается ли образ врага в спорном речевом произведении? [Бринев 2009: 7].

Таким образом, главной задачей эксперта становится выявление возбуждающей, согласно определению ст. 282 УК РФ, информации, «которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них» [ФЗ № 114-ФЗ, ред. от 29.04.2008 [http](http://www.consultant.ru)].

Итак, возбуждающая информация должна обладать тремя основными признаками:

- 1) содержать отрицательную эмоциональную оценку объекта повествования (в данном случае нации, расы, религии);
- 2) формировать негативную установку по отношению к данному объекту;
- 3) подстрекать к действиям, направленным против объекта повествования.

Ключевыми видами возбуждающей национальную, расовую или религиозную вражду информации признаны:

- формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии;
- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую или религиозную группу;

- приписывание всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;
- утверждения о природном превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других;
- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной нации, расе, религии по отношению к другим;
- возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную группу;
- утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы по отношению к другим;
- утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиозной группы с интересами других;
- утверждения о наличии тайных планов, заговоров одной национальной или религиозной группы против других;
- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых, религиозных групп;
- побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии;
- поощрение, оправдание геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;
- требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности;
- требования ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку;
- угрозы и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности [Рекомендации об использовании специальных познаний... [http](http://)].

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и существующей юридической

практикой проведения судебных лингвистических экспертиз, в компетенцию лингвиста входят следующие задачи: установление наличия/отсутствия призывов в спорном речевом произведении; установление наличия/отсутствия речевых актов оскорбления по отношению к какой-либо группе лиц, объединенных на основе расовых, религиозных, социальных признаков [Бринев 2009].

Следующие же вопросы, определяющие, квалифицирующие экстремистскую деятельность, не могут быть поставлены перед специалистом-лингвистом, так как не входят в его компетенцию.

1. Установление содержания призывов, например: являются ли выявленные призывы призывами к насильственному изменению основ конституционного строя РФ; являются ли действия, к которым автор призывает неопределенную группу лиц, экстремистскими действиями и др.

2. Установление реальных (т. е. не коммуникативных) намерений говорящего, например направлен ли текст на возбуждение социальной, расовой, межнациональной розни.

В Постановлении Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отмечено: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [14].

Данные вопросы имеют прямое отношение к сфере компетенции юриста и не входят в пределы специальных познаний лингвиста.

3. Также в компетенцию лингвиста-эксперта не входит оценка возможности/невозможности негативных последствий, которые способен повлечь исследуемый материал, а значит, в его компетенцию не входит установление способности призывов побуждать неопределенную группу лиц к конкретным действиям либо

установление способности действий, к которым призывают, приносить ущерб общественным отношениям.

Кроме того, поскольку состав преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282, носит формальный характер, вопросы данной группы избыточны: наступление реальных последствий и установление причинно-следственных связей между текстами и этими последствиями не является необходимым.

Расширение круга решаемых вопросов и материалов в рамках судебной экспертизы возможно только при привлечении специалистов иной квалификации, и в последнее время в научном и юридическом дискурсах все большее распространение получают комплексные исследования текстов.

Данный факт обусловлен целым рядом причин.

Во-первых, именно комплексные исследования позволяют избежать одностороннего и необъективного изучения свойств представленных материалов [см., напр.: Желтухина 2003; УК РФ [http](#)]. Основное отличие комплексного исследования заключается в том, что в нем принимают участие специалисты разных областей знания, и оно проводится несколькими (не менее чем двумя) учеными.

Во-вторых, проведение комплексного исследования позволит расширить предмет экспертизы. Так, например, используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не о том, как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание: данные вопросы лежат в поле интересов психолога.

Оценка воздействующего потенциала текста может быть проведена путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализа психофизиологического состояния субъектов в процессе просмотра видеофрагментов (подробнее об инструментах и методах психолого-лингвистической экспертизы см.: [Ворошилова, Злоказов 2011]).

Следует учитывать, что важным для точной квалификации экстремистских действий является вопрос о подлинности фак-

тов и достоверности сообщений. Помимо этого, представление различных исторических фактов и сведений религиозного, политического характера не предполагает возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Внимание следует уделять формам их авторского обобщения, интерпретации. Эти задачи лежат за пределами психолого-лингвистического анализа и относятся к компетенции таких специалистов, как историки, религиоведы, экономисты, политологи, генетики, антропологи, этнологи и др. Данных специалистов необходимо привлекать для проведения комплексных экспертиз, в рамках которых на разрешение поставлены следующие вопросы:

– Соответствуют ли данным современной науки (истории, религиоведения, антропологии, генетики, источниковедения и др.) приведенные в публикации положения?

– Являются ли эти положения научно обоснованными, доказанными?

– Правильны ли утверждения и выводы, основанные на приведенных в публикации данных (исторических, экономических, политических и др.)? [Султанов [http](#)].

В заключение отметим, что обсуждаемый перечень вопросов для проведения экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности позволяет квалифицировать основные признаки экстремизма, закрепленные в российской юридической практике, но корректировка определения «экстремизма», развитие средств экстремистской деятельности, эволюция используемых материалов диктуют необходимость расширения списка вопросов, расширение состава экспертов. Другой причиной привлечения специалистов из смежных областей наук является представление о тексте как элементе речевой деятельности человека, утвердившееся в современной психологической лингвистике. Поскольку текст не может быть изолирован от целостного речевого коммуникативного акта и по своей сути выступает лишь одним из его атрибутов, для судебного исследования экстремистского текста значение имеет и психологическая составляющая: мотивы автора, смысловая картина текста, оценка эффекта воздействия текста и другие значимые вопросы.

Обращаясь к практике психологического анализа экстремистского текста, отметим, что это направление не является столь теоретически и методически упорядоченным в сравнении с лингвистическими исследованиями. Дискуссионными в настоящее время являются вопросы методологического, методического аппарата экспертизы, обсуждаются экспериментальные планы ее проведения [Рафинова, Кроз 2013]. Результат обсуждения видится нам в объединении усилий экспертного сообщества в области стандартизации процедур психологической части экспертизы экстремистских материалов и экстремистских действий, уточнении пределов компетентности психолога в части вопросов, ставящихся перед ним на разрешение, и его выводов. Это, без сомнения, обеспечит научно обоснованный методологический фундамент экспертной психологической работы, будет способствовать повышению валидности и надежности выводов психологической экспертизы.

Объектом психологического исследования экстремистского текста является текст, рассматриваемый как продукт речевой и коммуникативной деятельности человека. Ключевой (базовый) предмет исследования — юридически значимые психологические особенности текста. К ним могут быть отнесены, например:

- целенаправленность деятельности автора по созданию (и обнародованию) текста, ее произвольность, осознанность; публичность;

- направленность текста на возбуждение или разжигание розни, возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пола, расы, национальности, отношения к религии и др.).

Вопросы, поставленные перед психологом при проведении судебно-психологической экспертизы (исследования), должны быть ориентированы на оценку предметно-содержательной и смысловой структуры текста. Методы, применяемые психологом, должны позволять надежно и валидно определять элементы текста, содержащие признаки экстремистской направленности [Сергун 2011].

Т. Н. Секераж справедливо указывает, что при проведении судебного исследования важно устанавливать особенности

(контекст) возникновения и восприятия текста [Секараж 2011]. Таким образом, предметное поле психолого-лингвистического исследования расширяется, в него включаются социальные и социально-психологические категории (социально-психологические особенности коммуникатора и аудитории (пол, возраст, социальный статус и пр.), характер и условия взаимодействия коммуникатора(ов) и реципиента(ов) — прямое/опосредованное, персонафицированное/обезличенное, директивное/диалогическое).

Ряд исследователей отмечает возможность определения факультативных предметов психологического исследования, например оценку влияния экстремистского текста и действий на окружающих [Гурина 2012; Мельник 2014].

Психологическое исследование личности экстремиста может быть обусловлено необходимостью установления связи между экстремистскими побуждениями и социальной установкой личности обвиняемого [Кроз, Ратинова 2007].

Психологическое исследование субъекта, обвиняемого в совершении преступлений экстремистской направленности, может осуществляться по следующим вопросам [Ахметов 2010]:

1. Каковы психологические (интеллектуальные, эмоциональные, волевые, мотивационные, мировоззренческие или иные) особенности обвиняемого?

2. Имеются ли у обвиняемого определенные индивидуально-психологические особенности, такие как внушаемость, импульсивность, жестокость, агрессивность, эмоциональная неустойчивость и т. д.?

3. Каковы личностные особенности обвиняемого, влияющие на принятие и реализацию поведенческих решений?

4. Какова мотивация вхождения обвиняемого в преступную группу, имелись ли при этом какие-либо ограничения свободы воли, оказывалось ли преднамеренное воздействие на сознание (в какой форме)?

5. Соответствуют ли вербальные утверждения обвиняемого о собственной роли в конкретном расследуемом преступлении его интеллектуально-волевым, эмоциональным и (или) характерологическим особенностям?

6. Каковы психологические основания действий и поступков обвиняемого? Какие свойства личности, социально-психологические установки, диспозиции оказывают наибольшее влияние на мотивацию деятельности обвиняемого?

7. Каковы особенности психического склада обвиняемого? Какие потребности (склонности, привычки) типичны для обвиняемого?

8. Какова направленность личности обвиняемого?

Рост числа экстремистских преступлений и правонарушений, междисциплинарный характер экстремистских явлений определяют актуальность проблемы судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авшалумова Л. Х. Национальный экстремизм и его проявления [Электронный ресурс] / Л. Х. Авшалумова. — Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/nacionalnyy-ekstremizm/item/623-nationalnyy-ekstremizm-i-ego-proyavleniya> (дата обращения: 7.02.2012 г.).

2. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно ; под общ. ред. д-ра филос. наук В. П. Култыгина. — М. : Серебряные нити, 2001. — 416 с.

3. Ахметов, У. Н. Назначение и производство судебных экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистской направленности / У. Н. Ахметов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. — 2010. — № 1. — С. 473—482.

4. Бидова, Б. Б. Преступления, квалифицированные наличием экстремистских мотивов / Б. Б. Бидова // Молодой ученый. — 2013. — № 11. — С. 515—518.

5. Большой толковый словарь русского языка = БТСР / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.

6. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004. — 1456 с.

7. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза : справочные материалы / К. И. Бринев. — Барнаул ; Кемерово : РОО АК АЛЭП «Лексис», 2009. — 17 с.

8. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко ; под ред. В. Н. Сивчиков, Р. И. Шастак. — 2-е изд., испр. — М. : Мартин, 2008. — 704 с.

9. Ворошилова, М. Б. Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследе-

дования / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. — Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. — С. 83—89.

10. Гурина (Маланцева), О. Д. Психолого-лингвистическая экспертиза публичных выступлений (на примере дела об экстремизме) [Электронный ресурс] / О. Д. Гурина (Маланцева) // Психология и право. — 2012. — № 1. — Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50335.shtml> (дата обращения: 26.05.2014).

11. Еремин, Д. Н. Проблемы типизации личности экстремиста (по материалам Северо-Кавказского региона) [Текст] / Д. Н. Еремин // Вестник Калининградского юридического института МВД России. -2010. — № 3. — С. 17 — 19.

12. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиаально-го дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. — М. ; Волгоград: ПринТерра, 2003. 131 с.

13. Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3. с. 185-203

14. Косарев М. Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму: учебно-практическое пособие / М. Н. Косарев, И. С. Суханова — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. — 56 с.

15. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; Московское бюро по правам человека.. — М. : Academia, 2007.

16. Крысин А. П. Толковый словарь иноязычных слов. 6-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2005 с. 944

17. Мартянов В. С., Фишман Л. Г. Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? // Новый мир. 2008, №11. с.132-152.

18. Мельник, Д. С. Актуальные вопросы законодательного обеспечения борьбы с экстремизмом [Электронный ресурс] / Д. С. Мельник // Концепт. Сер.: Современные научные исследования, вып. 2. — 2014. — ART 55217. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/55217.htm>. — Гос. рег. эл No ФС 77-49965. — ISSN 2304-120X.

19. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. с. 141-151

20. Новый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М. : Русский язык, 2000. — 1233 с.

21. Общие сведения о состоянии преступности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 23.08.2014).

22. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : Постановление пленума Верховного суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. – Режим доступа: http://www.vsr.fu/Show_pdf.php?Id=7315 (дата обращения: 21.03.2012).

23. Понятие «экстремизм»: результаты социологического опроса фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_terr/dd002628 (дата обращения: 09.03.2012).

24. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 нояб. 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности».

25. Ратинова, Н. А. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты / Н. А. Ратинова, М. В. Кроз // Теоретические вопросы судебной экспертизы. — 2013. — № 1 (29). — С. 35—42.

26. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды [Электронный ресурс] : утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.99 // Национальная газета. — 2002. — № 8—12 (58—62). — Режим доступа: http://antirasizm.ru/doc/publ_104.doc (дата обращения: 27.04.2011).

27. Секераж, Т. Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме / Т. Н. Секераж // Психология и право. — 2011. — № 2. — С. 55—65.

28. Сергун, Е. П. Актуальные вопросы теории и практики применения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» / Е. П. Сергун // Правовая культура. — 2011. — № 1. — С. 104—111.

29. Султанов, А. Р. Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму [Электронный ресурс] / А. Р. Султанов // Российская Юстиция. — 2010. — № 9. — Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2010/10/d19993/> (дата обращения: 21.03.2012).

30. Суслонов, П. Е. Организация противодействия экстремизму : практическое пособие / П. Е. Суслонов, К. В. Злоказов, Е. С. Губина ; под общ. ред. П. Е. Суслонова. — Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2013. — С. 21—22.

31. Суслонов, П. Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма) : моногр. / П. Е. Суслонов. — Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2013. — 93 с.

32. Трошина, Н. Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия / Н. Н. Трошина // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М. : Наука, 1990. — С. 62—68.
33. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [Электронный ресурс] : от 13.06.1996 N 63-ФЗ. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 21.03.2012).
34. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2002. — № 138—139, 30.07.2002. — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/95895/> (дата обращения: 14.03.2012).
35. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001). — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/10927> (дата обращения: 14.03.2012).
36. Eysenck, H. J. Sense and nonsense in psychology [Electronical resource] / H. J. Eysenck. — Harmondsworth : Penguin, 1957. — 349 p. — Mode of access: <http://www.ditext.com/eysenck/politics.html> (date of access: 23.08.2014).

ГЛАВА 2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: РЕЧЕВЫЕ СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

2.1. Понятие речевого воздействия

Общеизвестно, что речь обладает мощнейшей воздействующей функцией. С ее помощью можно убеждать, побуждать, внушать, менять мировосприятие и поведение. Речевое воздействие — это имплицитное или эксплицитное побуждение адресата с помощью речи к определенному действию путем просьб, уговоров, убеждения, внушения, угроз, насмешки, обещания и пр. Иногда это воздействие во благо, порой во вред, а иногда одному во благо, другому — во вред. Мы оказываемся под непрерывным прицелом речевых атак: средства массовой информации, Интернет, политическая, коммерческая, социальная реклама, сетевой маркетинг.

В современном обществе много говорят об отрицательном воздействии на человека алкоголя, наркотиков и прочих зависимостях, но о «духовных» наркотиках мы информированы недостаточно, а между тем молитвы-наркотики также ведут к разрушению психического здоровья личности. Духовно зависимый человек не способен продуманно выстроить свое адекватное поведение, предположить его результаты, осмыслить круг интересов и соотнести его с интересами и желаниями общества, наладить свои взаимоотношения с близкими людьми и социумом, уметь воспринимать и фильтровать информацию. На сегодняшний день в России насчитывается огромное количество (от 500 до 1000) религиозных организаций различного толка.

Статья 14 Конституции РФ предусматривает, что все религии равны перед законом. Тогда встает вопрос о том, как классифицировать деятельность организаций, занимающихся распространением духовных (или бездуховных) учений различного

толка. Термин «деструктивная религиозная организация» («тоталитарная секта», «деструктивный культ») отсутствует в законодательстве нашей страны, но уже давно используется специалистами в различных областях, примерами чего могут стать весьма авторитетные документы, к числу которых относится итоговое заявление Международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России», прошедшего 16—20 мая 1994 г. в Москве (итоговое заявление было принято единогласно 227 участниками семинара из России, Белоруссии, Бельгии, Болгарии, Ватикана, Великобритании, Германии, Греции, Грузии, Дании, Италии, Казахстана, Канады, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Швеции).

Конституционный суд РФ, рассматривая дело о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества «Свидетели Иеговы» в городе Ярославле и религиозного объединения «ХЦ», указал, что государство вправе предусматривать определенные преграды с тем, чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные преступные деяния. Для обоснования этого тезиса Конституционный суд сослался на постановление Европейского парламента от 12 февраля 1996 г. «О сектах в Европе», рекомендации Совета Европы № 1178 (1992) «О сектах и новых религиозных движениях», а также на постановления Европейского суда по правам человека от 25 мая 1993 г. и от 26 сентября 1996 г. В Доктрине информационной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895, к числу основных объектов обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни отнесена «возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект» (Указ Президента РФ от 9.09.2000. № ПР-1895).

Поэтому мы в данном исследовании будем использовать понятия тоталитарный религиозный культ, деструктивный культ, религиозная секта.

Численность людей, вовлеченных в деструктивные и оккультные религиозные организации, достигает 1 миллиона человек, причем 70 % из них — это молодые люди в возрасте от 18 до 27 лет. По подсчетам президента Центра религиоведческих исследований и одного из инициаторов использования термина «тоталитарная секта» Александра Дворкина, только «штатных» сектантов насчитывается минимум 600—800 тысяч.

Несмотря на всю опасность подобного рода сообществ, количество их растет, а люди по-прежнему вовлекаются в деятельность таких организаций. Самый серьезный и опасный вид таких организаций — тоталитарные, т. е. такие, в которых наличествуют жесткий порядок, материальные взыскания с адептов, принуждение и обязанность следования заповедям и выполнения ритуалов, абсолютизация и гуруизация лидера, зачастую проповедуется нетерпимость к окружающим, учение идет вразрез со светскими законами, пропагандируется неминуемый конец света и необходимость выстраивать свое поведение в соответствии с представлениями о нем и т. п. Согласно определению А. Л. Дворкина, «тоталитарные секты — это особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками. Тоталитарные секты прибегают к обману, умолчаниям и навязчивой пропаганде для привлечения новых членов, используют цензуру информации, поступающей к их членам, прибегают и к другим неэтичным способам контроля над личностью, к психологическому давлению, запугиванию и прочим формам удержания членов в организации. Таким образом, тоталитарные секты нарушают право человека на свободный информированный выбор мировоззрения и образа жизни» [Дворкин 2007: 13].

Отметим, что настоящая глава не носит юридический и религиозный характер, не представляет собой лингвистическую экспертизу, в данной части монографии рассматриваются собственно речевые приемы, используемые в текстах некоторых религиозных организаций, представляющих для автора личный интерес.

Необходимо определиться с тем, что представляет собой понятие речевого воздействия. В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой дается следующее толкование слова «воздействие»: «1. Механическое действие, направленное на достижение определенного результата. 2. перен. Действие, оказываемое кем-л., чем-л. на кого-л., что-л.; влияние» [Ефремова 2006: 7]. Отталкиваясь от представленного понимания воздействия, можно прийти к заключению о том, что речевое воздействие — это действие, имеющее словесное выражение, некоего субъекта, сосредоточенное на конкретном объекте с целью внешних и внутренних изменений в нем.

В науке понятие речевого воздействия имеет относительно недолгую историю. Это понятие было введено в начале 1970-х гг. группой психолингвистов и впервые отмечено в сборнике «Речевое воздействие: проблемы прикладной психолингвистики». И. А. Стернин указывает на ряд причин, обуславливающих внимание к изучению данного термина и в целом феномена речевого воздействия.

- Причины социально-политического рода — развитие независимости, демократии, появление идеи равенства людей и свободы личности потребовали науку, которая продемонстрировала бы, как убеждать равному равному. Убеждать стало необходимо в демократических государствах при выборах, в условиях плюрализма мнений и политической жизни, в условиях политической борьбы — политикам стало необходимо учиться убеждать людей в своей правоте.

- Причины психологического характера: с конца XIX в. меняется концепция человека в обществе. Раньше считалось, что человек — примитивное существо, ленивое, и обеспечить его адекватное поведение в обществе можно только методом кнута и

пряника. В наше же время представление о человеке меняется. Человек воспринимается сложным, разносторонним в психологическом плане, требующим дифференцированного подхода — словом, личностью. При этом личностью, как оказалось, является каждый, а не только представители просвещенной части общества — элиты, господствующих классов.

- Коммуникативные причины. Для современной действительности характерно резкое разрастание сфер общения людей, рост числа ситуаций, в которых необходим процесс коммуникации и убеждения друг друга.

- Экономические причины: кризисы перепроизводства, конкуренция вызвали «необходимость в науке о рекламе, т. е. „навязывании“ товара, „завоевании“ покупателей. Именно коммивояжеры были первыми, кто на себе осознал необходимость науки убеждать» [Стернин 2000: 56-57].

Все вышеуказанное и обусловило возникновение науки о речевом воздействии в современном мире. С того времени проблема речевого воздействия остается актуальной. Речевое воздействие формируется как интегральная наука, которая объединяет старания представителей целого комплекса пограничных наук: традиционной лингвистики, риторики, рекламы, психолингвистики, психологии, прагмалингвистики, теории массовой коммуникации, менеджмента, конфликтологии, связей с общественностью, социологии, этнографии и др.

В настоящее время существует несколько подходов к определению понятия речевого воздействия. Так, Е. Ф. Тарасов говорит о речевом воздействии в широком смысле, как о любом речевом акте, осуществляемом путем передачи объекту какой-то информации, значимой для того, чтобы он в дальнейшем занял какое-то место в деятельности говорящего [Тарасов 1990: 47]. То есть речевое воздействие подразумевает под собой субъектно-объектные отношения, обусловленные какой-либо целью.

Речевое воздействие в узком смысле, по мнению Е. Ф. Тарасова, это «речевое общение в системе средств массовой информации или агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией» [Тарасов 1990: 48]. Такое общение отличается

тем, что оно обычно используется в системе социальных отношений, где субъект и объект равноправны. Субъект регулирует деятельность другого человека, который свободен в выборе своих действий.

По мнению О. С. Иссерс, быть субъектом речевого воздействия — значит регулировать деятельность своего собеседника (как интеллектуальную, так и физическую) при помощи речи. Под этим подразумевается, что субъект не только побуждает к каким-либо действиям, но и влияет на представления о мире, на систему убеждений и ценностей, на принятие решений. Быть объектом — значит испытывать на себе влияния других, которые осуществляются в вербальной форме [Иссерс 2008: 21].

С точки зрения В. Ф. Петренко, речевое воздействие в широком и узком смыслах отличаются степенью привязанности какой-либо ситуации и степенью обобщения. Речевое воздействие в широком смысле слова «связано с перестройкой индивидуального сознания, или с перестройкой имплицитной картины мира или образа мира» [Петренко 1990: 62]. То есть результат речевого воздействия выходит за рамки конкретной коммуникативной ситуации, распространяясь на систему убеждений личности или его эмоциональный фон. Речевое воздействие в узком смысле не связано с перестройкой сознания, не предполагает внесение в сознание новых категорий, оно лишь вызывает изменение значения коннотации объекта либо общего настроения.

И. А. Стернин утверждает, что «важным теоретическим разграничением в науке о речевом воздействии является разграничение таких понятий, как речевое воздействие и речевое манипулирование» [Стернин 2000: 63].

Речевое воздействие — это воздействие на личность с помощью речевых средств. Цель воздействия — побудить человека принять точку зрения другого, сознательно принять решение о каком-то действии, передаче информации и т. д. Манипулирование — это воздействие на человека с целью побудить его совершить поступок, сообщить информацию и т. д. бессознательно или наперекор его собственному мнению. К основным условиям эффективности речевого воздействия И. А. Стернин относит:

- достижение определенной цели;
- сохранение баланса отношений между собеседниками.

Если достигнуты цели, но нарушено коммуникативное равновесие, тогда речевое воздействие будет результативным, но неэффективным [Стернин 2000: 32].

При анализе способов речевого воздействия, используемых в текстах религиозных организаций, мы, вслед за О. С. Иссерс, будем понимать под этими способами набор речевых стратегий, которые реализуются с помощью речевых тактик и коммуникативных ходов. *Речевая стратегия* — совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего. *Речевая тактика* — одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. *Коммуникативный ход* — прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики [Иссерс 2008: 117].

Наше внимание привлекли тексты следующих религиозных организаций: «Великое Белое Братство ЮСМАЛОС», «Свидетели Иеговы», «Раэлиты», «Саентология» (адепты этого учение предпочитают такое написание, хотя нормативным является «сайентология»).

Приведем краткие сведения о данных сообществах.

«Великое Белое Братство ЮСМАЛОС» («ВББ»). Возникшее на Украине в 1989—1990 гг. «Великое Белое Братство» является одним из наиболее скандально известных новых религиозных движений в России и странах СНГ. Относится к «доморощенным» культам, т. е. не привнесенным из-за границы, а созданным в самой России, и характеризуется наличием значительных финансовых средств. Во главе движения до конца 1993 — начала 1994 г. стоял киевлянин Ю. А. Кривоногов. Далее вся власть перешла к Цвигун. В мае 1991 г. Кривоногов, выступая с лекцией по экстрасенсорике, получил записку от женщины, которая писала, что имела опыт общения с Богом. Эта женщина впоследствии стала «живым богом» новой религии, созданной Кривоноговым. Ее имя — Марина Мамонтова (в замужестве Цвигун). После встречи с Кривоноговым она оставляет семью, уезжает в Киев и начинает «служение» в качестве «богородицы»

и «живого боговоплощения». Иерархическую структуру можно упрощенно описать следующим образом. После первых трех лиц (Кривоногов — до 1994 г., Цвигун и Ковальчук) существует звено «сефиротов» из числа самых доверенных и приближенных, затем — звено апостолов (по некоторым данным, их 12), далее «воины Ильи и Еноха — рыцари», это рядовые юсмалиане, которые делятся на категории «крестителей», вербовщиков и прочие, разбиваются на группы со старшими во главе. Еще одна категория — сочувствующие, но колеблющиеся юсмалиане, так называемые «крысы». Средний возраст adeptов — молодежь, 20-летние юноши и девушки гуманитарного склада ума. «Белое Братство» является крайне опасной для психического здоровья ее adeptов сектой, для выздоровления покинувшему «Белое Братство» требуется в среднем 2 года. Адепт может подвергаться культовому воздействию и вне общения с другими adeptами путем регулярного прослушивания культовых аудиокассет. Учение «Белого Братства» называется «ЮСМАЛОС», что является аббревиатурой, которая расшифровывается белыми братьями следующим образом: Юс — Юоанн Свами, искаженное в псевдовосточном духе «Иоанн Святой» (Креститель), то есть лидер учения — Кривоногов («свами» — получивший посвящение и давший обет отречения); Ма — Мария Дэви Христос, также от искаженного «Дева Мария», она же — живое воплощение Иисуса Христа, одновременно — его мать и невеста, а именно Марина Цвигун; Лос — сокращение от слова «Логос» (греч.), «слово», — одна из ипостасей Бога. Таким образом, название как бы включает в себя идею новой божественной Троицы. Оно также используется adeptами в качестве мантры (мистической формулы), при длительном ритмическом повторении которой адепт впадает в транс, что расценивается как слияние с Богом и растворение в божественной сути [www.usmalos.com].

Тексты, послужившие материалом для языкового анализа нашего исследования, взяты с официального сайта организации www.usmalos.com.

«Свидетели Иеговы» («СИ»). На своем официальном сайте «свидетели Иеговы» пишут, что «Свидетели Иеговы» — это

«всемирная христианская религия. Ее члены активно делятся с людьми знаниями о Боге, которого зовут Иегова, и о его Сыне, Иисусе Христе. Наши учения основаны исключительно на принципах, изложенных в Слове Бога, Библии, и ориентиром для нас служит христианство первого века. Мы убеждены, что, развивая близкие отношения с Богом и живя в согласии с библейскими принципами, человек обретает смысл жизни, укрепляет семейные узы и становится полноценным членом общества и законопослушным гражданином [<http://www.jw-russia.org>]. Организацию «Свидетелей Иеговы» основал Чарльз Т. Рассел в 80-х гг. XIX столетия. Как он, так и его преемники правили обществом иеговистов с абсолютной властью и оставили на нем отпечаток своей личности и своего толкования Библии. Поэтому, соответственно количеству президентов, в эволюции общества можно проследить четыре периода: 1) период Чарльза Рассела, основателя секты (1872—1916); 2) период «судьи» Джозефа Рутфорда (1917—1942), 3) период Нафана Кхора (1942—1977) и 4) период Фредерика Франца (1977—1992). Так как «свидетели» утверждают, что Сам Бог является автором их учения, то интересно сравнить разновидности их учения в эти четыре периода. Выясняется, что каждый президент общества понимал Библию именно по-своему и нередко в противоречии с предыдущими президентами. Уже один этот факт говорит о том, что утверждение иеговистов, будто Бог является автором их учения, — абсурдно, потому что Бог не может противоречить Самому Себе.

«Свидетели Иеговы» — название, которое было принято руководимой Дж. Ф. Рутерфордом группой «Исследователей Библии» в 1931 г., при этом отколовшиеся от основного течения группы продолжили называться «Исследователями Библии» или приняли другие названия (например, в Чикаго существует группа «Исследователи Писания Зари») [<http://www.militia-dei.spb.ru>].

«Свидетели Иеговы» официально признаны в странах Европейского союза, и во многих из них они обладают теми же правами и льготами, что и другие крупные религии. В Италии и Испании «Свидетели Иеговы» — вторая по численности рели-

гия. В Германии насчитывается более 2 200 собраний «свидетелей Иеговы», и они обладают законным статусом, который присваивается только признанным крупным религиям. Подобным статусом они обладают и в Венгрии [Свидетели Иеговы в России 2008].

Во главе организации стоит Руководящая корпорация. Она состоит из 15 человек и контролирует деятельность 95 филиалов по всему миру. Утверждается, что Руководящей корпорацией, как «верным и благоразумным рабом», управляет непосредственно Иегова. На местах Руководящая корпорация имеет уполномоченных представителей, которым подчиняются комитеты филиалов. Ниже стоят областные надзиратели, которым подчиняются районные надзиратели, контролирующие, в свою очередь, старейшин отдельных собраний.

Организация также имеет базовую литературу: «Тысячелетняя заря» («Изучение писаний») — 7 томов, первое издание — 1886—1917 гг.; Библия (перевод Нового мира Св. Писаний — «New World Translation of the Holy Scriptures») и периодические издания: журналы «Сторожевая башня» («The Watchtower»), тираж — 22 103 000 экз., «Пробудитесь!» («Awake!»); издается также журнал для внутреннего пользования «Правительство Царства» [www.militia-dei.spb.ru]. Также имеется сеть радиостанций в США.

Существуют и учебные заведения: библейская школа «Галаад», Теократическая школа проповеднической деятельности.

В ежегодно публикуемом отчете свидетелей Иеговы за 2011 г., 30 стран мира объединены в блок «другие страны» и не представлены поименно. Согласно издаваемой организацией книге «Свидетели Иеговы — возвещатели Царства Бога», это те страны, в которых деятельность «свидетелей Иеговы» является нелегальной. В частности, деятельность «свидетелей Иеговы» запрещена в Китае, Северной Корее, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Саудовской Аравии, Иране, Ираке и ряде других стран.

Организация считает, что поклоняться можно только Иегове. Поклонение святым, иконам, молитвы кому-либо, кроме Иеговы, а также участие в патриотических церемониях и праздни-

ваниях, на которых воздается особая честь человеку (например, дни рождения), рассматриваются как явное или скрытое идолопоклонство. Всё, что делается для Бога, считается священным служением. В узком смысле служением называют участие в проповеднической деятельности.

Практикуются полный отказ от участия в политике и военном деле, включая участие в деятельности предприятий, непосредственно связанных с вооруженными силами, а также отношений с другими религиозными течениями и организациями (экуменизм и межконфессиональное общение).

Грехом считается курение, азартные игры, пьянство и прием любых наркотиков (без медицинского назначения). Спиртные напитки употребляются умеренно. В одежде и украшениях подобает быть скромными. Существует полный отказ от переливания крови.

«Свидетели Иеговы» обращаются в молитве только к Иегове во имя Иисуса Христа (Ин. 14:6).

Организационные издания «свидетелей Иеговы» предназначены для освещения внутренней жизни собраний последователей этого учения. Такие издания представляют собой нормативные документы, которые являются руководством для практической жизни всех собраний «свидетелей Иеговы». Как правило, организационные издания распространяются только в среде членов собрания «свидетелей Иеговы» (некрещеных и крещеных возвещателей). Закрытые издания «свидетелей Иеговы» предназначены для специализированного пользования строго ограниченным кругом лиц из числа действительных членов собрания «свидетелей Иеговы».

Авторы миссионерско-апологетического проекта «К истине» в статье «Свидетели Иеговы: их плата за рай» отмечают, что организация «Свидетели Иеговы» была классифицирована как деструктивная религиозная организация (тоталитарная секта, деструктивный культ) в нескольких источниках:

1) аналитическом вестнике Государственной думы РФ «О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций», 1996 г.;

2) итоговом заявлении Международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России», 16—20 мая 1994 г., Москва;

3) постановлении Государственной думы РФ «Об обращении Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» от 15.12.1996 г.;

4) информационном материале Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации «К докладу о социально-медицинских последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье личности, семьи, общества и мерах обеспечения помощи пострадавшим», 1996 г.

Кроме этого, в письме Минобразования РФ от 12 июля 2000 г. N 549/28-16 Минобразование просит довести до сведения руководителей и педагогических коллективов образовательных учреждений информацию о нетрадиционных религиозных объединениях и разработать мероприятия, препятствующие их проникновению в образовательные учреждения Российской Федерации. В данном письме сказано: «Поступающие в правоохранительные органы Российской Федерации материалы свидетельствуют об активной деятельности на территории России нетрадиционных религиозных объединений, наносящих ущерб личности, российскому обществу, государству. Под влиянием различных сект фактически попало значительное число граждан нашей страны. Например, „муниты“ и „саентологи“ объединяют десятки тысяч человек, „иеговисты“ — сотни тысяч» [<http://www.k-istine.ru>].

В центре нашего внимания оказались тексты организации «Свидетели Иеговы» (далее — тексты СИ), предназначенные как для внутреннего, так и внешнего пользования: периодические издания «Пробудитесь!» (электронная версия журнала); «Сторожевая башня» (начиная с выпусков 1995 г.); книги «Организованы проводить наше служение» (1990) и «Человечество в поисках Бога» (2006); брошюра «Бодрствуйте!» (2004); некоторые письма руководства рядовым членам организации.

«Раэлиты». Ученые веками ведут споры о двух главных возможных теориях происхождения человека и жизни на Земле. Идет постоянная борьба между сторонниками естественного отбора и приверженцами религиозной концепции происхождения мира. Что, если эти теории не верны? Что, если всё это лишь иллюзии, попытки человека объяснить неизвестное, мистическое? Что, если все мы лишь эксперимент? Эксперимент по клонированию. Именно такой теории придерживаются более 40 тысяч человек во всем мире. Данное движение получило название «Раэлиты». Лидером этого движения является Раэль, что дословно переводится как «посланник». Раэль (в жизни — Клод Ворильтен) — глава Международного движения «Раэлитов» — в одном из интервью (интервью, взятое у Раэля в феврале 1998 г. корреспондентом «Российской газеты») заявил: «Человек не является продуктом естественной эволюции природы. Он не произошел от обезьяны. Все мы — потомки клонов, созданных 25 тысяч лет назад лабораторным путем инопланетной цивилизацией, использовавшей Землю в качестве научной лаборатории. Цивилизация, создавшая нас, в свою очередь сама была создана тем же способом. Мы, земляне, достигнув должного уровня прогресса, клонируем в будущем иные миры. Таким образом, происходило, происходит и будет происходить размножение разумной жизни во Вселенной. Космическая миссия человечества заключается в том, чтобы обеспечить непрерывность этой цепочки». Раэль даже не побоялся шокировать публику заявлением о том, что «Христос — это мессия элохимов, а его воскресение — результат клонирования. Выполнив свою миссию, он был возвращен на свою планету». Ответ на вопрос, почему именно Раэль стал мессией, дается в его книге, изданной на 25 языках, «Послание, переданное инопланетянами», в которой он рассказывает историю своей жизни. Раэль рассказывает о том, как встретил человекоподобное существо с другой планеты. Инопланетянин (элохим) вышел из летающей тарелки и передал ему историю происхождения нашего мира. Более того, элохим назначил Раэля мессией, целью которого является формирование человечества об этой теории и подготовка насе-

ления к принятию их создателей — элохимов, которые желают спуститься на Землю для передачи людям новых знаний.

Итак, «Раэлиты» («Движения Раэля», «раэльянцы», «рэйлиане», «Международное Раэлитское движение») — это международное оккультно-религиозное движение, провозгласившее своей целью открытие посольств для посланцев внеземных цивилизаций во всех странах. Одним из центральных пунктов учения Раэля является клонирование. То, что данное движение получило распространение во всем мире, является удивительным. Но еще более удивительным является проект, в который вкладываются раэлиты, — посольство для пришельцев. Они уверены, что в стране должно быть специально отведенное место, где земляне могли бы встретиться со своими инопланетными создателями.

«Раэлинское движение» просило земельный участок Израиля. Но как бы ни был велик соблазн стать страной — духовным центром «Раэлитов» и привлекать паломников со всего мира, ведомство ответило отказом, решив, что было бы «лучше ничего не предпринимать против Раэля в случае, если он действительно ожидаемый Мессия».

Для движения «раэлитов» характерен иерархический принцип организации. Главным посланником является Гид Гидов — Раэль. Связь с элохимами осуществляется через него. Раэль имеет помощников, именуемых гидами. На третьей ступени находятся сторонники организации. Убийства, самоубийства и аборт считаются допустимыми; наркотические средства и курение запрещены, алкоголь употребляется умеренно. Организация отрицает все существующие религии, церковь и устройство общества.

В данной работе основные речевые стратегии и тактики рассматриваются на примере книги «Послание, переданное инопланетянами» (2007) [<http://ru.rael.org/home>].

«Сайентология». «Сайентология — это „авторская секта“, единоличное создание Л. Рона Хаббарда. Саентология является одной из самых опасных деструктивных тоталитарных организаций, ее учение отличается невероятно мощным и разрушающим воздействием на психику адептов. Примечательно, что

данное движение ориентируется на людей, которые мало интересуются духовными исканиями и практиками. Это секта для „обычных“ людей, стремящихся к карьере, успеху и лучшей жизни. Использование такой стратегии в современном мире позволяет завербовать большее количество людей.

Образ саентолога — это успешный, энергичный человек. Он доволен жизнью и не имеет проблем со здоровьем. При первом знакомстве с саентологом и данным религиозным движением будущего участника секты будут уверять, что „сайентология — это совсем не религия, а просто необычайно эффективный современный метод, помогающий человеку научиться владеть собой, общаться с окружающими, организовать свой бизнес, исправить свое здоровье“» [Дворкин 2002]. Для движения характерен иерархический принцип организации. Вербуемому объяснят, что эту методику придумал и изобрел лидер Церкви сайентологии — «исключительный и выдающийся во всех отношениях человек, Л. Рон Хаббард» [Дворкин 2002].

Лафайет Рональд Хаббард (сайентологи называют его Рон, а в письменной речи используют аббревиатуру «ЛРХ») является лидером сайентологического движения. При первом знакомстве с организацией адепту предоставляют информацию, из которой можно узнать, что Рон Хаббард родился и провел детство у своего богатого дедушки на ранчо и имел невероятные способности: в три года он научился прекрасно сидеть в седле, в юности он в одиночку путешествовал по миру, а в 19 лет Хаббард поступил в университет Джорджа Вашингтона, где получил два высших образования. Сайентологи называют Хаббарда великим военным героем, утверждая, что он в одиночку топил японские суда, получил ранение, а позже, в военном госпитале, придумал дианетику и с ее помощью полностью восстановил свое здоровье.

Но эта биография не соответствует действительности. Дедушка Рона не был богат и не имел никакого ранчо. Сам Рон был простым троечником в школе, без особых талантов и способностей. Лошади вызывали у него страх, и он никогда не был великим наездником. Действительно, Хаббард поступил в университет Джорджа Вашингтона, но был отчислен со второго

курса за неуспеваемость. Хаббард путешествовал по миру, а точнее скрывался от кредиторов, у которых он занимал деньги и тратил их на свои гениальные планы, каждый из которых потерпел провал. Рон действительно служил на флоте, но не принимал участия ни в одном бою. Лишь однажды он командовал военным судном и два дня вел бой с вражеской подлодкой, которой, как позже выяснилось, не существовало. За что его и сняли с этой должности. Он действительно лежал в военном госпитале, но не из-за боевых ранений, а из-за травмы бедра, которую он получил, упав с лестницы, конъюнктивита, язвы двенадцатиперстной кишки и других заболеваний, никак не связанных с военными действиями. Кроме того, в текстах организации Рон Хаббард с нескрываемой гордостью называет себя «доктором». Но «единственная докторская степень, которая у него есть, — это степень „доктора сайентологии“, которую он сам себе и присвоил» [Религии и секты в современной России].

После войны Рон Хаббард начинает заниматься гипнозом, оккультизмом и черной магией. Все это окажет большое влияние на методологию, учение и некоторые приемы сайентологии.

Основной мотивацией к разработке учения было безденежье. Хаббард скажет, что «если хочешь разбогатеть, нужно основать собственную религию, потому что настоящее состояние можно сделать только в этой сфере» [Дворкин 2002]. Одним из любимых высказываний Рона было: «Делайте деньги, делайте деньги, делайте больше денег, делайте еще больше денег, заставляйте других работать, чтобы и они производили для вас деньги» [Там же]. По словам А. Л. Дворкина, «это как бы эпиграф ко всей сайентологической деятельности и ко всему существованию этой секты» [Там же].

Следуя своей мысли, Хаббард выпускает книгу «Дианетика: современная наука о разуме». Само слово «Дианетика» происходит от двух греческих слов: «диа» («через») и «нус» («ум»), другими словами «через ум». Но некоторые исследователи считают, что название этого учения связано с именем «Диана». Интересно, что первый корабль и первая дочь Хаббарда носили именно это имя.

Выпуск книги «Дианетика: современная наука о разуме» положил начало «новой сайентологической эре». Стоит отметить, что у сайентологов летоисчисление очень своеобразное. Привычная для христиан аббревиатура AD — Anno Domini (год Господень, от Рождества Христова) для сайентологов означает «After Dianetics», то есть «после дианетики». Это один из приемов, способствующих ослаблению связи адепта с миром.

«Дианетика рекламируется сайентологами, как учение о разуме, наука о душевном здоровье, технология избавления от комплексов и вредных привычек... но по существу это — придуманный Р. Хаббардом гибрид техник гипноза, некоторых ранних методов Фрейда (от которых тот позже отказался, как от неудачных) и псевдонаучной терминологии, изобретенной Хаббардом» [Религии и секты в современной России].

Идеей книги является то, что все происходящее в нашей жизни записывается в определенные части мозга и служит источником всех наших проблем. Рон утверждает, что при помощи дианетики можно излечить любое заболевание, включая рак и лейкемию.

Вскоре в своем учении Хаббард находит некоторые недостатки и решает «орелигиозить» свою науку. Так появилась «сайентология» — от латинского «scio» («знаю») и греческого «λόγος» («слово») — «слово о знании» [Дворкин], «учение о знании» [Религии и секты в современной России], «знание того, как знать, или наука о знании» [Саентология в Киеве и Украине].

«Сайентология — это прикладная религиозная философия, обучающая мудрости и практике управления духом» [Религии и секты в современной России], а дианетика представляет собой технику сайентологии. Но иногда, преследуя корыстные цели, сайентологи утверждают, что дианетика и сайентология никак не связаны и являются самостоятельными науками.

Вербовка в Церковь сайентологии начинается с «Оксфордского теста». Этот тест состоит из 200 достаточно личных вопросов, не является анонимным и не имеет никакого отношения к Оксфорду. Таким образом, потенциальный адепт предоставляет секте объемную информацию о себе, которая впоследствии

будет использована против него в личных целях. При любом результате теста вербуемому предложат пройти курсы организации. Эти люди хорошо обучены, и неподготовленному человеку будет сложно выйти из-под их интенсивного давления. Так человек попадает в бесконечный цикл сайентологических курсов и всевозможных тренингов.

Выход из секты практически невозможен. При изъявлении желания о выходе из секты адепта шантажируют информацией, которую он сам преподнес сайентологам. При нехватке материальных средств на последующие курсы участнику либо предлагают подписать контракт, обеспечивающий жилье и работу в сайентологической организации, таким образом делая адепта своим пожизненным рабом, либо отпускают зарабатывать деньги, но иногда посредством телефонного звонка сайентологи предлагают условно вышедшему участнику пройти курсы организации с невероятной скидкой, вновь втягивая его в секту.

Анализ речевых средств воздействия в текстах организации «Сайентология» представлен анализом набора стратегий и тактик в книгах Л. Рона Хаббарда «Саентология: Новый взгляд на Жизнь» (далее «НВНЖ»), «Дианетика. Современная наука о разуме» («Д»), «Саентология: Основы мысли» («С:Ом»).

В ходе анализа языкового материал выявлены три основные коммуникативные стратегии, общие для текстов всех обозначенных организаций: уговаривания, дискредитации, запугивания.

Каждая из трех стратегий характеризуется по трем параметрам:

1. Цель.
2. Мотивы.
3. Коммуникативные тактики и речевые ходы, реализующие стратегию.

2.2. Стратегия уговаривания

В первую очередь необходимо определить специфику речевой стратегии уговаривания и найти отличия между просьбой и убеждением. Отличие уговоров от просьбы имеет «количественный» признак: стратегия уговоров не может быть реализова-

на посредством одного коммуникативного хода. В отличие от просьб, уговоры характеризуются множественностью аргументов. Сравнивая стратегии уговаривания и убеждения, мы, вслед за М. Ю. Федосюком, пришли к выводу, что уговаривание воздействует не столько на разум и логику, сколько на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено именно на разум человека. При уговаривании могут использоваться логические доводы, но они выступают как вспомогательное средство [Федосюк 1997].

1. Цель стратегии: добиться подчинения, побудить партнера совершить определенные действия. Говорящий исходит из того, что некоторые когнитивные пресуппозиции у участников коммуникативного акта не совпадают, и партнер не хочет делать того, что ему предлагается. Поэтому предполагается, что первоначальной реакцией на речевые действия инициатора будет отказ.

2. Мотивы: привлечение большего числа адептов и получение от них материальной и духовной выгоды.

3. Анализ фактологического материала позволил выделить следующие тактики, реализующие стратегию уговаривания:

- **Апелляция к чувствам, отношениям адресата.** Когнитивной посылкой данного хода является представление о чувствах коммуникантов друг к другу, которые эти стороны находят ценными.

В учениях организаций великое множество текстов, которые направлены на то, чтобы привлекать в секту людей, для чего используется апелляция к чувствам и общечеловеческим ценностям адресата (например, любовь к другим людям, чувство патриотизма, любовь к родине). Ср.:

ВББ: Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живёт духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него тёмною загадкою и странною ненужностью. На безродность обречён тот, у кого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа для него («Виктория Ра» № 2 / 2011); Славянская Земля — Избранная Богом территория, откуда происходит древнейший исток развития современной цивилизации («Наши истоки — Святая Русь», 9.04.2003).

«Разлиты»: ...мы все любим друг друга (с. 43); ...человек, который чувствует себя одиноким, всегда может попробовать пообщаться телепатически с нами, тогда вы почувствуете себя невероятно хорошо (с. 73); Мы полагаем, что некоторые больные люди заслуживают нашей помощи, потому что желают распространять послания, которые мы вам передали, и прилагают усилия в достижение космического разума через открытие себя к бесконечности (с. 65).

В текстах представлены многочисленные примеры апелляций к общечеловеческим ценностям, таким как красота, любовь, добро и т. д., ср.: ВББ: *Но наступила Космическая Эпоха Водолея. А это — эпоха Великой Женственности, Воздуха, Света, Гармонии, КРАсоты, постижения Духовности, которая была утрачена человечеством Земли. И вскоре земле вновь заговорят на едином планетарном языке, ибо Земля ПреобРАзится Светом* («Астрологический аспект „Науки о Свете и Его Трансформации“», 29.01.2002); *В одухотворенном Космосе уже никогда не будет места бездуховности и всем порокам уходящего мира: алчности, зависти, блуду, ненависти, эгоизму, невежественности и т. д. Не будет воин и болезней, не будет голода и нищеты, не будет предательств и несправедливости* («Планетарный Геоцентризм Матери Мира», 22.03.2001). Повтор «не будет» эффективно действует на последователей этого учения, они беззаветно верят в то, что скоро мир их будет освобожден от пороков.

Как утверждает сама «Мать Мира», только с ее помощью мир обретет гармонию и счастье, что вселяет уверенность в адептов касательно ее незаменимости в спасении славянского народа, даже всех жителей Земли, ср.: *без Духовного Зрения и Духовного Водителя всякий путь о б р е ч ё н на погибель... Так-то, земле!* («Монос Астерион», 14.05.2002).

Существование Бога для всех религиозных людей является неоспоримым фактом. Пользуясь этим, наставники секты говорят: *К Богу Живому идут живые, не входящие в бездушную инертную массу. К Богу идут Ангелы с белыми крыльями, чистые, добрые, открытые. Беззащитные идут к Богу... Ибо Бог —*

их Покров и Защита, ЛЮБОВЬ и СПАСЕНИЕ! (Тоталитарная идеология — мертвое православие порождает потенциальных рабов... Доколе рептилии будут управлять миром? 19.03.04). Такой прием апелляции к вере в Бога действует безотказно, так как адепты не могут не согласиться с этой истиной.

Широко распространен прием риторических восклицаний, который придает патетический тон всем высказываниям, ср.: *Великая Благодарность и Любовь ко Всевышней Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС наполняет сердце!!! Её Вселенскими Трудами приближается Час Победы Света во Вселенной! Да разрушатся планы тёмных сил!!! Да Воссияет Слава Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС во всех мирах и пространствах!!! УРА!!! АУМ РА!!!* (Коварные планы рептилоидов — Разрушены ВОЛЕЙ СОФИИ-СОТИС. 13.06.93).

Регулярно используются сакральные формулировки-заклинания типа *Ура! Аум Ра!*

Особое место в религии Белого братства занимает учение о женщине и ее месте в современном мире. Как говорит Матьерь Мира, женщины поддались разврату, опустились в своем духовном развитии, унизили сами себя, ср.: *...было унижено святое человеческое тело, а особенно женское — превращено в нечто постыдное... Хульные слова назвали в честь матери — „матерными“, т. е. грязными, вульгарными, непристойными, ругательскими* (Тайна Марии «Магдалины», или кто управляет сознанием землян, 05.02.05).

Следует отметить, что для секты характерны следующие формулы, свидетельствующие об огромном значении женщины не только как объекта уважения и почитания, но и как высшего существа, как идола для поклонения, как Бога, ср.: *Бог — Есть Мать!; Матьерь Мира Мария ДЭВИ ХРИСТОС — „Жена, Облечённая в Солнце“, Совершает Победу над „Зверем“!; Наступила Космическая Эпоха Водолея. А это — эпоха Великой Женственности, Воздуха, Света, Гармонии, КРАсоты, постижения Духовности; Мария Дэви Христос — сама матьерь мира!*

Идеологи «Разлитов» пропагандируют в первую очередь свободу выбора, ср.: *...дети не прилагают труда, чтобы учиться... Мы вводим им всю нужную информацию в виде жид-*

кости. Поэтому дети занимаются только интересными вещами (с. 44); Если вы желаете иметь ребенка, не проживая с мужчиной, сделайте, как вы желаете. Реализовывайте себя, как вы хотели бы, не беспокоясь, что думают другие (с. 79); Если кто-то слишком сильно страдает, он имеет право на самоубийство; (с. 81) Если кто-то, кого вы любите, очень страдает и желает умереть, не имея при этом сил для совершения самоубийства, помогите ему уйти из его собственной жизни (с. 81); ...используйте средства, которые вам предлагает наука, начинающиеся с контрацепции (с. 79); ...молодежь понимает, что им не нужно иметь много детей, и что лучше иметь меньше, чтобы они могли быть счастливее (с. 67); ...если по несчастью вы зачали ребенка, не желая его, используйте средства, которые предоставляет вам наука, — аборт (с. 79).

Таким образом, для удовлетворения собственных желаний, достижения гармонии с самим собой и ощущения чувства свободы раэлиты допускают всё, даже самоубийство.

• **Апелляция к качествам партнера / «Комплимент».** Используя данную тактику, говорящий может выделять качества слушающего, которые позволяют адресату выполнить то, к чему склоняет его говорящий. Он может использовать манипулятивное воздействие, при котором языковыми средствами добивается у объекта чувства стыда за приписываемые ему негативные качества. Ср.: ВББ: *Человек уходящей эпохи лжи и безнравственности — человек падающий* («Мир Сатаны (Антибога)», 1992); *Ничтожно человек повлиял и на окружающий его, некогда, прекрасный мир Природы, Созданной для него Единосушной Матерью Софией* («Война против своего Народа», 03.05.2011); «Сайентология»: *В Саентологии мы делаем очень мало, чтобы навязать людям какие-то выводы. Любой индивидуум может сам испытать эти вещи, и никто не рассчитывает, что он примет их, не сделав этого* («С:Ом» с. 23); *В Саентологии мы можем полностью передать все эти детали, так как мы только призываем обратить внимание на шаблон, которым индивидуум уже владеет; поэтому, в действительности, мы его ничему не учим. Мы лишь указываем на те вещи, которые он уже принял*

или сам создал («С:Ом» с. 27); Саентология, в отличие от других наук, не учит вас, она только напоминает, так как вся эта информация была вашей изначально. Это не только наука о жизни, но это и отчет о том, что вы делали до того, как забыли о том, что вы делали («С:Ом» с. 29). Говорящий ожидает согласия партнера вследствие его установки на положительную самопрезентацию, т. е. отказ не принимается априори.

Современный человек представляется в религиозном учении Белого братства опасным существом, совершающим грехи: *Человечество, пройдя свой вековой путь, подошло к новой Эпохе — Эре Света Матери Мира, как убийца, как планетарный убийца, Вселенский убийца, грехи которого изошли от нелюбви к Богу, и в совокупности своей составили единый грех: убийцы всего живого!* (Современные технологии на службе у Антихриста, 30.04.02) — лексический повтор слова *убийца* вызывает у адептов чувство стыда и страха за содеянное.

Апелляция к разуму. Осуществляется посредством использования средств, указывающих на разумность, компетентность адресата, ср.: ВББ: *Уразумей, осознай, вмести Великое Слово Матери Мира, Её ЛЮБОВЬ и Знание о Ней, влейся в Макрокосм и стать составляющей Светополотна Матери Света, Ткущей Мироздание и всё, что в Нём* («Небесный Рай (Царствие Света)», 1992). Апелляция к разуму обычно включает маркеры, указывающие на очевидность аргумента и объективность аргументатора. Акцент может делаться на гипотетический вред для адресата, включает в качестве аргументов речевые высказывания со значением угрозы. Однако это большей частью относится к стратегии запугивания, к которой мы обратимся чуть позже. Ср.: «С.»: *Миллионы людей обрели веру в себя, коренным образом изменили свою жизнь с помощью Дианетики* («Д», форзац). Организация разлитов связывает свои идеи с наукой для большей убедительности. Кроме того, современным людям интересны новинки в сфере информационных технологий, и поверить в их существование проще, чем в крылья у людей. В текстах все мистическое объясняется с научной точки зрения. Особое значение уделяется астрономии, экологии и биологии.

Так, переход Моисея *через море был обеспечен благодаря лучу, отталкивавшему воду и открывавшему таким образом проход* (с. 12); а жезл Моисея, которым он заставил *„хлынуть воду из скалы“ то это было не что иное, как детектор подземных вод»* (с. 14). Сцена в Священной Книге, в которой вороны приносят хлеб — это всего лишь *пример телеуправления животными с помощью электрода* (с. 17). А момент, когда дрова Или, залитые водой, зажглись сами собой — всего лишь использование *мощного луча, похожего на лазерный который был выпущен из космического корабля* (с. 18). Описание в Библии серафимов, у которых по шесть крыльев — *это описание создателей, одетых в скафандры, оснащенные шестью маленькими реакторами, дающими направление* (с. 19). Позже Даниила *бросают в ров со львами, но звери не трогают его*, так как элохимы в это время используют на животных *парализующий луч* (с. 22). Рыба, в чреве которой Иона жил три дня и три ночи — *подводная лодка элохимов* (с. 23). Две женщины, пролетающие на крыльях перед Захарием, — *это подруги создателей, одетые в автономные летные комбинезоны* (с. 23). Есть еще немало проявлений науки в текстах организации. Так, *когда Иисус идет по воде, создатели поддерживают его антигравитационным лучом* (с. 30). «Разлиты» утверждают: *...после смерти нет ничего, если не используется наука* (с. 65); *вашей религией должна быть наука* (с. 86).

- **Апелляция к авторитету.** Ссылка на источник аргументации, являющийся авторитетным для собеседника — традиционный риторический прием, известный как одна из уловок полемики. Учет и активное использование авторитетов являются одним из ключевых способов манипуляции сознанием.

Мы выявили случаи использования апелляции к положительному авторитету или, наоборот, к отрицательному образу.

ВББ: *Философ и публицист конца XIX — начала XX века Иван Ильин в своих работах дал чёткое определение тоталитарному режиму. Приведу его изречения на эту тему: Тоталитарное государство — есть всеобъемлющее государство. Оно отправляется от того, что самодеятельность граждан не*

нужна и вредна, а свобода граждан опасна и нетерпима... Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою внутреннюю жизнь, как хочешь; тоталитарное государство требует: думай предписанное, не веруй совсем, строй свою внутреннюю жизнь по указу. Иными словами: здесь управление — всеобъемлющее; человек всесторонне порабощён; свобода становится преступной и наказуемой («Доколе Рептилии будут управлять Миром?»), 2011).

Таким образом, adeptам сообщается, что тоталитарное государство, в котором они живут, подавляет их сознание и ведет к полному закрепощению личности. Поэтому государство опасно для жизни личности. Здесь, кроме отсылки к авторитету, коим является философ и публицист Иван Ильин, явно наблюдается и другой вид стратегии — стратегия дискредитации, которую мы рассмотрим ниже.

Практически любое высказывание, любая мысль в текстах «свидетелей Иеговы» подкреплены ссылками на Ветхий и Новый Завет как на авторитетные источники информации. Чаще всего это вырванные из контекста или искаженные цитаты из Библии, а также ссылки на библейские стихи, нередко тематически не имеющие отношения к мысли, которую они призваны обосновать. Иными словами, используется прием фальсификации, проще — «подделывание, изменение вида или свойства чего-л. с корыстной целью, чтобы выдать изделие за что-л. другое» [Ефремова [http](http://)].

Так, запрет на переливание крови членам организации, даже в случае крайней необходимости, подкрепляется ссылкой на новозаветный стих: *Будьте уверены, что это наше горячее желание помочь всем нашим братьям повиноваться Божьему закону „Воздерживаться от ... крови“ (Деяния 15:28, 29)* (Сторожевая башня, 1.12.1995). Вольная и удобная для руководства СИ интерпретация приводит к искажению смысла слов апостолов, приведенных в каноническом Новом Завете, где речь идет об отказе приема крови в пищу: *Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и давле-*

нины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здравы (Деян. 15:28—29. Библия. Каноническое издание). Кроме того, предписывающий характер речи создается посредством использования глагола *повиноваться*, т. е. «подчиняться чьим-н. приказам, беспрекословно слушаться» [Ожегов 2003: 529]. Возникает эффект оксюморонности речи — *помочь повиноваться*, подтекст которого прозрачен: в случае неповиновения «*Божьему закону*» последует наказание, поскольку слова Библии — непререкаемый авторитет.

Другой пример. Верность утверждения, что все затраты в случае болезни принимает на себя больной, доказывается аргументами из Нового Завета, ср.: *Расходы на медицинское лечение несет больной и его семья (Галатам 5:6; Римлянам 13:8). Однако когда расходы превышают возможности больного и его семьи, тогда близкие и дальние родственники, такие как родители, дедушки, бабушки, дети, внуки, тети, дяди, двоюродные братья и сестры и др., — могут помочь (Сравни 1 Тимофею 5:4). <...>. Не следует выпрашивать денег у собрания для подобной цели (Сторожевая башня, 1995) (графическое выделение последнего предложения — авторы текста письма). В Послании же к Галатам, 5:6, на которое ссылаются авторы «Сторожевой башни», говорится: «Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 5:6. Библия. Каноническое издание). Тематически цитата из новозаветного стиха не соответствует мысли, которую она призвана доказать — используется банальное искажение смысла. В Послании к Римлянам, 13:8, речь идет о том, чтобы никому ничего не быть должным, кроме любви к людям, но этот смысл становится ясным лишь в контексте нескольких стихов: «Итак, отдавайте всякому должное: кому поДать, поДать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон» (Рим. 13:7—8. Там же). Дальше руководство организации дает свое позволение (*могут помочь*) на помощь больному родственникам, вновь доказывая обоснованность такого решения тематически несколько неуместной*

ссылкой на Новый Завет: «Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу» (1 Тим. 5:4. Там же). Система приведенных в тексте письма аргументов подытоживается графически выделенным жирным шрифтом и подчеркнутым выводом **«Не следует выпрашивать денег у собрания для подобной цели»**. Графически мы чаще всего выделяем в тексте фрагмент, на который хотим обратить особое внимание читателей. В данном случае это прямой запрет на выражение просьбы о помощи, причем запрет в пренебрежительной форме, поскольку глагол *выпрашивать* подчеркивает многократность совершения действия, ассоциируется с попрошайничеством, мольбой.

Подобные манипуляции и фальсификации библейских стихов рассчитаны на читателя, который в большей степени доверяет авторам писем, а не словам Библии, на которые авторы текстов ссылаются.

В случае с организацией «Сайентология» авторитетом оказывается Рон Хаббард и знаменитые последователи его учения: Джон Траволта, Ли Пурсэл, Чик Кория, Кейт Коуд, Эдуардо Паломна, Билли Шихан и др.

Ср.: Это самая полная и точная книга, которую я когда-либо читал по такому предмету, как разум, и эта книга изменила мою жизнь в большей степени, чем что-либо еще. Прочитайте эту книгу от корки до корки, и ваша жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. Доктор Дэвид Сингер. Врач-консультант («Д», форзац); Дианетика позволила мне реализовать мои возможности и достичь успеха, к которому я всегда стремился. Кен Гебрино. Ведущий консультант по новостям («Д», форзац); И все это благодаря Дианетике. Ваша сила творчества взмывает ввысь как ракета, когда вы применяете Дианетику. Билли Шихан. Бас-гитарист группы „Мистер Биг“ («Д», форзац); Дианетика сделала меня настолько свободным, что стало возможным свершение чего-то действительно грандиозного, и ничто не может помешать мне в этом. Джон Траволта. Актер («Д», форзац); Изучение и применение технологии

Дианетики было самым важным этапом в моей жизни. Благодаря этому для меня стали возможны настоящее здоровье и счастье, а также истинное понимание между людьми. Ли Пурсэл. Актриса («Д», форзац); Благодаря Дианетике я достигаю своих целей. Чик Кория. Джазовый музыкант («Д», форзац). Или ещё примеры: ...вручение вам этой книги приведет вас и многих других к лучшей жизни («С:Ом», с. 3); Эффективна ли Саентология? Саентологические организации располагают историями десятков тысяч случаев, подтверждающих это с уверенностью. Никакой другой предмет на Земле, за исключением физики и химии, не проходил столь суровой проверки («С:Ом», с. 4); Саентология используется несколькими крупнейшими компаниями мира. Она эффективна. Она прошла проверку. Она является единственной тщательно проверенной системой улучшения человеческих взаимоотношений, интеллекта и характера, и только она это делает («С:Ом», с. 4).

В учении «раэлитов» авторитетен лишь лидер организации. В текстах сделан сильный упор на создание положительного впечатления о лидере. Этот человек успешен в карьере, женат и воспитывает двоих детей. Его избрали, так как он умный и широко мыслящий (с. 6); отличается свободомыслием, не будучи, однако, противником религии (с. 6); в детстве развил в себе ненависть к насилию (с. 54); жил, все время беспрестанно прогрессируя (с. 57).

В конце текста возвеличивание доходит до предела. Лидера называют Гид Гидов (с. 91); наш Любимый Сын (с. 97); наш Любимый Пророк (с. 97).

Более того, Разэль представлен как единственный возможный Спаситель: ...следуйте за вашим гидом гидов, только он знает, как избежать опасностей, ибо он — путь, истина и жизнь (с. 96); чем больше вы любите гида, тем больше вы любите нас, потому что он наша частица на земле (с. 97); вы не можете любить нас и в то же время пренебрегать им, ибо никто не достигнет Отца, кроме как через Сына (с. 97); вы не можете утверждать, что любите нас, если вы не относитесь к нему как к самому дорогому (с. 97); он ваш лучший адвокат в глазах

ваших Создателей (с. 97); он — ваш самый драгоценный подарок (с. 97); Идите и встретьтесь с ним, и помогите ему — он нужен вам (с. 92).

Анализ языкового материала показывает, что коммуникативная стратегия уговаривания зачастую не сводится к использованию одного коммуникативного хода. При необходимости она включает в себя такие речевые тактики, как угрозу, упрек, дискредитацию, позволяющие расширить прагматическое воздействие на адресата.

2.3. Стратегия дискредитации

1. Цель — подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо или чего-либо, не имеющего отношения к организации.

2. Мотив — завлечь человека в организацию прежде, чем он что-нибудь о ней узнал, и извлечь из него материальную и духовную выгоду.

3. Тактика оскорбления и издевки. Одной из коммуникативных задач является информирование об отрицательной оценке какого-либо лица. Реализуется тактика с помощью следующих коммуникативных ходов:

• **Прямая и косвенная негативная характеристика.** Ход предполагает умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств оппонента. Так, в текстах учений ВББ часто подвергаются дискредитации ученые, которые называли Белое братство сектой, которую нужно искоренить как зло и вред для человеческого общества. Подчеркивалось то, что мнение этих ученых совсем не авторитетно и вообще люди эти «на стороне темных сил»: *Наверное, стоит возблагодарить всех православных батюшек, дворкиных и шестёркиных за то, что помогают людям сделать свой выбор: за ними в Ад, или к Богу Живому в Вечный Мир Царствия Света!* («Война против своего Народа!», 03.05.2011). Дискредитируется Европейский союз, а в большей степени — политический деятель Украины Юлия Тимошенко: *Пресловутый ЕС затягивает всех*

скопом в лапы Антихриста. И его сподручная на Украине Тимошенко-Капительман, „мать“ оранжевой революции, проплаченная мировым правительством, демоническая рептилия, выдающая себя за „спасительницу“. Нет у неё ни силы, ни власти против Силы и Духовной Власти Самой Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС! Ибо посягнула на Недосягаемое и совратила пол-Украины во Тьму! («Свободомыслия Свет Спасет Русь», 27.08.2011).

Нужно отметить, что в учениях Белого братства Юлия Тимошенко чаще всего подвергается нелестной критике, ей посвящены целые статьи последователей секты. Нельзя не заметить, что приведенная нами цитата весьма богата на выразительные средства: *сподручная ЕвроСоюза, „мать“ оранжевой революции, демоническая рептилия* — все это яркие примеры использования другой тактики — метафоризации, которую мы рассмотрим ниже.

Авторы статей секты «Белое братство» не обошли стороной и нынешнего президента США — Барака Обаму, которого они сравнивают с Антихристом, приводя аргументы из его биографии. Например, мать Обамы — еврейка «нетяжелого» поведения (блудница). Подчеркивается и то, что Обама зачат за два месяца до бракосочетания своих родителей: он родился 4 августа 1961 г., а его родители расписались 2 февраля 1961 г. То есть он зачат в грехе. Не упустили из виду и вот что: *На инаугурации Обама единственный был в чёрных перчатках, а про антихриста сказано, что венчаться на царство он будет в перчатках, чтобы скрыть когти.* И в конце своего рассуждения автор задается вопросом, на который сам дает ответ: *Антихрист ли он? Стопроцентно ручаться за это нельзя, но уж больно всё сходится* («Знаменья над Обамой. Признаки Антихриста», 14.01.2013).

Все опубликованные статьи, посвященные Бараку Обаме, пронизаны, мягко говоря, неприязнью к нему и его появлению на политической арене. Как отмечалось выше, большинство материала представляет собой информацию о происхождении американского президента. Помимо этого, наличествуют фрагменты, которые дискредитируют его как политика: *Обещает спра-*

виться с экономическим кризисом, разрешить исследования на стволовых клетках, сочувствует и христианам, и мусульманам, и сексуальным меньшинствам одновременно, поддерживает аборт и однополые браки. Он считает, что не должно быть „стен расовых и религиозных различий между людьми“ — пусть все будут приятно смуглявенькими единоверцами, как и он сам («Зверь, из бездны выходящий...», 14.01.2013). В текстах постоянно подчеркивается тот факт, что Обама, с одной стороны, является приверженцем всех религий, с другой — покровителем всех грешников, т. е. он якобы старается угодить абсолютно всем, чтобы стать главой не только США, но и всего мира.

Проанализировав тексты ВББ, мы можем сделать вывод о том, что самыми главными противниками для этого учения являются официальные религии, которые сами члены организации называют сектами, ср.: *Православные и католики и являются самыми многочисленными и опасными христианскими сектами. Ведь в иудо-византийском христианстве не было никакого „православия“ или „левославия“, а вот сект всегда было множество («Враг боится правды!», 21.06.2011).*

Мы встретились со множеством оскорблений в сторону слушателей церкви. Подчеркивается не только их бездейственность, но и их опасность, например: *Печально, что православие — мафиозная структура государства, паразитирующая на теле непросвещённого, погрязшего в духовном невежестве, народа, — захватила в свои руки информационное пространство планеты («Русы, победим, Дракона!», 16.12.2011).*

С помощью сравнения православия с мафией и паразитом создается образ чего-то фальшивого и отвратительного, что вызывает у адептов отторжение.

Неприятность и паразитизм в образе православия описываются и в следующем примере: *Псевдодуховность говорит сама за себя: как грибы после дождя, растут православные храмы с золочёными куполами, а народ, тем временем, деградирует и вымирает. И это очень угодно повелителю Тьмы («Тоталитарная идеология — мертвое православие — порождает потенци-*

альных рабов», 5.02.2005). Авторы демонстрируют то, как ошибочный выбор вероучения может привести к катастрофе.

Враждебно члены организации относятся и к журналистам, «прославляющим» секту, в частности их предводительницу. Так, в марте этого года, после выхода на украинском телевидении репортажа о Марии Дэви Христос, на сайте секты появляется статья, в которой утверждается, что вся информация, донесенная до зрителей, является сплошной циничной ложью. В ответе на этот «лживый пасквиль» содержится не только опровержение выпущенного материала, но и гневное обращение к тележурналистам: *Полная безответственность, безграмотность, глупость и ничемность обывательского мышления! Это говорит о том, что у самих журналистов очень низкое дырявое сознание, а сами они зазомбированы на штампы и фобии, моральное и духовное падение, кои они успешно распространяют, как заразу, среди населения* («Ответ телеканалу Интер на лживый пасквиль о Виктории Преображенской», 20.03.2013).

Встречаются в других текстах и более грубые образные формулировки: *карманная пресса, толпа бездушная и необразованная, неуважаемые журналюшки-рептилоиды!, рептилоидная шавка* — вот самые красочные из обращений, используемые в текстах.

Нельзя не отметить целое учение членов организации о метке зверя 666, или, иначе, чипизации. По их словам, в тело каждого непосвященного человека будет вживлен чип, для того чтобы государство смогло полностью контролировать сознание и поведение людей. Выше мы приводили цитату из Откровения о числе 666 — разумеется, ни о каких микрочипах в Откровении речи не идет, это всего лишь бурная фантазия авторов учений секты. Они настолько умело запугивали членов организации, что те отказывались получать новые паспорта, фактически нарушая закон, только из-за того, что в них якобы был вживлен микрочип, который поработит владельца документа. Так же их пугало и наличие в паспорте трех завитков, напоминающих 666.

Ср.: *Вживление чипов в тело человека — это, фактически, больше чем убийство, — это полное разрушение психики и Ду-*

ховной сферы человека, превращение человека в раба-зомби, — это полное разрушение самой главной животельной связи человека, его Души — с Источником Жизни во Вселенной... («Чипизация и нанотехнологии», 08.11.11).

Авторы текстов упорно подчеркивают губительность вмешательства в тело человека микрочипа, здесь очень эффективно работает прием лексического повтора (*полное разрушение*) и, разумеется, гиперболы (*большие, чем убийство*).

Ср.: *Гигантский суперкомпьютер будет контролировать каждого имеющего метку. <...> Нетрудно догадаться, кто стоит за всем этим и кому это нужно. И не случайно, силы всего „цивилизованного“ мира направлены на компьютеризацию и подключение к международным компьютерным сетям отсталых в этом смысле славянских стран и, прежде всего, Украины и России. Уже давно известно, что существует некая тайная организация — держащая в своих руках все ключевые механизмы управления во всём мире. Члены этой организации — президенты многих стран, влиятельные бизнесмены, банкиры и т. д. («Опасность чипизация!... Метка зверя 666», 20.02.95).* За счет использования гиперболы члены организации рассчитывают на то, что людям станет страшно от того, что они скоро перестанут принадлежать себе, а управлять ими будет машина. Это очень эффективный способ создания образа опасного для гармоничной жизни людей мира.

В текстах **«Сайентологии»** подвергается прямой критике наука как катализатор войны на Земле и виновница всех бед человечества: *Религия, а не наука пронесла сквозь тысячелетия эти изыскания, эту войну. Наука едва не поглотила человека при помощи идеологии, отрицающей душу, являющейся признаком провала науки в этих исследованиях («НВНЖ», с. 6); Человек не может теперь разыгрывать предателя служителей Бога («НВНЖ», с. 6); Мы в Саентологии принадлежим к разряду искателей правды, а не к арьергарду создателей атомной бомбы («НВНЖ», с. 6); Теперь наука, первоначально означавшая правду, означает доход от исследований («НВНЖ», с. 10); Изобретение самострела, пороха, тяжелой морской пушки, авто-*

матов, огнемета и водородной бомбы все больше и больше убеждает нас в том, что война будет продолжаться («НВНЖ», с. 19); Единственное существенное состязание на этот момент происходит между Саентологией и атомной бомбой («С:Ом», с. 41).

Посредством дискредитации науки происходит возвеличение учения сайентологии.

В качестве врагов адептов **«Свидетелей Иеговы»** регулярно выступает «враждебно настроенный мир», а также все официальные религии (православие, католичество, ислам и другие вероучения). С помощью особой синтаксической конструкции — сложноподчиненного предложения с придаточным уступки — образ врага создается как бы случайно, ненамеренно, ср.: ***Хотя мир и становится все более насильственным, мы не можем больше рассматривать брата примерным, который продолжает работать там, где требуется быть вооруженным*** («Сторожевая башня», 1995). Дополняется портрет врага скрытой антитезой: «примерный брат», т. е. тот, кто верно исповедует учение СИ, чтит законы организации, противопоставляется всем тем, кто не гнушается деятельностью, связанной с ношением оружия (военный, полицейский и др.). Работа последних, таким образом, превращается в антигуманную, неверную, недостойную последователей учения СИ (вопрос об отношении организации к воинской обязанности — отдельная тема для рассуждений).

Особого внимания в плане применения данной тактики заслуживает книга «свидетелей Иеговы» 2006 г. «Человечество в поисках Бога» (решением Ростовского областного суда от 11.09.2009 и определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 08.12.2009 книга была признана экстремистской), ряд глав которой посвящен непосредственно характеристике различных религий. Так, в главе 5 «Индуизм. Поиски освобождения» критикуется индуизм и используется оскорбление христиан, почитающих крест: *крест — фаллический символ* (с. 102). Примечательно, что сами сторонники учения СИ, вопреки всем историческим фактам, креста не признают, а верят в то, что Иисус был распят на столбе.

Уже в самом названии 6 главы «Буддизм. Поиски просветления, минуя Бога» с помощью приема парадокса подчеркивается ложность вероучений буддизма (*поиски просветления, минуя Бога*). Далее в тексте главы реализуется речевой ход косвенного обвинения традиционных церквей в распущенности и вседозволенности, ср.: *Так все больше и больше людей знакомятся с буддизмом. <...>. Многим претит дух вседозволенности традиционных церквей, поэтому они обращаются в эту „новую веру“* (с. 129). Сочетание *дух вседозволенности традиционных церквей* в рамках контекста обладает негативной коннотацией, поскольку *многие против* (прием обобщения) этого; но и буддизм, по мнению авторов текста, в качестве спасительной религии не годится, поскольку закавыченное *«новая вера»* ставит под сомнение ее истинность. В результате лишь одна вера спасает — вера в учение СИ.

Обвинение, и даже оскорбление, в адрес исповедующих «инуую» религию содержится в следующем примере: *Прихожане церкви и даже священники позволяют себе вести распутную жизнь, прелюбодействовать, драться, пьянствовать, жадничать, лгать, заниматься спиритизмом и идолопоклонством* («Сторожевая башня», 01.06.93).

В результате образ врага, Сатаны, для членов секты имеет вполне конкретные очертания: современный бездуховный мир и ложные, с точки зрения «свидетелей», вероучения, следование которым ведет к гибели, а не спасению.

С точки зрения идеологов организации **«Разлиты»**, общество представляется как место гибели: медицина — бесполезной, психиатрия — опасной, различные религии — ложными, политика — устарелой. Семья и государство объявляются помехой для спасения. Только группа, ведомая гидом, который объявляет себя спасителем человечества, может вести людей по дороге к счастью. Усилия организации направляются на разрыв с семьей, с друзьями, с обществом. Все, кто критикует секту, представляются негативно, как опасные, выступающие против прогресса человечества. Все существующие религии представлены как религии примитивные, *«религии вчерашнего дня»*

(с. 95). Ср.: ...чем более примитивно общество, тем в большей степени в нем процветают божественные религии (с. 65); у вас нет больше оправдания, чтобы продолжать верить в „Бога“, в которого верили ваши примитивные предки (с. 90). Автор текста старается всячески унизить церковь, Бога и существующие религии: ...люди „начали по-глупому поклоняться кускам камня и идолам, забыв, кто их действительно создал“ (с. 13). В текстах указано, что нематериального „Бога“ не существует, есть только люди, которые создали других людей по своему образу (с. 30). Упоминается, что христианская церковь отмирает (с. 32); Церковь рухнула, ибо ни на что не годилась (с. 32); Никто не может больше верить в „вездесущего боженьку“, который восседает на облаке, во что нас хочет заставить верить церковь. Никто не может верить ни в очаровательных ангелочков — хранителей, ни в дьявола с рогами и копытами (с. 32). Церковь заставляет верить людей в первородный грех и чувствовать себя виновными (с. 33); Церковь строит планы подавления бедных, чтобы те, кто не может понять, оставались бы верными ей в боязни греха или другого вздора (с. 33); Церковь превратила создателей в единого, непостижимого Бога и заставила людей поклоняться куску дерева в форме креста в память о Христе, но крест — это не Христос, и кусок дерева в форме креста ничего не обозначает (с. 33); Церковь совершила ошибку, внушая людям чувство вины и заставляя их молиться без стремления к пониманию (с. 34); Церковь находится в процессе исчезновения, и она этого заслуживает (с. 91); оставьте эти Церкви, которые — всего лишь памятники, воздвигнутые примитивными людьми, где они могли бы поклоняться ничего нестоящим и бесполезным вещам — кускам дерева и металла (с. 92); в существовании Церкви больше нет смысла (с. 92). Последователи рассматриваемого движения призывают отказаться от слепого поклонения и ритуальности.

Кроме того, Разль предлагает развеять все сомнения, связанные с эволюцией: ...человек, который является лишь улучшенной моделью обезьяны, к которой мы добавили то, что делало нас людьми (с. 36). А множество окрасок животных и рас-

тений — не приспособленность к месту обитания, а творчество художников-элохимов, ср.: *Какая естественная необходимость могла заставить антилоп или каменных баранов приобрести спиралевидные рога?; Все это — творчество наших художников* (с. 35).

Раэль отрицает сложившееся устройство общества и пропагандирует новый политический режим — гениократию. Призывает отменить право на собственность и все нажитое после смерти отдавать лидеру секты, так как *недопустимо, чтобы дети со слабым интеллектом жили в роскоши, благодаря богатству, накопленному их родителями* (с. 38). Провозглашается необходимость всемирной валюты и общего языка, отмены воинской повинности, *которая лишь прививает агрессивность молодым людям* (с. 39). Единственно верный путь характеризуется так: гениократия, гуманизм, отречение от всех божественных религиозных практик. Из всех политических режимов *приемлема лишь гениократия* (с. 81); *вы откажетесь голосовать, если только не появится кандидат, защищающий гениократию и гуманизм* (с. 81).

Организация «Раэлиты» связывает для большей убедительности свои идеи с наукой. Кроме того, современным людям интересны новинки в сфере информационных технологий, и поверить в их существование проще, чем в крылья у людей. В текстах раэлитов всё мистическое объясняется с научной точки зрения. Особое значение уделяется астрономии, экологии и биологии. Разрешается клонирование в знак возвеличивания науки и протеста против Церкви, ср.: *...скоро станет возможным клонирование человеческих существ* (с. 95); *это станет для людей средством достичь „вечной“ жизни. И ни один в мире комитет по этике не сможет воспрепятствовать желанию людей сделать это* (с. 95).

В своих текстах «раэлиты» по-своему трактуют Библию. Они настаивают на том, что эта книга была искажена и переведена с ошибками. Некоторые главы названы *поэтической болтовней* (с. 8). Христос показан нам как сын элохима и земной женщины. Чтобы распространить библейские писания, он тво-

рит чудеса, которые на самом деле — научные приемы, показанные ему элохимами, ср.: *Бога не существует и, безусловно, нет души* (с. 65); *не может существовать рай* (с. 66); *Библия — старейшая атеистическая книга в мире* (с. 91).

Таким образом, дискредитируется всё и вся, не имеющее отношения к организации, ее деятельности и руководству. Применяются как прямые обвинения и оскорбления, так и метафорические характеристики оппонентов. Как показывает анализ текстов, вне зависимости от специфики учения организаций всегда дискредитируются традиционные религии, неправильное устройство современного общества, все люди, не имеющие отношение к «просветительской» деятельности организации.

2.4. Стратегия запугивания

В толковом словаре русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой слово «запугивание» определяется как «существительное, производное от глагола запугивать», в свою очередь, «запугивать — внушая постоянный страх, делать робким, боязливым» [Ефремова]. Таким образом, ключевым в определении данной стратегии является понятие *страх*.

Чувство страха — одно из ведущих человеческих чувств, базирующихся на одном из основных инстинктов — инстинкте самосохранения. Согласно мнению ученых, страх бывает нескольких видов: биологический, социальный, экзистенциальный [Щербатых 2000, 2006 и др.]. К первой группе относятся страхи, непосредственно связанные с угрозой жизни человека, вторая представляет боязни и опасения за изменение своего социального статуса, третья группа страхов связана с самой сущностью человека, характерна для всех людей. Один из самых сильных экзистенциальных страхов, присущих каждому, — страх смерти. На понимании этого строится ажиотаж вокруг предсказаний всемирно известных прорицателей Ванги, Нострадамуса, племени майя и других пророчеств о конце света.

1. Цель — внушить адресату мысль о грядущем страшном конце света, открыть адресату глаза на то, как страшна и жесто-

ка окружающая его действительность, и, если адресат уже является членом организации, напомнить ему, что он обязан беспрекословно подчиняться всем правилам общего порядка в секте, исполнять все требования, предъявляемые к нему руководством, иначе его ждет серьезное наказание.

2. Мотив — увеличить количество членов организации с целью извлечения руководством материальной и духовной выгоды.

3. Стратегия запугивания реализуется с помощью следующих коммуникативных тактик и ходов:

• **Тактика апелляции к Библии.** Несомненно, для всех верующих христиан самой авторитетной книгой является Библия. Христиане обращаются к Священному Писанию в поисках истины, ответов на главные вопросы. Естественно, что в религиозных организациях, созданных на основе христианства — «Белом белое братстве» и «Свидетелях Иеговы», регулярно цитируется «Священное Писание». Так, в заповедях секты «Белое братство» можно встретить много вырванных из контекста или искаженных цитат из Библии. В учении белых братьев прописано десять основных заповедей завета жизни вечной матери мира Марии Дэви Христос: *1. Возлюби Матерь Света — всем сердцем, душою и сознанием своим! 2. Возлюби Человечество — ЛЮБОВЬЮ Матери Света! 3. Возлюби врага своего! 4. Не убей ничего дышащего! 5. Не прояви насилия над всяким телом, душою, сознанием и духом! 6. Не кради у человека, не кради у Природы, не кради в атмосфере, не кради во Вселенной!* и др. («Основные Заповеди Завета Жизни Вечной Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС», 22.05.96). Все они отсылают нас к основным заповедям Божьим, прописанным в Библии.

В публикациях секты обозначено, что так называемая Матерь Мира — жена Иисуса Христа, что, разумеется, вводит в заблуждение послушников Белого братства и вселяет в них уверенность в том, что они имеют дело с божественным существом.

Так, на основе фрагментов из «Откровения Иоанна Богослова» в секте сложилось целое учение о метке зверя 666, о котором речь пойдет ниже («И он (сатана — прим.) сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и ра-

бам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:16—18)).

• **Тактика апелляции к идее об Апокалипсисе.** Самая пространственная тактика, используемая в подобных организациях и, в частности, в Белом братстве — это апелляция к идее об Апокалипсисе.

В истории существования рассматриваемой секты Апокалипсис должен был состояться в 1993 г., но этого не случилось. Вот как это объясняется: *В 1993-м Апокалиптическом году Земле грозила глобальная катастрофа, но Милостью Матери Мира этот рок для землян был отодвинут ещё на определённый период, дабы Совершить планету к Преображению. Ибо Матерь Мира не была принята на Земле Славянской, а приняли Её лишь немногие Избранные* («Слово матери Света», 20.10.2005).

Таким образом, адепты должны чувствовать благодарность по отношению к их Матери, обязаны больше проповедовать, чтобы число «избранных» увеличилось. Сейчас же точная дата следующего конца света не определена, но тексты учений буквально запугивают послушников идеей об Апокалипсисе: *Болеют, умирают люди, дети рождаются уже больными. Потому, что чернушники, рептилоиды давно и всеми методами вытравливают нашу Природу и человека. Прозападная массовая „культура“ уподобила Славян — животным, люди деградировали, живут низменными инстинктами. Дети ведут себя, как взрослые. И окружающий мир уже походит на один из 28 адских миров нижних планетных систем. Это — печальные симптомы конца жизни, краха земного мира, где привольно себя чувствует зло, обман, цинизм, коварство, воровство, хищничество, блуд, ложь, безумие, грязь...* («Славяне, проснитесь!», 4.04.2012). Словно подготавливают адептов к неизбежному краху грешного темного мира.

Это — крах вашей цивилизации, земляне, это — полная деградация вашего мира, за который вы все так держитесь...

Конец ему пришёл! Конец!!! («22 Аркана Света», 4.04.2012). Идея об Апокалипсисе вселяет жуткое чувство страха и уверенность в том, что только будучи послушником секты есть возможность обрести гармонию, мир и спасение.

Эту же идею о конце света предлагает учение «СИ»: *„Сторожевая башня“ напоминает нам, что конец уже близок* (Сторожевая башня, 1995).

Обращение к идее скорого конца света и уверенность в том, что в «адовом огне» спасутся лишь adeпты организации — один из излюбленных приемов нагнетания чувства страха и тревоги. Укрепившаяся в сознании действующих членов организации мысль о приближающемся Армагеддоне и невозможности спастись вне «Свидетелей Иеговы» — мощный способ удержать их в секте. Для внешнего адресата (человека, не являющегося членом организации) подобные страшилки — повод задуматься на тему, так активно муссируемую и СМИ.

Причем если раньше руководство организации периодически называло точные, на их взгляд, даты конца света, то теперь избегает конкретики, лишь утверждая, что «последние дни порочного мира» уже наступили, ср.: *Приведение суда в исполнение ознаменует апогей „последних дней“, в которые мы сейчас живём. <...>. Если мы заметили, что нам в чём-то из этого нужно улучшиться, давайте действовать без промедления. <...>. Сейчас нельзя с этим медлить. Предупреждая нас о внезапности конца, Библия говорит: „Стремительно будет сброшена великая столица Вавилон, и никогда уже не найдут её“* («Бодрствуйте!», 2004, с. 12—13). Здесь содержится прямой призыв предпринимать определенные действия по самосовершенствованию и свидетельствованию об истинности учения об Иегове и приближающемся Апокалипсисе; нагнетается атмосфера ужаса, что охватит мир. Спасутся только избранные, ср.: *Иегова одержит победу и не позволит скраться ни одному из своих врагов... Тогда будет завершено уничтожение Вавилона великого, мировой державы ложной религии* (Сторожевая башня, 01.02.2000).

Таким образом, идея об Армагеддоне, с одной стороны, вселяет чувство страха в адептов, а с другой стороны, придает им

уверенность в правоте и правдивости учения, в которое они верят, возвышаясь над всеми остальными.

- ***Угроза экологической катастрофы***

В последнее время все больше внимания уделяется вопросу об апокалипсисе. Волнение это небезосновательно, ведь на протяжении последних лет обществу серьезно угрожала гибель в атомной войне. После окончания холодной войны и существенного сокращения числа ядерного оружия страх гибели всего живого на земле отошел на второй план. Тем не менее на первый план выдвинулась угроза экологической катастрофы. Авторы текстов используют этот фактор в качестве инструмента для запугивания. Они утверждают, что гонка за технологиями губительно влияет на окружающую среду. Так, сообщается, что с середины XX в. американское правительство запустило серию регулярного распыления ядовитого аэрозоля. Для этого применяются химтрейлы (т. е. следы, которые остаются в небе после самолетов, так называемые облака, парящие в атмосфере от нескольких минут до нескольких часов).

Ср.: *Во время пролета над населенными пунктами, бассейнами рек, крупными водоемами (озера, водохранилища) включается система распыления — раствор распыляется через форсунки, расположенные рядом с соплами двигателей, для маскировки „хвостов“* («Гонка за технологиями — это путь в пропасть!», 14.10.12).

Американские экологи провели химические анализы грунтов и вод, в результате которых выявили необычайно высокое содержание в них алюминия, бария, стронция, превышающее максимально допустимый уровень в десятки раз. По словам авторов статей, правительство США целенаправленно идет на уничтожение природных ресурсов. Отравив почву и воду, «биологические агенты» отравляют и человека, лишая его здоровья и возможности нормального функционирования в обществе. Таким образом осуществляется самая главная цель — стремительное сокращение числа населения на планете: *Распыленный цианид бария, попадая в воду, а также на растения, начинает свой смертоносный путь к человеку, животному или птице... Пер-*

выми погибают клетки головного и спинного мозга и нервной системы («Гонка за технологиями — это путь в пропасть!», 14.10.12).

В учениях секты находит отражение и идея о специальных организациях — распространителях угрожающих человечеству вирусов, ср.: *Создание же, на Украине мирового склада по хранению особо опасных вирусов (планируется создать порядка 9 таких станций) — есть не что иное, как один из пунктов плана по уничтожению Славянской РАСы. В США имеется только одна такая лаборатория, в других странах подобных смертоносных рассадников нет вообще. А в Украине станции по хранению вирусов и изучению особо опасных инфекций открывают с радостью — торжественно!* («Славяне, откройте глаза!», 27.08.11). Любопытен и тот факт, что украинский народ кажется создателям Белого братства самым наивным, самым безответственным. Это может быть объяснено тем, что все-таки большинство адептов — граждане Украины, соответственно именно на их сознание нужно оказывать большее воздействие.

Несколько иначе учение о конце света трансформируется в текстах организации «Сайентология», ср.: *И только невежественные правители ведут к войне, и в этот раз они приведут к войне, в результате которой будет вечное молчание на Земле. Когда ваши друзья, их дома, их дети, их имущество и все их будущее будут лежать, умирая на радиоактивной улице, у нас не будет времени сожалеть о том, что надо было работать напряженнее, или о том, что не надо было так легко позволять отговаривать себя от того, чтобы настаивать на своих доводах. Нераспространенные вами экземпляры этой книги тоже будут лежать там («С:Ом», с. 2); Человек может делать почти все, что он захочет по этим динамикам, пока он действует в соответствии с ними. А когда он вступает в противоречие с любой из динамик, он оказывается в плохой форме («НВНЖ», с. 13); Для распространения этого знания осталось не так много земного времени. Но это именно то, что позволит справиться с нашим варварством, из-за которого мы можем потерять все («С:Ом», с. 2).*

Запугивание концом жизни на земле посредством катаклизмов реализуется в текстах «Раэлитов», ср.: *...чем скорее вы установите гениократию, тем скорее вы устраните возможность катаклизма, случающегося благодаря людям с не очень развитым умом. В случае катаклизма, уничтожающего человечество, лишь люди, которые следуют за вами, будут спасены* (с. 64). Если вы помогаете Гиду гидов воплощать его миссию, вы будете иметь право на научное воскрешение на планете вечных» (с. 77) *лишь идущие за последним из пророков будут спасены от уничтожения* (с. 90); *только те, кто признает элохимов как своих создателей, будут спасены от разрушения* (с. 83).

Когда катаклизм произойдет, те, кто не признает создателей, испытают смертные муки в финальном горниле страданий, а те, кто признает, будут избавлены от страданий и взяты на планету вечных. *Там они будут наслаждаться изумительной жизнью, всеми возможностями для самореализации и получения удовольствия в компании с мудрецами древних времен* (с. 84). *Огромные компьютеры обеспечивают постоянное наблюдение за всеми людьми, живущими на Земле. Каждый получает баллы в зависимости от своих действий в течение жизни* (с. 73); *те, кто шел в правильном направлении, получают право на вечность на этой райской планете; те, кто не достиг ничего положительного, хотя и не были злыми, не будут воссозданы* (с. 73); *относительно тех, чьи действия были особенно негативны, клетки их тел будут сохранены, что позволит нам воссоздать их, когда придет время, чтобы они были осуждены и понесли наказание, которого заслуживают* (с. 73); *подумайте, как несчастны те люди, которые вредят другим, ведь они не будут иметь права на вечную жизнь в садах Элохимов* (с. 85).

На наш взгляд, стратегия запугивания является наиболее эффективной для достижения целей идеологов подобных организаций, поскольку она оказывает большее воздействие на действительных и потенциальных членов организации. Данное заключение основывается на том факте, что страх — это одно из сильнейших эмоциональных состояний человека. Страх отражает естественную защитную биологическую реакцию, поэтому

самый сильный инстинкт, свойственный человеку, — это инстинкт самосохранения. Запугивание позволяет медленно, но верно разрушать личность и, манипулируя мыслями, чувствами и поведением последователей, реформировать их сознание, что является основной целью организаторов секты. Активно воздействуя на сознание и подсознание людей с помощью ряда специальных тактик, последователям прививают фобии и зависимости, лишаящие их возможности покинуть секту и адекватно оценивать ситуацию.

Такой набор коммуникативных стратегий и реализующих их тактик обусловлен самой спецификой организаций: «Великое белое братство „ЮСМАЛОС“», «Раэлиты», «Сайентология», «Свидетели Иеговы» — это религиозные культы, в которых ведущими средствами воздействия на сознание оказываются обращение к непреходящим духовным ценностям, атака любовью, апелляция к тексту Библии (для ВББ и СИ), критика мировых религий, культивирование чувства страха и вины среди адептов, а также превознесение личности и непререкаемость авторитета лидера, общества и неоспоримость истинности проповедуемого учения.

Отметим, что данная глава основана исключительно на анализе текстов указанных организаций, набор представленных стратегий не исчерпан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Дворкин как антирелигиозный тип [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://religiousfreedomwatch-ru.org/religious-extremists/alexander-dvorkin>.

2. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические с параллельными местами. — М.: Библейская лига, 2002. — 925 с.

3. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А. Л. Дворкин. — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2006. — 814 с.

4. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования [Электронный ресурс] / А. Л. Дворкин. — Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/?page=book&id=914>.

5. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1. А—Л / Т. Ф. Ефремова. — АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.
7. Кантеров, И. Я. Тоталитарные секты и культы / И. Я. Кантеров // Энциклопедия религий. — М. : Академический проект, 2008.
8. Котов, А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Котов Артемий Александрович. — М., 2003. — 24 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 2003. — 944 с.
10. Петренко, В. Ф. Структура сознания в речевом воздействии / В. Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова [и др.] ; отв. ред. Р. Г. Котов ; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1990. С. 18—31.
11. Религии и секты в современной России [Электронный ресурс] : справочник. «Церковь» Сайентологии («Дианетика») // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской епархии Русской Православной Церкви. — Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/directory/64.html>.
12. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Наука, 1990. — 136 с.
13. Стернин, И. А. Речевое воздействие как интегральная наука // Речевое воздействие : сб. науч. тр. / И. А. Стернин. — Воронеж, 2000. — 82 с.
14. Саентология в Киеве и Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://scientology.org.ua/scientology>.
15. «Свидетели Иеговы» в России, 2008. — Режим доступа: http://www.jw-russia.org/history/pbrus_u.pdf.
16. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения / Е. Ф. Тарасов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Наука, 1990. — С. 3—14.
17. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 66—87.
18. Хаббард, Л. Р. Дианетика. Современная наука о разуме / Л. Р. Хаббард, 2001. — 876 с.
19. Хаббард, Л. Р. Саентология: новый взгляд на жизнь / Л. Р. Хаббард. — 2002. — 40 с.
20. Хаббард, Л. Р. Саентология: основы мысли / Л. Р. Хаббард. — 2001. — 42 с.

21. Щербатых, Ю. В. Физиология и психология страха / Ю. В. Щербатых, А. Д. Ноздрачев // Природа. — 2000. — № 5. — С. 61—67.

22. Щербатых, Ю. В. Психология стресса и его коррекция : учеб. пособие / Ю. В. Щербатых. — СПб. : Питер, 2006. — 256 с.

23. Великое Белое Братство ЮСМАЛОС. — Режим доступа: <http://www.usmalos.com>.

24. К истине : мисонерско-апологетический проект. — Режим доступа: http://www.k-istine.ru/sects/iegova_witness.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

3.1. Политический экстремизм как социально-политическое явление

Современному миру присущ крайне сложный и запутанный характер социально-политических отношений между государствами и их коалициями, национальными и этническими сообществами различных типов и уровней, а также различными транснациональными группами. Разнообразные формы взаимодействия, а нередко скрытого и явного противостояния между ними порой (и всё чаще) приводят к активизации политического экстремизма на международной арене как формы политической борьбы. В связи с трагическими событиями последних лет на Северном Кавказе, Ближнем Востоке, Украине экстремизм становится неотъемлемым фактором политической жизни, создавая угрозы и вызовы государствам, становясь тем самым одной из глобальных проблем безопасности не только одной страны, но и всего мирового сообщества.

Как отмечает С. Шаракшанэ, «политический экстремизм представляет собой социальное явление в области политической борьбы, для которого характерно систематическое, всестороннее и организованное использование насилия, противоречащего моральным и правовым установкам общества для достижения политических целей» [Шаракшанэ 1999].

Несколько иную точку зрения высказывает З. Ю. Хуанко. Так, под политическим экстремизмом он предлагает понимать «особую идеологию, политические цели и методы, включающие:

а) пропаганду крайних форм национализма, шовинизма, расизма, антисемитизма, ксенофобии и реализацию этих целей в своих проектах государственного и общественного устройства;

б) установление антидемократической, тоталитарной государственно-политической системы, основанной на культе единоличной власти (диктатуры) и государственного насилия, подав-

лении гражданских прав и свобод, милитаризация общества и сознания людей;

в) насильственное свержение конституционного строя, а также способы и средства (и террор тоже) для разрешения общественных противоречий;

г) имперскую идеологию, внешнюю экспансию, силовые формы разрешения международных и внутренних конфликтов в качестве основы внешней и внутренней политики государства;

д) широкое использование социальной демагогии, обмана, фальсификации и мифотворчества, манипулирования сознанием людей, популистских приемов для расширения своей социальной базы и политической поддержки» [Хуако: 2].

Р. Н. Гетц предлагает понимать под политическим экстремизмом «деятельность, которая предполагает взаимодействие оппозиционных групп и индивидов, направленное на захват и удержание политической власти или ее дестабилизацию, использование при этом нелегальных средств и методов, включая нелегитимные ценностно-реализуемые насильственные методы и средства» [Гетц 2011: 45].

Интересная и точная точка зрения М. И. Лабунца по этому вопросу. Так, он считает, что политический экстремизм является «протестной деятельностью политических субъектов (партий, организаций, движений, этнонациональных группировок, региональных элит и их лидеров), осуществляемой с целью достижения публично-властных полномочий нелегитимными и деструктивными способами, включая насильственные действия и меры» [Лабунец 2002: 11].

В любом случае ключевым компонентом политического экстремизма, как явствует из утверждений, становится «пропаганда и использование насилия и других крайних средств для достижения любых политических целей» [Беликов 1999: 36].

Политический экстремизм — сложное социально-политическое явление, причинами которого становятся:

- упадок государственных традиций;
- кризисное состояние общественных отношений;
- социально-экономические и экологические факторы;
- духовный кризис в обществе;

- снижение жизненного уровня населения;
- рост безработицы.

Все это приводит к росту деятельности оппозиционно настроенных групп или индивидов, стремящихся через захват и удержание политической власти добиться дестабилизации существующего неугодного политического строя, власти, используя для этого:

- экстремистскую идеологию;
- экстремистскую деятельность;
- политическое и информационное насилие.

Если же политический экстремизм рассматривать в узком смысле, то это прежде всего деятельность социальных группировок либо индивидов, руководствующихся радикальной идеологией, целью которой является дестабилизация существующего политического строя государства, уничтожение политической системы и насаждение нового политического, экономического и культурного курса.

Исходя из этого можно утверждать, что в основе рассматриваемого явления лежит насилие. Как отмечает Р. Н. Гетц, «насилие для политического экстремизма представляет собой средство (или метод) захвата и удержания политической власти, а также противодействие этому со стороны враждебно настроенных по отношению к властным структурам политических группировок» [Гетц 2011: 46]. Поэтому целью политической экстремистской деятельности является захват и удержание власти, именно это и приводит экстремистские группировки к прямому насилию. Такое маниакальное стремление захватить власть заложено в мировоззренческой идее экстремистской деятельности, составляет суть соответствующей идеологии.

Характерной чертой данного явления, как отмечают исследователи, является идеология, которая и задает вектор направленности и интенсивности деятельности той или иной социальной группы. Именно идеология и является критерием выделения форм и видов политического экстремизма. Как отмечает Л. И. Морозов, основными формами политического экстремизма являются следующие [Морозов 2012: 101]:

Формы	Теоретико-генерирующая	Протестно-активистская	Террористическая
Цель	Внедрение в политическое сознание населения агрессивных информационных кодов через опосредованные каналы пропагандистского воздействия (литература, искусство, публицистика и т. д.); формирование и активизация социальных сил, способных в будущем выступать вектором радикального протеста против существующей политической системы как итог	Дестабилизация социально-политических процессов, провоцирование официальных властей на широкомасштабные непопулярные репрессивные меры в надежде на расширение социальной базы протеста; ослабление политической системы как итог	Уничтожение знаковых фигур политического режима, нарушение эффективного функционирования государственных институтов, дестабилизация общества и правящей элиты нагнетанием атмосферы страха и неопределенности; тотальное разрушение политической системы как итог.
Содержание	Генерирование социально-политических утопических концепций альтернативного мироустройства и теоретически обоснованных радикальных философско-мировоззренческих концепций.	Проведение деструктивных акций прямого действия, не влекущих умышленного физического уничтожения политических противников, но подрывающих стабильность политической системы	Проведение деструктивных акций по уничтожению знаковых фигур политического режима, формирование психологической атмосферы страха, чувства незащищенности членов социума, в первую очередь элитаобразующих социальных страт
Виды	Левый, правый, националистический (сепаратистский), религиозно-политический, ситуативный		

Итак, для всех видов политического экстремизма характерны следующие проявления различных идеологических элементов.

1. «Левый» экстремизм (или ультралевый) характеризуется стремлением провозгласить «построение справедливого общества, свободного от социального гнета и неравенства» [Римский 2009: 246]. Яркими примерами его проявления стали анархизм, тропкизм, маоизм и т. д.

2. В основе «правого» экстремизма лежит идея, трансформирующаяся потом в лозунги «защиты экономически или политически господствующего меньшинства общества, утверждение или сохранение режима, гарантирующего его интересы и привилегии» [Там же]. Его формами стали фашизм, расизм, шовинизм, религиозный фундаментализм.

3. При националистском (сепаратистском) экстремизме наблюдается утверждение крайних взглядов, методов в системе межнациональных отношений. Для этого направления характерно провозглашение уникальности одной нации по сравнению с другими, защита ее прав и интересов, а также движение в сторону отделения этого национального (этнического) «меньшинства» и получения статуса либо самостоятельного государства, либо переход в состав иного государства на правах автономного субъекта. Данный процесс сопровождается идеологией воинствующего национализма и шовинизма, поскольку используются различные средства и приемы разжигания межнациональной ненависти, подкрепляемые актами этнического насилия в различных формах.

4. Религиозно-политический экстремизм характеризуется прежде всего религиозно мотивированной и камуфлированной деятельностью, целью которой является «насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти» [Старосветский 2008: 188]. В основе идеологии данной разновидности лежит подавление инакомыслия, жесткое утверждение системы политических и религиозных взглядов, а также противопоставление себя существующему государственному строю. Нередко религиозно-политический экстремизм может сопровождаться религиозным фундаментализмом, возвращением религиозным структурам господствующей роли в обществе.

5. Ситуативный экстремизм проявляется чаще всего в кризисной политической обстановке, где субъект (индивид или группа индивидов) вынужден применять более жесткие средства и формы борьбы в отстаивании своей идеологической позиции. Причем субъект может и не догадываться о своей способности

на экстремистские действия и поступки в политически стабильном пространстве, но, поставленный перед фактом политического кризиса, он начинает неосознанно вести себя соответствующим образом.

Конечно, как любое социально-политическое явление, политический экстремизм обладает рядом отличительных черт:

- как было отмечено выше, это наличие идеологии;
- «нелегитимная политическая деятельность, прежде всего незаконное насилие;
- крайние формы национализма, расизма или социально-классового антагонизма;
- простота и общедоступность идеологии» [Пиджаков 2003: 233—234];
- «способность втягивать различные социальные и политические акторы в орбиту своего действия;
- оперирование простыми и доступными схемами для решения сложных проблем» [Амирокова 2006: 12];
- синтезирование экстремистских проявлений, встречающихся в обществе, и придача им политической направленности.

Политический экстремизм опасен тем, что формы его проявления имеют тяжелые социальные последствия для государства и общества в целом:

- «призыв к захвату власти насильственным путем;
- угроза политическим лидерам и активистам, государственным и общественным деятелям, представителям власти;
- захваты заложников;
- блокирование административных зданий и учреждений;
- пикетирование и обстрел иностранных представительств;
- массовые беспорядки и другие акты насилия» [Шаракшанэ], — получающие широкое распространение и разрывающие изнутри межнациональные и религиозные отношения. Именно политический экстремизм с легкостью запускает механизм разрушительной машины — гражданской войны. История знает немало подобных фактов.

Поскольку политический экстремизм, как и любая другая его разновидность, представляет собой социально-политическое

явление, направленное на массовое сознание, опасность его (прежде всего религиозно-политического) заключается еще и в том, что он может использовать тактику информационного терроризма, информационно-психологических войн. Развитие информационных технологий предоставляет возможность экстремистским группировкам не только управлять информационными потоками в информационном пространстве, но и превращать страты, находящиеся под воздействием, в психологические мишени. Поэтому сегодня все чаще экстремистами избираются средства и приемы ведения информационно-психологических войн, которые могут привести, во-первых, к долговременным изменениям в социально-политическом строе общества, во-вторых, к обострению политической борьбы и использованию прямых форм насилия, в-третьих, к частичному изменению или поражению центральной нервной системы человека.

В качестве основных приемов информационно-психологического воздействия на массовое сознание чаще всего используются политическими (религиозно-политическими) экстремистскими группировками технологии психологического манипулирования в СМИ («образ врага», «очевидцы» событий, «лидеры мнения», эмоциональное заражение, информационная блокада, ложный накал страстей, эффект правдоподобия, односторонность освещения событий, экспрессивный удар, эффект присутствия, повторение, правда наполовину), приемы пропаганды (навешивание ярлыков, «сияющее обобщение», «подтасовка карт», ссылка на авторитеты, осмеяние, захват медиапространства) и дезинформирование, направленные на создание ложных стереотипов, моделей поведения, выгодных для манипулятора.

Экстремистские материалы по сути относятся к инструментам психологического воздействия, прежде всего к психологическому манипулированию, основанному на скрытом принуждении, направленному на формирование в сознании объекта мотивации к совершению определенных действий вопреки его собственному желанию. Итак, «манипуляция сознанием — это управление путем навязывания людям идей, установок, мотивов, стереотипов поведения, выгодных субъекту воздействия»

[Манойло 2003: 104]. Из вышесказанного следует, что экстремистские материалы способны «разжечь» информационно-психологическую войну между противоборствующими странами.

Очередным толчком в разжигании не только информационно-психологической войны между арабским и западным мирами, но и политического, прежде всего религиозно-политического, экстремизма стал трейлер к фильму «Невинность мусульман», представляющий пророка Мухаммеда в неприглядном свете. Рассмотрим данную проблемную ситуацию более подробно.

Предысторией сложившейся ситуации стали террористические атаки 11 сентября 2001 г. на США. Примечателен тот факт, что ролик к фильму «Невинность мусульман» был выложен на арабском языке в «YouTube» 11 сентября 2012 г., причем в одиннадцатую годовщину трагедии. Впрочем, по некоторым источникам, появление 14-минутного отрывка из фильма относится к июлю 2012 г., когда он вышел он под названием «Невинность бен Ладена», а в начале сентября блогер Моррис Саден выложил этот трейлер на арабском языке. 8 сентября он был показан по египетскому исламскому телеканалу «Al-Nas TV», а 11 сентября, как следствие, в Египте и Ливии начались антиамериканские протесты. Как видим, данный отрывок можно рассматривать, с одной стороны, как попытку легитимизации самого фильма, направленного на дискредитацию радикально настроенных исламистских течений: имя бен Ладена в европейском мире связывают со вселенским злом, несущим насилие, смерть, разрушение. С другой стороны, отрывок призван показать генезис данного направления исламизма, возводящегося к самому пророку Мухаммеду: в фильме присутствуют сцены насилия — убийства, в которых участвовал пророк. Режиссер и продюсер этого фильма, Сэм Бейсиль, в разговоре с «Associated Press» заявил: «Ислам — это рак. Это политический, а не религиозный фильм. Это американская картина, цель которой не ударить по мусульманам, а продемонстрировать разрушительную идеологию, которой является ислам» [«Невинность мусульман» — искра для пороховой бочки]. В любом случае фильм — провокационный

акт, задевший религиозные чувства верующих и приведший к антиамериканским выступлениям в Египте, Ливии, Тунисе, Пакистане, Судане, Йемене, Бахрейне, Катаре, Алжире, в европейских странах — Бельгии, Дании, Англии, Греции, России и др.

Что касается самого фильма «Невинность мусульман», то большинство отмечает его непрофессиональность и фальшивость: это проявляется в дилетантской актерской игре, смехотворных декорациях (действие ролика разворачивается на фоне фотографии пустыни), ужасном сценарии и звуковой дорожке как на арабском, так и на английском языке, в бессвязности сцен, хаотичности действия. Религиозные чувства мусульман задел образ пророка Мухаммеда, созданный в фильме: он изображен как «невежественный болван, который обращается к престарелому мудрецу с просьбой написать для него священную книгу, позаимствовав мысли в Торе и Ветхом Завете» [Там же], к тому же как гомосексуалист, бабник и безжалостный убийца. Таким образом, провокационный акт был направлен на следующие «больные» контрольные точки:

- а) дискредитируется образ пророка Мухаммеда;
- б) под сомнение ставится Священное Писание — Коран;
- в) как следствие, ставится под сомнение легитимность ислама как религии.

Тем самым данный фильм способствует унижению национального достоинства и возбуждению расовой, национальной, религиозной или социальной розни, что входит в перечень деяний, перечисленных в предложении Госдумы РФ в июне 2006 г. и рассматриваемых как экстремистские. Более того, Генпрокуратура РФ после проверки в связи с размещением фильма в Интернете признала картину экстремистской, усмотрев в ней признаки материала, «оскорбляющего религиозные чувства верующих и разжигающего межнациональную рознь», и подала исковое заявление в суд о признании данного видеоматериала экстремистским с целью запрета его распространения на территории России.

Данный экстремистский материал и акт провокации можно рассматривать и как спланированную спецоперацию в рамках информационно-политической войны в политической сфере, и

как спонтанную информационную атаку, поддерживаемую заинтересованными лицами. Относительно последних категорично нельзя что-либо утверждать, но некоторые черты умышленности прослеживаются достаточно четко.

Если воспринимать этот акт как спецоперацию информационно-психологической войны, то налицо черты спецоперации, направленной на дестабилизацию ситуации в международном масштабе через информационный повод, созданный искусственно, — через фильм. Если же действие воспринимать как спонтанную информационную атаку, то ее характеризуют следующие черты:

а) наличие насилия как формы взаимодействия (психологическое насилие — манипулирование массовым сознанием — и, как следствие, физическое — антиамериканские протесты с жертвами);

б) фильм представляет собой информационно-психологическую операцию (организационную форму оказания воздействия);

в) с точки зрения степени опасности это атака, поддерживаемая заинтересованными лицами.

Приведем весомый аргумент, подтверждающий факт влияния «этнических и религиозных предпринимателей» на группы с целью акцентирования межгрупповых различий и разжигания ксенофобии. Согласно А. Попову, механизм группового манипулирования как инструмент консолидации этнических и религиозных групп в ходе межгрупповых конфликтов состоит из трех стадий:

« — эмоциональная актуализация ксенофобии;

— практическая ориентация групп;

— моральная легитимизация насилия» [Попов 1997: 283].

Ситуация, связанная с роликом «Невинность мусульман», демонстрирует выполнение следующих стадий группового манипулирования:

— на первой стадии посредством фильма были «задеты чувствительные струны психики человека, затрагивающие честь и достоинство всех представителей» [Паин 2002: 117] исламской конфессии: был дискредитирован образ пророка Мухаммеда и

была поставлена под сомнение легитимность ислама как религии;

– на второй стадии произошло разогревание массового сознания пропагандой «народного возмущения»: после показа трейлера по египетскому исламистскому телевидению раздались призывы лидеров различных радикальных движений к массовым акциям протеста (например, лидера радикальной ливанской группировки «Хизбалла» Хасана Насраллы);

– третья стадия находится в «разработке», хотя есть все предпосылки к ее осуществлению: после премьеры прокатились акции протеста и беспорядки, сопровождаемые насилием, которое радикальные исламские круги оправдывают оскорбленными религиозными чувствами верующих. Провоцирующая сторона считает, что тем самым дискредитируются идеалы ислама и подтверждается правота концепции фильма, а это позволяет легитимизировать насилие уже по отношению ко всему исламскому миру.

Кто стоит за данной акцией, пока однозначно ответить нельзя, поскольку она выгодна многим. Прежде всего, заказчиками могли выступить определенные силы (например, республиканцы) в США, нуждающиеся в очередном «предлоге» для вторжения на территорию Ливии, Йемена и Египта с «миротворческой операцией». Впрочем, это сомнительно, поскольку у власти в Йемене находится проамериканское правительство, настроенное на взаимодействие с США и Европой для дальнейшего экономического развития своей страны. Возможно, конечно, что это не совсем устраивает США, ведь неоднократно подчеркивалось стремление Америки к однополярной доминации с использованием агрессивных военных действий. Согласно другой точке зрения, подобная акция могла использоваться президентом США Б. Обамой для отвлечения внимания электората от насущных внутренних проблем страны (метод «вспышки», заключающийся в переводе общественного резонанса в иную плоскость) и повышения за счет этого собственного рейтинга. В то же время эта провокация выгодна радикально настроенным исламистским движениям. Цель — спровоцировать США на

«прямые» военные действия, свергнуть проамериканское правительство и захватить власть. Примечателен здесь и тот факт, что, когда ролик «Невинность мусульман» появился на сайте «YouTube» в июле, на него никто не обратил внимания. Лишь после перевода на арабский и повторной публикации в Интернете реакция не заставила себя ждать: начались антиамериканские акции с погромами американских посольств по всему арабскому миру и даже в некоторых европейских странах. Выгодна сложившаяся ситуация и Израилю, поддерживаемому США и выступающему против Ирана, поскольку, по мнению премьер-министра Бияньямина Нетаньяху, «в стране с ядерным оружием не должны править разного рода фанатики» [Израильтяне: оскорбление пророков — тягчайший грех]. Президент Израиля Шимон Перес тоже неоднократно заявлял в своих выступлениях, что «предпринимать какие-либо агрессивные действия в отношении Ирана Израиль не станет минимум до начала ноября, когда в США пройдут президентские выборы, что вызвало в стране настоящий скандал» [Там же].

Но кому бы это ни было выгодно, ясно одно: очередной «спусковой курок» сработал четко и чисто. Такого резонанса в мусульманском мире не вызвали даже карикатуры на пророка Мухаммеда, напечатанные в датской газете «Jyllands Posten», а затем перепечатанные рядом других европейских изданий (в сентябре 2005 г.), и карикатуры из французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo» (сентябрь 2012 г.). Эти рисунки спровоцировали лишь ответную реакцию: газета «Аль-Ватан» напечатала 13 карикатур, высмеивающих отношение жителей Запада к мусульманам.

Резонансный фильм «Невинность мусульман» уже вызвал значительные социальные последствия: нанесено оскорбление религиозным чувствам людей, вылившееся в атаки на американские посольства в разных странах, есть уже жертвы — в Ливии убит глава дипмиссии США Кристофер Стивенс и трое сотрудников посольства, в Интернете появляются экстремистского толка комментарии, подстрекающие к тому, чтобы взять оружие в руки и выгнать «черных» с «наших» земель, правительства

разных стран пытаются успокоить граждан, религиозные мусульманские лидеры, имамы, призывают уделять внимание более важным проблемам мусульманских общин.

Конечно, подобные протесты, но более мирного, сдержанного характера, не обошли и Россию, несмотря на то что органы прокуратуры предприняли все меры, чтобы оградить российских мусульман от подобной реакции, а именно: потребовали от интернет-провайдеров запретить доступ пользователей к просмотру ролика и самого фильма в «YouTube» и в социальной сети «ВКонтакте»; Генпрокуратура РФ подала иск о признании «Невинности мусульман» экстремистским фильмом в различные региональные суды, после удовлетворения которого Тверским судом г. Москвы данный фильм фактически был запрещен к показу в России и внесен в российский реестр экстремистских материалов. К действиям правоохранительных ведомств присоединились и духовные центры: Совет муфтиев России обращался к российским мусульманам с призывом не поддаваться на провокации и таким образом демонстрировать истинный образ ислама. Все же реакция общественности не заставила себя ждать. 21 сентября 2012 г. в ряде городов России прошли выступления против фильма «Невинность мусульман» под черно-белыми флагами ислама, содержащими Шахаду, с публичным сожжением американского флага, а 27 сентября подобные акции прошли в Симферополе и одной из республик Северного Кавказа. Незамеченным не прошел и тот факт, что подобные выступления, особенно в Крыму, были продиктованы действиями автономной мусульманской общины «Давет», которую связывают с запрещенной в России экстремистской партией «Хизб ут-Тахрир».

В сети Интернет тоже развернулось активное обсуждение этого фильма, в том числе, звучали мотивы, связанные с «джихадом», что привело к тому, что некоторая часть российской мусульманской молодежи, психологически незащищенная и мало знающая историю и основы ислама, попала под воздействие радикальных настроений. В результате в социальных сетях началось хождение экстремистского текста в форме молитвы, цель

которого — донесение идеи нетерпимости по отношению к лицам неисламского вероисповедания.

Основная концепция представленного текста заключается в объявлении «джихада неверным». Это отразилось на форме и содержании самого текста. Не случайно поэтому выбрана и жанровая его принадлежность — ритуальная молитва воина перед боем. Молитвы, произносимые воинами перед битвой, выполняют функцию поддержания психологической устойчивости, укрепления силы духа. Как известно, страх — это чувство живого организма, предупреждающее его об опасности, которое может, если его не контролировать, перейти в панику, а это в бою может привести к поражению и смерти. Поэтому каждый народ вырабатывал свои методы борьбы со страхом: самовнушение, веру в бога, ненависть к врагу и уверенность в праведной борьбе, презрение к смерти, проведение ритуалов, прием наркотических средств и т. д. Таким образом, данный текст — это способ преодоления страха перед джихадом посредством уверования в единого Бога — Аллаха — и праведности борьбы против «неверных» (*«Ооо Аллах! Мы нуждаемся в твоей помощи и защите»; «О Аллах! Даруй нам смерть мученика на твоём пути»; «...прости же нам наши грехи маленькие и большие, йа Аллах, не наказывай нас, и простив нас введи нас без отчета в сады райские... сделай нас искренними и праведными рабами, и даруй нам свою милость»*). Через данную жанровую разновидность текста еще раз подчеркивается один из столпов ислама: высшая ступень веры — не просто верить в Аллаха, но принять смерть во имя веры, как это сделали «первые предшественники», мученически погибшие во время битвы, — Хамза ибн Абд аль-Муталлиб, Мусаб ибн Умайр, Джафара ибн Абу Талиб.

В пользу представленного тезиса свидетельствует и наличие в тексте речевых формул мусульманской риторики — религиозной лексики: постоянное воззвание к Богу через формулы *«О Аллах!»*, *«Йа Аллах!»*, *«О Господь наш!»*, *«поистине наш господь прощающий, милостив, милосерден»*. Такое многократное упоминание Аллаха свидетельствует о стремлении следовать основам Корана. Кроме того, текст насыщен стилизациями

под изречения из Корана: «Помоги нам выйти на джихад сражаться на этом пути, до самой смерти» (сура 4, аят 75 — «И почему бы не сражаться вам во имя Аллаха и ради обездоленных»); «... между ними и нами вражда и ненависть, пока они не уверуют в тебя, о наш Господь!» (сура 60, аят 4 — «Отрекаемся мы от вас, и да пребудет вражда между нами и вами и ненависть до тех пор, пока не уверуете вы в Бога Единого»); «Помоги на рубить их головы нашими руками» (сура 47, аят 4 — «Когда вступаете в сражение с теми, кто не уверовал, то рубите им головы, пока не сокрушите их полностью»), придающие высказыванию авторитетность, частичную сокральность.

Как отмечалось, адресатом экстремистского манипулирования посредством текста выступила в основном молодежь. Для этого были использованы определенные тактики речевого манипулирования, рассматриваемого как «умелое использование языковых единиц всех уровней для скрытого воздействия на адресата с целью вынудить его изменить свои мнения и желания или совершить определенные поступки, соответствующие не его интересам, а интересам манипулятора» [Сергеева]. Охарактеризуем основные приемы речевого манипулирования в анализируемом тексте.

Во-первых, неточное цитирование, ведущее к подмене смысла, изначально заложенного в высказывании (передергивание).

Одним из манипулятивных средств воздействия на сознание исповедующего ислам является использование изречений из сакрального для мусульман писания — Корана. В данном тексте используются аяты Корана, вырванные из исторического контекста в форме, неприемлемой в условиях современной действительности.

«О Аллах! Мы не причастны к кафирам и муширикам, между ними и нами вражда и ненависть, пока они не уверуют в тебя, о наш Господь!»

Цитата взята из Корана — 4 аята суры 60, повествующей об отречении Ибрахима (Авраама) и его последователей от своих соплеменников и их языческих богов и провозглашении своей ненависти к ним: *Сказали они народу своему: „Нет у нас ничего*

общего ни с вами, ни с теми, кому поклоняетесь вы помимо Бога. Отрекаемся мы от вас, и да пребудет вражда между нами и вами и ненависть навеки до тех пор, пока не уверуете вы в Бога Единого“.

«О Аллах! Помоги нам рубить их головы нашими руками!»

Цитата взята из Корана — суры 47, аята 4. Согласно комментарию Абу Абдуллах Абд ар-Рахман б. Насир б. Абдуллах б. Насир Аль Саади, данный аят был ниспослан пророку Мухаммеду после битвы при Бадре (624 г.), при которой произошло первое столкновение мусульман с курайшитами (арабами-язычниками), и отражает события именно того периода: «Когда вступаете в сражение с теми, кто не уверовал, то рубите им головы, пока не сокрушите их полностью». Исходя из этого, данный аят представляет собой призыв к защите исламского государства в условиях войны в исторических реалиях VII в. К мирному времени изречение не относится.

Таким образом, речевое манипулирование происходит за счет вырванных из исторического контекста аятов из Корана, не соответствующих современным реалиям.

Во-вторых, языковая демагогия, репрезентируемая через коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих» (противопоставление), что дает возможность создавать фантомный социум, к которому относится говорящий, — группу «истинно» верующих мусульман, сражающихся во имя Аллаха. Подобный эффект создается посредством личного местоимения множественного числа «мы» и его указательных и притяжательных форм «нас», «нам», «наш» (*«О Аллах! Помоги нам выйти на джихад»; «мы не причастны к кафирам и мушрикам...»; «...нас искренними и праведными рабами...»*). В результате говорящий создает биполярный образ мира, за счет которого упрощает его восприятие и дает только одностороннюю интерпретацию, манипулируя сознанием адресата.

В-третьих, на семантическом уровне активно используется семантическое усиление за счет выстраивания синонимического ряда глаголов с семой «убивать»: рубить, сражаться, сломать, уничтожить (*«О Аллах! Помоги нам рубить их головы нашими*

руками»; «О Аллах! Уничтожь мушриков, которые призывают к ширку»; «О Аллах! Сломай хребет муриджитам»), призывающие к осуществлению конкретных экстремистских деяний, нарушающих свободу граждан в связи с их религиозной принадлежностью.

Ни для одного из перечисленных значений глагола «убить» не характерна положительная коннотация. Исходя из контекста слово используется в первом своем значении, поскольку есть «одушевленные» объекты воздействия — тагуты (многобожники), куфары (не верующие в существование и/или единство Аллаха), мушрики (язычники).

Этот прием подкрепляется военной лексикой, которая представлена в тексте словами «джихад», « плен », « война », чем подчеркивается злонамеренность действий.

В-четвертых, текст также содержит и прямой призыв, представленный в виде словесных конструкций, состоящих из глагола в единственном числе в форме повелительного наклонения, иногда сопровождаемого глаголом действия в неопределенной форме («помоги укрепить»; «возвысь»; «уничтожь»; «сломай» и т. д.). В некоторых случаях призыв лишен прямого указания на образ адресата речи, он опосредован через Бога. В результате создается впечатление, что говорящий через призыв к Богу становится неким опосредованным инструментом его волеизъявления, т. е. лишь исполняет волю, «совершает джихад» (*О Аллах! Помоги нам выйти на джихад и сражаться на этом пути, до самой смерти; Уничтожь куфаров*).

Таким образом, в тексте содержится информация, направленная на возбуждение ненависти к представителям разных конфессий, не относящихся к исламу, и призывающая к совершению экстремистских действий.

В представленном материале также осуществляется и унижение людей по религиозным признакам через дискредитирующие тактики поляризации: противопоставлены те, кто исповедует ислам, — «мы», «нас», «нам» — и те, кто не исповедует ислам, — «кафиры», «мушрики», «тагут», «куфары». Более того, биполярная конструкция мира проявляется в употреблении при

упоминании «чужих» не только глаголов с семой «убивать», но и глагола «унизить». Превосходство исповедующих ислам над всеми теми, кто не исповедует его, репрезентируется через глаголы повелительного наклонения «унизь» и «возвысь»: *О Аллах! Возвысь Ислам, унизь Тагут. О Аллах! Возвысь Таухид и унизь ширк.*

Таким образом, высказывания, содержащиеся в представленных материалах, можно квалифицировать как утверждения о природном превосходстве одной религии — ислама — и порочности других.

Конечно, управление информационными потоками порой не ограничивается распространением экстремистских материалов. Наиболее эффективным по долгосрочности является информационная агрессия, которая все чаще стала использоваться религиозно-политическими и политическими группировками экстремистского толка для достижения своих политических целей. Итак, под ней «стоит понимать манипулирование информацией, провоцирующее нарушение целостности общества, его стабильного, в том числе и эмоционального, состояния, подрыв целей, взглядов и мировоззрения населения, а также разжигание конфликтов (межличностных, этнических, международных)» [Ермакова]. Именно манипуляция становится неотъемлемой технологией управления не только информационными потоками, но и массовым сознанием, причем в нужном для агрессора направлении. Благодаря правильно выстроенной тактике подачи информации становится возможным:

« – вызвать негативное (агрессивное) отношение населения к руководству страны, лишить общество доверия правительству;
– вызвать у населения — жертвы агрессии — страх или панику, чтобы внести дезорганизацию в обычный порядок жизни;
– нанести ущерб международному имиджу страны, ее престижу;
– поставить под сомнение традиции, культуру, ценностные ориентации народа в интересах манипуляторов и стоящих за ними сил или элит» [Там же].

Подобное, как показывают события, происходит на территории современной Украины, где четко прослеживается стремление

сделать главным врагом Россию, и для этого в информационном пространстве государства делается все, чтобы внедрить и закрепить в сознании украинских граждан этот «демонический» образ.

Во-первых, активно используется такой метод манипулирования, как «образ врага», за счет которого искусственно создается угроза и, как следствие, накал страстей, в результате чего массы погружаются в состояние, схожее с измененным состоянием сознания. В печатных и электронных украинских СМИ активно массируется образ России как террориста и оккупанта, ведущего войну против Украины не по правилам.

Этот образ строился не спонтанно, грубо, а достаточно мягко, гибко — от «не братья» до «террористы». Всю эту ситуацию можно описать посредством технологии, предложенной американский социологом Дж. Овертоном (так называемые «окна Овертона»), суть которой связана с «окнами возможностей» и поэтапным сдвижением границ смысла, в результате чего можно перемоделировать отношение к явлению с «плюса» на «минус» и наоборот. Как следствие, некогда чуждая общественной морали идея, изначально отвергаемая, принимается массами и закрепляется в ее действиях.

Перемоделирование украинского сознания шло постепенно: от плавных разрывов «братских уз» славянских народов, союзных отношений Украины и России, постепенного разделения на «своих» и «чужих» к категорическому неприятию русских, «москалей», «колорадов», сопровождаемому насильственными действиями.

Уже задолго до трагических событий украинские ученые занимаются поисками генетических и ментальных отличий своего народа от русского, доказывая свою близость с европейцами и даже тюрками. Подобные мотивы обильно дали всходы во время последнего Майдана, в том числе в творчестве молодых поэтов: стихотворение украинской поэтессы Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» прочитали миллионы пользователей Интернета.

Дальше настроения усиливаются, переходя из радикального в область возможного. Так, в марте 2014 г. в СМК появляется

запись телефонного разговора якобы Ю. Тимошенко с Н. Шуфричем, в котором на взволнованный вопрос последнего: «А что же будет с 8 млн русских в Украине, которые стали изгоями?» — Ю. Тимошенко дает недвусмысленный четкий ответ: «Их надо расстреливать из атомного оружия». И как отмечают эксперты, «неграмотное построение фразы — не применение атомного оружия, а „расстреливать“, говорит о подсознательном стремлении Тимошенко. Расстрелять. Налицо явный прогресс. Раньше она хотела обнести весь Донбасс колючей проволокой, а теперь хочет расстрелять. Причем Тимошенко ни секунды не колеблется» [Тимошенко угрожает: полная версия разговора].

В рядах участников организации «Правый сектор» все сильнее звучат «знаменитые националистские кричалки» типа «*Москалей на ножи*», «*Москаль, кацап!*», «*Хто не скаче, той москаль*», «*Москаляку — на гілляку!*». Пока все это выглядит веселой игрой. А дальше — от слова к делу: идет публичное закрепление с «завуалированной подачи» киевской власти истребления «сепаратистов» и «террористов» Луганска, Донецка, Славянска, Одессы (реклама акции от Приватбанка — 10.000 \$ за москаля).

Таким образом, ненавязчиво снимается табу ценности жизни человека, прежде всего «москаля», который подлежит, в случае необходимости, ограничению в правах, изгнанию или даже уничтожению.

Во-вторых, для усиления сложившегося в сознании украинских граждан образа России как врага используется и языковая демагогия, репрезентируемая через коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих», что дает возможность говорящему создавать фантомный социум, к которому относится он сам. Подобный эффект создается за счет использования личного местоимения «мы» и его притяжательный и указательных форм.

*Никогда **мы** не будем братьями
ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными —
нам не стать с вами даже сводными.*

Вас так много, а, жаль, безликие.

*Вы огромные, **мы** — великие.*

<...>

*да, у **нас** в сердце кровь горячая,
что ж вы **нам** за „родня“ незрячая?*

*А у **нас** всех глаза бесстрашные,
без оружия **мы** опасные.*

*У вас Царь, у **нас** — Демократия.*

*Никогда **мы** не будем братьями*

В-третьих, идет сознательное дезинформирование украинского общества, сопровождаемое приемами манипулирования — «экспрессивный удар», «правда наполовину», «односторонность освещения события», «эффект правдоподобия», «будничная рассказ» — для создания ложных страстей, эмоционального возбуждения в массах и управления ими в соответствии с необходимой для манипулятора тактикой. Так, в украинских СМИ появляется информация о том, что «процесс „отказа от гражданства России“ в Крыму превратился в механизм выявления и преследования крымчан, не лояльных к Москве» [В Крыму начались преследования отказников от паспортов РФ — эксперты], что «после оккупации Россией Автономной Республики Крым полуостров покинуло более 7 тыс. крымских татар из-за „давления со стороны оккупантов“» [После оккупации Россией Крыма беженцами стали более 7 тыс. крымских татар], что «в Крыму в мечетях сидят эфэсбэшники, активистов Евромайдана вызывают на допрос, а на улицах разгоняют малейшее подобие митингов» [Осауленко].

В-четвертых, российские и некоторые зарубежные СМИ отмечают, что в Украине идет мощнейшая пропагандистская кампания, сопровождаемая театрализованными шествиями молодых активистов-националистов.

Все это создает особые антироссийские настроения в массах, которые выплескиваются в журналистских текстах печатных украинских СМИ. Этим примечательна статья Юрко Кос-

мина «Росія їхньої мрії», в котрій сформульована основна думка: *Росія — від вищих бюрократів до народних мас — хоче справжньої крові, справжнього нацизму зразка Сталіна-Гітлера. І в яких би думках не мріяв про це сам Владімір Владімірович, він за мільйонами своїх дбайливих учнів уже не встигає. Йому ще досі хочеться ручкатися з іноземними лідерами, продавати газ Європі та вболівати за збірну Російської Федерації на олімпіадах та чемпіонатах світу з футболу — а росіяни вже готові відмовитися від усього цього заради теплого від крові мороку середньовіччя. І щойно це кухонне військо збагне, що фюрер їх зрадив, а омріяний російський рейх продовжує вабити своєю недосяжністю лише з телеекранів, вони неодмінно згадають простий рецепт витворення раю від Кісільов-ТВ та донбаських „ополченців“*

Рейх почнуть будувати й без Путіна — принаймні, на відділки поліції з арсеналами вогнепальної зброї безкраї простори Російської Федерації багаті не менше, ніж на склади горілки та георгіївських стрічок [Космін].

Как видим, приемы и методы информационно-психологической войны, умело используемые «самопровозглашенным» правительством Украины, и экстремистская риторика некоторых высокопоставленных лиц (А. Турчинова, А. Яценюка, Ю. Тимошенко, А. Гриценко) лишь усиливают экстремистские настроения по отношению к России. В итоге уже политики оказываются в какой-то мере заложниками сформированных настроений масс и собственной экстремистской риторики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирокова, Р. А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России : дис. ... канд полит. наук / Амирокова Р. А. — Черкесск, 2006. — 150 с.

2. Беликов, С. Политический экстремизм в молодежной среде / С. Беликов // Материалы «круглого стола» «Молодежь и политика» в МГУ им. М. В. Ломоносова, апрель 1999. — М., 1999. — С. 34—41.

3. В Крыму начались преследования отказников от паспортов РФ — эксперты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fakty.ua/181992-v-krumu-nachalis-presledo-vaniya-otkaznikov-ot-pasportov-rf-eksperty> (дата обращения: 20.05.2014).

4. Гертц, Р. Н. Политический экстремизм: позиция видения в современной научной литературе / Р. Н. Гертц // Грамота. — 2011. — № 4 (10). — С. 43—47.

5. Горжалцан, Е. Как заставить общество полюбить каннибализм / Е. Горжалцан. — Режим доступа: <http://polemika.com.ua/article-136241.html> (дата обращения: 19.05.2014).

6. Ермакова, Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием [Электронный ресурс] / Е. С. Ермакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики : сайт. — Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a>.

7. Израильтяне: оскорбление пророков — тягчайший грех [Электронный ресурс] // Биржевой лидер. — Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008138442.html>.

8. Космин, Ю. Росія їхньої мрії [Электронный ресурс] / Ю. Космин. — Режим доступа: http://lb.ua/news/2014/05/21/267176_rosiya_ihnoi_mrii.html (дата обращения: 21.05.2014).

9. Лабунец, М. И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация : дис. ... канд. полит. наук / М. И. Лабунец. — Ростов н/Д, 2002. — 141 с.

10. Левитов, Н. Д. Психологическое состояние агрессии / Н. Д. Левитов // Вопросы психологии. — 1972. — № 6. — С. 168—173.

11. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : моногр. / А. В. Манойло. — М. : МИФИ, 2003.

12. Морозов, И. Л. Политический экстремизм в современной России — новые тенденции / И. Л. Морозов // PolitBook. — 2012. — № 3. — С. 97—107.

13. «Невинность мусульман» — искра для пороховой бочки («Le Figaro», Франция) [Электронный ресурс] // Иносми. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20120913/199110889.html>.

14. «Невинность мусульман» поставила США на распутье: глобальная война или закат империи [Электронный ресурс] / В. Коровин // Око планеты. — Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/138690-nevinnost-musulman-postavila-ssha-na-raspute-globalnaya-voyna-ili-zakat-imperii.html>.

15. Осауленко, М. «Когда я в интернете сказала, что хочу остаться гражданкой Украины, мне ответили: «Ты никто и зовут тебя никак» / М. Осауленко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fakty.ua/181647-kogda-ya-v-internete-skazala-chto-hochu-ostatsya-grazhdankoj-ukrainy-mne-otvetili-ty-nikto-i-zovut-tebya-nikak> (дата обращения: 20.05.2014).

16. Паин, Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э. А. Паин // *Общественные науки и современность*. — 2002. — № 4. — С. 113—124.

17. Петиция о признании России спонсором терроризма досрочно набрала 100 тыс. голосов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nr2.com.ua/index.php/content/83-ukraina-i-evropa/475-petitsiya-o-priznanii-rossii-sponsorom-terrorizma-dosrochno-nabrала-100-tysyach-golosov> (дата обращения: 20.05.2014).

18. Пиджаков, А. Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения / А. Ю. Пиджаков // *Правоведение*. — 2003. — № 3 (248). — С. 234—244.

19. Попов, А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов / А. Попов // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах* / ред. Марта Олкотт, В. Тишков. — М.: Московский центр Карнеги, 1997. — С. 273—297.

20. После оккупации Россией Крыма беженцами стали более 7 тыс. крымских татар [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fakty.ua/181794-posle-okkupacii-rossii-kryma-bezhencami-stali-bolee-7-tys-krymskih-tatar> (дата обращения: 20.05.2014).

21. Римский, А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления / А. В. Римский, А. В. Артюх // *Научные ведомости Белгор. гос. ун-та*. — 2009. — № 16 (71). — С. 244—249.

22. Сергеева, Е. В. Проблема выявления речевого манипулирования при проведении лингвистической экспертизы «экстремистских» сайтов Интернета (на примере файла «LEZGINKA.flv») [Электронный ресурс] / Е. В. Сергеева. — Режим доступа: www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/sergieeva.html.

23. Старосветский, Е. А. Экстремизм в современном российском обществе / Е. А. Старосветский // *Научные ведомости Белгор. гос. ун-та*. — 2008. — № 5. — С. 187—192.

24. Тимошенко угрожает: полная версия разговора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://crimenalist.ru/archives/49104-noncrime> (дата обращения: 19.05.2014).

25. Хуако, З. Ю. Политический экстремизм: информационный аспект: по материалам социологического исследования / З. Ю. Хуако // *Вестн. Адыгейск. гос. ун-та*. — 2012. — № 2. — С. 114—120.

26. Шаракшанэ, С. Ислам и политический экстремизм / С. Шаракшанэ // *Религия и право*. — 1999. — № 4—5. — С. 26.

3.2. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию «Childfree»: на грани экстремизма

В феврале 2013 г. прокуратура Санкт-Петербурга потребовала от социальной сети «ВКонтакте» закрытия виртуального сообщества приверженцев чайлдфри («добровольной бездетности») — людей, отрицающих материнство и отцовство. Их приравнивали к экстремистам, пропагандирующим ненависть к семейным ценностям. Эксперты пришли к выводам, что группы чайлдфри нарушают права несовершеннолетних, размещая информацию, отрицающую семейные ценности и формирующую неуважение к родителям (такие сообщения являются «видом информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей» в соответствии с ч. 2 ст. 5 федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Для начала определимся с тем, кого можно и принято относить к чайлдфри: «Основная идея чайлдфри — отказ от детей во имя личной свободы и пропаганда бездетного образа жизни. Термин родился в США в противовес слову „Childless“ (бездетный). На волне эмансипации „защитники прав человека“ усмотрели в английском языке ущемление прав бездетных и придумали термин childfree (детосвободный), утверждая, таким образом, что отсутствие детей — это привилегия „развитого“ социума» [Сериков 2010].

Актуальность нашего исследования обусловлена следующим: в СМИ и Рунете разгорелась дискуссия о том, действительно ли идеология childfree и тексты, продуцируемые ее приверженцами, имеют экстремистский характер, или это проявление свободы выбора граждан, свободы слова.

Объектом исследования являются виртуальные сообщества представителей идеологии childfree в социальной сети «ВКонтакте».

Предмет исследования — коммуникативные стратегии и тактики, репрезентирующие идеологию движения в текстах, размещенных в социальной сети.

Цель — изучить и описать речевые стратегии и приемы, используемые членами виртуальных сообществ childfree, на предмет содержания экстремистских высказываний.

Задачи исследования: выявить в социальной сети «ВКонтакте» группы childfree, открытые для общего доступа; выявить и систематизировать коммуникативные стратегии, реализованные в текстах сообществ, выявить в текстах эмоционально маркированную лексику, имеющую характер агрессии; описать модели мировосприятия приверженцев childfree и традиционного отношения к материнству (по принципу «свои — чужие»); высказать личное мнение по вопросу о том, имеют ли тексты данных виртуальных сообществ экстремистскую направленность.

Для начала напомним, что в перечне действий, определяемых федеральным законом как экстремистские, выделяются такие, которые осуществляются именно в процессе коммуникации: «...публичное оправдание терроризма; *возбуждение социальной, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства* либо неполноценности человека в зависимости от его принадлежности к определенному этносу, расе, от его вероисповедания, от его родного языка; публичные призывы, провоцирующие рознь и ненависть, призывы к насилию» [Федеральный закон].

На сегодняшний день в социальной сети «ВКонтакте» существует чуть более десяти открытых для публичного просмотра групп о движении чайлдфри и примерно столько же закрытых. Многие из них стали закрытыми для публичного просмотра после привлечения внимания к ним со стороны СМИ. Данные сообщества насчитывают тысячи активных участников — сторонников идеологии.

Виртуальное сообщество является «новой формой социальной группы, отличающейся, во-первых, интерактивным характером взаимодействия своих членов, которые могут взаимовыгодно обмениваться интересной и полезной информацией; во-вторых, отсутствием географических и психологических барьеров в общении, что обусловлено анонимностью коммуникации в Интернете; в-третьих, возможностью самопрезентации и самовыражения с учетом имеющихся у индивида способностей;

в-четвертых, добровольным членством и неформальной структурой коммуникации в режиме реального времени; в-пятых, возможностью создавать собственный круг общения, состоящий только из друзей и единомышленников» [Чураева 2009].

Виртуальные сообщества сторонников идеологии чайлдфри в социальной сети «ВКонтакте» создаются, как и любые другие, с целью общения и нахождения единомышленников. Читать тексты открытых виртуальных сообществ чайлдфри может любой пользователь самой популярной российской социальной сети, в чем можно усмотреть опасность: как известно, под воздействием СМИ (а некоторые ресурсы Интернета называют сегодня «социальными медиа») меняется мнение реципиента. Восприятие объекта (в нашем случае — детей, материнства) под воздействием убеждающей коммуникации становится другим, наблюдаются изменения в сфере эмоций и поведении. Опасности, связанные с распространением информации экстремистского толка в социальных сетях, можно сформулировать так: «Экстремистские тексты, функционирующие в сети „ВКонтакте“, имеют публичный коммуникативный характер, так как рассчитаны не на конкретную аудиторию, способность к восприятию которой не может быть фактически проверена. В данной коммуникации созданы все условия для доведения информации до сведения неопределенного числа лиц, разделяющих, исповедующих определенные политические и общественные взгляды, т. е. существует гипотетическая возможность ознакомления с содержанием материалов других лиц (независимо от их числа), в том числе, и в будущем. Данные характерологические черты определяют как подготовительные условия для успешного функционирования экстремистского текста» [Баранов 2007: 419].

Обратившись к анализу текстов виртуальных сообществ чайлдфри, мы увидели, что в сообщениях пользователей реализовано несколько коммуникативных стратегий, ключевыми из которых являются ***стратегия дискредитации «чужого» и императивная стратегия, направленная на возвышение «своего».***

Контрастивность текстов, продуцируемых в группах чайлдфри, заключается в противопоставлении на уровне идентифи-

кации («свой — чужой») и реакции («хороший — плохой»). Данные содержательные уровни в языке сливаются, образуя единый оценочный образ, вписывающийся в оппозицию «идеал — враг». Напомним, что, по замечанию Л. В. Баевой, «важнейшей причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает именно психологический барьер „свой — чужой“, страх перед непохожим на себя. Формирование установки на агрессию по отношению к Другому происходит в том случае, если человек привык не критично относиться к своим взглядам и поступкам и считает себя несравнимо выше других» [Баева].

Мы попытались обобщить различные точки зрения на природу явления чайлдфри.

По мнению социального психолога М. Сандомирского, чайлдфри — «это следствие инфантилизации общества — процесс глобальный, наиболее ярко проявляется в развитых странах, в последние годы стал заметен и на постсоветском пространстве, когда возмужали „дети 90-х“ (поколение „жесть“). Социологи и маркетологи именуют подобных „взрослых детей“ кидалтами (kid + adult). В социальном аспекте это не только child-free, но и family-free (или синглтоны)» [Должно ли общество... 2013].

По словам психотерапевта Л. Щеглова, «нежелание иметь детей входит в понятие личного пространства человека, это его личный выбор, и это совершенно нормально. Если бы человек бегал с транспарантом и призывал весь мир отказаться от рождения детей, тогда да, проблема есть» [Цит. по: Першина 2013].

Чайдфри для России достаточно новое явление. Однако в нашей стране сегодня, по данным Федеральной службы государственной статистики, из 42 млн российских семей 48 % не имеют детей, причем лишь 5 млн — по медицинским показателям.

В Америке чайлдфри уже устоявшееся явление: «Сознательно бездетные как социально-демографическая категория имели место задолго до распространения чайлдфри. Лишь с недавнего времени они начали развивать социальные сети, чтобы противостоять давлению общества, которое не готово понять и принять их образ жизни. В 2004 году в России создано интер-

нет-сообщество сознательно бездетных на портале Livejournal.com, насчитывающее около четырех тысяч участников. На Западе феномен childfree появился значительно раньше, чем в нашей стране. Журналист „Русского Newsweek“ Елена Черненко сообщает, что термин childfree ввела в 70-х годах прошлого столетия Национальная организация для не-родителей США. Только в Калифорнии более пяти тысяч членов этой организации. В США в целом уже более 40 организаций, объединяющих чайлдфри, каждая из них насчитывает несколько тысяч участников» [Цит. по: Селивинова 2010]; «Согласно исследованиям американского Национального Центра Статистики Здравоохранения, ежегодно увеличивается процент женщин, сознательно не желающих иметь детей: на сегодняшний день до 25 %. Среди белых женщин с высшим образованием процент чайлдфри гораздо выше, чем среди прочих. Доктор Дэвид Фут из Университета Торонто пришел к выводу, что образование женщины в наибольшей мере предопределяет фертильность: чем оно выше, тем меньше вероятность иметь детей» [Трубиновская 2010].

Социолог Е. Селивинова по результатам проведенного эксперимента утверждает: «Приверженцы childfree более образованны, более востребованы как профессионалы и руководители, имеют доход выше среднего, склонны жить в городах, менее религиозны, менее склонны к соблюдению традиционных обычаев. Они ориентированы на жизнь в комфорте, наличие свободного времени, хобби, друзей, на собственное саморазвитие, эмоциональную и физическую близость с партнером. Для них важен карьерный рост. Они не желают тратить время, финансы и силы на дитя, которое „однажды вырастет и окажется неблагодарным“. Женщины могут переживать по поводу фигуры, бояться родов, вспоминать травмирующее или бедное детство, оскорбляющих, угнетающих или отсутствующих родителей. Некоторых чайлдфри можно назвать идейными или убежденными» [Селивинова 2010].

Среди причин **«добровольной бездетности»**, озвучиваемых в текстах виртуальных сообществ, можно выделить следующие (примеры позаимствованы у сообщества «Чайлдфри» (<http://vk.com/>

club43946); в примерах сохранена авторская орфография и пунктуация):

- человек без ребенка имеет гораздо больше времени для своего творческого, интеллектуального, физического развития, для развлечений, путешествий, встреч с друзьями и т. д.: *«вижу в жизни более интересные дела, чем выращивание детей. Ребенок занимает слишком много времени»; «ну вот нафиг тратить время на это орущее существо когда можно свободно заняться своими делами»; «на мой взгляд, жизнь слишком прекрасна и коротка, чтобы тратить ее на что-то среднестатистическое. Хочется попробовать как можно больше, насытить себя ощущениями и впечатлениями; правда, беременность, роды, бессонные ночи и т. п. в список моих желаний не входят. Я очень люблю искусство, занимаюсь творчеством, так что вполне возможно, я замещаю желанием творить желание быть матерью»;*

- воспитание ребенка требует большого количества денег, и чайлдфри не хотят брать на себя лишние финансовые расходы: *«Известно, что для полноценного содержания детей нужно немало денег. Возникает вопрос: зачем эти деньги тратить на ребенка или (тем более) на нескольких детей, если их можно потратить, скажем, на апгрейд компа, если можно купить более новый автомобиль, новую мебель, можно сделать супер современный ремонт у себя дома, или — отправиться в отпуск в какое-нибудь увлекательное путешествие?»;*

- некоторые открыто противостоят обществу и шаблонам: *«Это общество российских потребителей, стереотипов и шаблонов. Люди которые пытаются нас направить на правильный путь как им кажется, на самом деле ущербны в своем восприятии личного счастья и пространства. Для них важно что подумают окружающие. Они считают своим Е*АНЬИМ долгом посадить дерево, построить дом на окраине в заднице и настрого пару спиногрызов»; «нам всю сознательную жизнь навязывают этот мерзкий шаблон..отношения свадьбы..беременность и деточка ну и конец((((»;*

- некоторые из чайлдфри боятся, что если они родят ребенка и это им не понравится, то изменить что-то уже будет нельзя:

«А все талдычут , как бараны, одно и то же: «Продолжение рода!» ?? Да кому оно нах надо потом, когда нас никого не станет! Полный бред! Все мои знакомые, у кого есть дети, только и жалуются на то, как они устали и хотят прежней жизни, да еще и обвиняют своих родителей в том, что те отказываются сидеть с их детьми»; «невкусно,больше не ем. А ребенок? Куда его деть,если не "вкусно"? Надо быть слепоглухонемым,дабы не слышать про пугающее количество убитых и замученных детей. Их папы и мамы,родили и поняли,чо)»»; «подружки стали замуж выходить и размножаться (видимо, возраст)... И из умных интеллигентных образованных женщин превращаться в сюсюкающих свиноматок. И тут я поняла, что держать на руках мелкое обкаканное создание, которому блевануть на тебя ваще ни разу не стремно — это не для меня»;

- для некоторых первостепенно желание сохранить максимальную эмоциональную и физическую близость со своим мужем (женой), уже невозможную после появления в семье детей: *«просто потому что я и так достаточно счастлива...мы с мужем достаточно давно вместе и солидарны в этом вопросе на данный момент»;*

- некоторые объясняют свой выбор истощаемостью природных ресурсов и перенаселенностью планеты: *«По своим политическим убеждениям я технократ. И как любой технократ я считаю что количество людей на планете не должно выходить за рамки Несущей Способности Земли, то есть необходимого количества ресурсов для удовлетворения потребностей мирового населения. К сожалению пока несущая способность планеты не просчитана учеными и мы не знаем сколько Земля еще может прокормить людей. Однако для меня лучше перебдеть чем недобдеть. Поэтому я ЧФ»; «Не хочется вносить еще одного человека в это нелюбимое общество, нас и так слишком много и слишком много говна в мире»;*

- некоторые женщины испытывают страх и отвращение к беременности, родам и послеродовому периоду: *«просто неприятно смотреть на беременных, не охота переносить нестерпимую боль, не охота, чтобы тошнило, а муж после родов изменял,*

ибо ты не привлекательно выглядишь уже. не охота мучиться рожать, а потом восстанавливаться, запускать карьеру»;

- некоторые апеллируют к собственному тяжелому детству и не желают, чтобы их дети пережили нечто подобное: *«я не хочу, потому что когда мне было 7 лет, родители родили сестру, через год-вторую, и еще через 2 года-третью. родители были постоянно на работе. а я нянчилась. и мне они перепали больше, чем родителям. теперь терпеть не могу младенцев»;*

- некоторые считают, что мир несовершенен и поэтому незачем рожать детей: *«Такого скотства как в россии я еще не встречал. Ни каких гарантий и уверенности что ты будешь защищен в этой стране нет и не было и не будет никогда. Твари я считаю тех, кто плодит детей ради пособий на которые можно как-то жить. Те кто рожают ради улучшений жилищных условий. Материнские капиталы в России, это выгребная яма нищеты и скотоводства. Родить для галочки или потому что в старости захочется попить, это вверх идиотизма».*

С точки зрения социологов, причины появления чайлдфри заключаются в том, что «за последние 10 лет в России произошли серьезные изменения в модели формирования семьи. Поколение XXI века, молодые люди детородного возраста 20—30 лет в своем демографическом поведении сильно отличаются от своих родителей, что позволяет оценить произошедшие изменения как революционные. Суть трансформации модели формирования семьи, по мнению демографов, заключается, в первую очередь, в нарушении прежнего единства сексуального, репродуктивного и брачного поведения, присущего современной эпохе. Нельзя забывать о низкой институциональной поддержке со стороны государства, о закате значимости института бабушек, об узкой нише гувернерства на рынке услуг, дороговизне и малом количестве муниципальных и частных дошкольных образовательных учреждений, о возросших требованиях к качеству жизни, о современных репродуктивных технологиях, позволяющих раздвигать рамки фертильности, и пр.» [Селивинова 2010].

Таким образом, в высказываниях чайлдфри есть рациональное зерно, подтвержденное социологами. Обратимся к лексике и

прагматике высказываний участников виртуальных сообществ. Нас интересуют речевые стратегии и тактики коммуникантов, лексические средства для выражения оценки «чужих», их эмоциональная окраска (проявление речевой агрессии) и, самое главное, можно ли считать, что тексты имеют экстремистский характер.

Для того, чтобы понять, лежит ли в основе рассматриваемых текстов экстремистская идеология, разберемся в сущности понятия идеологии. В. А. Бурковская дает следующее определение экстремистской идеологии: «Идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки:

1) „однозначное“ объяснение проблем существующего мира и предложение таких же „простых и обязательно помогающих“ способов решения проблем;

2) разделение бытия на „абсолютное добро“ и „абсолютное зло“, причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему;

3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей;

4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [Бурковская 2005].

По замечанию Л. М. Голикова, «экстремистский текст может преследовать две коммуникативные цели общего характера:

1) принудить адресата выполнить определенные действия (в структуре текста функционируют речевые акты призыва);

2) сформировать определенное внутреннее убеждение адресата (в данном случае реализуются различные убеждающие жанры: характеристика, обоснование, подтверждение, размышление, порицание, — также возможна и угроза).

Обе эти цели сопровождаются инвективностью. Оскорбительный характер как на уровне формы, так и на уровне содержания экстремистского текста является необходимым условием для реализации пропозиционального условия его коммуникативной успешности» [Голиков 2012].

Специалисты связывают экстремизм с интеллектуальной ограниченностью личности: «Причина и источник экстремизма

как общей идеологии крайней непримиримости к инакомыслящим во многом кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды. Интеллектуальная ограниченность рождает ощущение того, что только Я и мое сообщество являются обладателями абсолютной истины, которая видится закрытой и окончательной („Есть два мнения: мое и неправильное“ — типичный девиз низко развитого интеллектуально человека). Чем выше человек поднимается в познании, тем более явно он осознает неисчерпаемость мира и форм знаний о нем, тем терпимей он относится к „истинам“ и теориям оппозиционных сообществ. Моральная ограниченность способствует утверждению в человеке гордыни и самооправдания за любые действия. Низко развитый нравственно человек, как правило, всегда доволен собой и видит недостатки исключительно в других» [Баева].

В каждой из групп в описании сообщества подчеркивается, что участники не испытывают ненависти к детям, просто их этот вопрос на данном этапе жизни не волнует: «Наша жизнь шире и разнообразнее, чем у „детолюбоб“, хотя они нас считают неполноценными, смысл группы: общение на разные темы». Среди обсуждений — альтернативное времяпровождение без детей, семья без детей, интересы и хобби, альтернативные тем, что есть у имеющих детей, творчество, карьера. Однако если обратиться непосредственно к сообщениям, размещаемым на «стене» группы или в рамках обсуждений, то мы увидим лексику, которая имеет явно агрессивный характер и направлена на дискредитацию рожающих женщин и детей.

Фактически у виртуальных сообществ чайлдфри два адресата: «свои» и «чужие». Полемика на стене группы и в обсуждениях (темах) возникает именно между «своими» и «чужими», причем в основном используются императивная и дискредитирующая коммуникативные стратегии. В связи с этим представляется целесообразным описать картины мира участников сообществ — приверженцев идеологии чайлдфри и их противников — людей с традиционным взглядом на семью с опорой на лексику тех и других, т. е. в их категориях.

КАРТИНА МИРА С ПОЗИЦИИ ЧАЙЛДФРИ

СВОИ: ученые, путешественники, успешные люди, счастливые пары, не обремененные детьми, люди, которые не боятся продемонстрировать свою свободу выбора.

ЧУЖИЕ: «пролайфовцы» (люди, выступающие за запрет аборт и контрацепции), в том числе представители Русской православной церкви, общество, которое навязывает традиционные стереотипы семейного счастья (подруги, родители, родственники, коллеги), невоспитанные дети, безответственные родители, многодетные матери («свиноматки», «овуляхи», «детоматки», «размноженцы», «детные», «инкубатор», «подтирушка»), с недавнего времени — политики (депутат Милонов).

В текстах, продуцируемых чайлдфри, можно усмотреть «утопизм»: сторонники идеологии создают свой мир «без детей», оценивая существующий миропорядок как ущербный, неправильный. М. Ахьяев считает, что «основным мотивом поведения экстремиста являются социальная агрессивность, активное стремление к разрушению существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Этот мотив подсознательно или сознательно маскируется конструктивным мотивом созидания „правильного общества“. Но прежде чем строить правильное общество, нужно разрушить существующее, поэтому конструктивная мотивация не играет никакой роли в реальном поведении экстремиста» [Ахьяев 2008].

В своих высказываниях сторонники чайлдфри часто используют эмоционально окрашенную лексику агрессивного характера: *плодячка; свиноматка; стада беременных женщин; коровы, рожающие, чтобы их доили; крысомамки; плодиться и штамповать новое человеческое мяско; дети — огрызки; опарыши.*

По замечанию В. Н. Базылева, «основным средством номинации врага в экстремистских текстах является инвективная лексика, то есть слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или

третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [Базылев 1998].

Некоторые из высказываний участников содержат интенцию насилия: *«Я бы всем оружием детям рты серебряным скотчем заклеивала».*

Для доказательства собственной правоты чайлдфри апеллируют к классикам, используя прецедентные высказывания из литературы, Библии и кинематографа. Например:

— *Отшлепай детей, пока они снова не попытались тебя убить. А лучше, давай убьем их сами!*

— *Они, безусловно, просто безобразники, но если мы их убьем, они о себе сильно возомнят...* (Питер Пэн, фильм 2003 г.).

«И все-таки, если вам интересно мое мнение, большинство заводит детей, когда спадает их собственный энтузиазм по отношению к жизни. Ребенок позволяет нам снова пережить радостное возбуждение, которое мы когда-то чувствовали из-за... да из-за всего. А через поколение наш энтузиазм подпитывают внуки. Воспроизводство — такая инъекция омоложения, которая не дает людям утратить любовь к жизни» (Чак Паланик, «Проклятые»).

Виртуальные сообщества в Сети — это не только тексты, но и возможность обмениваться и выкладывать видео- и фотофайлы. В одном из сообществ чайлдфри есть два фотоальбома, которые состоят из подборки фотографий публичных людей — бездетных мужчин и женщин. Среди них — знаменитые и успешные политики, актеры, художники, музыканты, бизнесмены (http://vk.com/club43946?z=album-43946_122966631). По мнению создателей альбома, это еще один аргумент в пользу выбора идеологии чайлдфри. Также в доказательство собственной правоты участники используют мемы, например бездетного Христа (см. рис.).

Теперь обратимся к противникам идеологии чайлдфри, которые также имеют право высказаться в рамках виртуальных сообществ «свободных от детей».

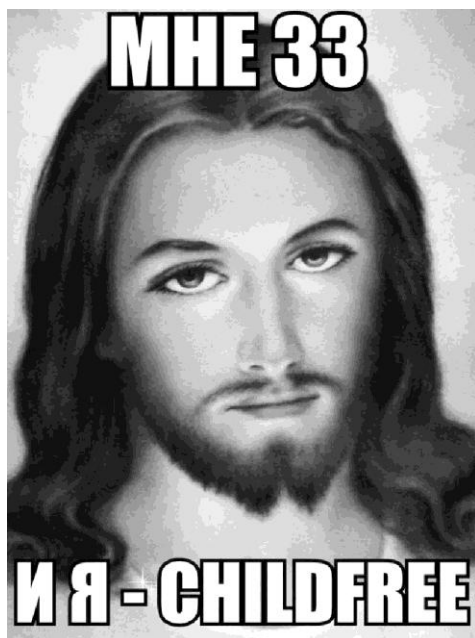

Рис. 3.2.3

КАРТИНА МИРА С ПОЗИЦИИ СТОРОННИКОВ ТРАДИЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СЕМЬЮ

СВОИ: хранительницы очага, счастливые матери, семьи, защитники общественной морали.

ЧУЖИЕ: эгоисты, люди с психологической травмой, детоненавистники, бездетные (защищающие собственную неполноценность), геи, лесбиянки, лица, подкупаемые США в целях самоуничтожения русской нации.

Стоит отметить, что приверженцы традиционного уклада жизни тоже бывают резки в своих высказываниях и оценках людей, выбравших «добровольную бездетность». Однако предметом нашего исследования являются тексты, продуцируемые чайлдфри.

После запрета прокуратурой Санкт-Петербурга нескольких групп чайлдфри «ВКонтакте» интерес общества к явлению

чайлдфри в России значительно вырос — во многом благодаря СМИ.

Значимым нам кажется замечание Е. Селивировой: «Мас-медиа скудно, но ярко освещают существования childfree, не стремясь понять истинных мотивов жизненного выбора и вступления в сообщество. Для нашего государства это неприемлемо ввиду пронаталистских целей и задач в отношении молодых женщин в возрасте 20—30 лет. Хотя международный феномен childfree в большей степени является ответом миноритарной части населения на отсутствие перспективы реализации индивидуального решения баланса жизни и труда, государства отдельных европейских стран (скандинавские страны, Бельгия) предпринимают тем не менее меры по оптимизации баланса жизни и труда, переходя от диахронии к синхронии этого принципа. В основании мер такой политики — наличие в группе сознательно бездетных тех, которым еще можно предложить превратить отказ от рождения ребенка в откладывание, оптимизацию его появления. Но этой группе требуется сильная институциональная поддержка, поэтому необходимо привлечь дискурсивное внимание политиков к этому феномену» [Селивиорова 2010].

Существует точка зрения, согласно которой ополчение против сообщества чайлдфри в Сети — это своего рода «заказ»: «Учитывая призывы президента России Владимира Путина активно рожать детей и тем самым улучшать демографическую ситуацию, взгляды людей, добровольно отказавшихся от идеи иметь ребенка, подрывают ситуацию в стране» [Першина 2013].

Любопытно, что прокуратура, закрывая группы чайлдфри «ВКонтакте», имела намерение препятствовать распространению идеологии, а эффект получился скорее обратным (открылся «ящик Пандоры»), потому как количество участников незакрытых виртуальных сообществ чайлдфри из-за повышенного к ним внимания со стороны СМИ и произвольной популяризации явления резко возросло.

И все-таки, на наш взгляд, если следовать теории Л. В. Бaeвой, некоторые тексты виртуальных сообществ вполне можно отнести к моральному экстремизму, под которым понимается

«крайняя нетерпимость к определенному типу нравственным нормам и правилам поведения, допущение насилия для утверждения пропагандируемого набора моральных требований, добродетелей, заповедей» [Баева], так как часть высказываний прямо сообщает о превосходстве чайлдфри (императивная стратегия) и унижает честь и достоинство женщин-матерей (дискредитирующая стратегия), а некоторые высказывания содержат рассуждения о необходимом насилии над детьми («заклеить рот скотчем», «кинуть окурки в коляску»).

Возможно, радикальная мера — закрытие виртуальных сообществ чайлдфри в социальной сети «ВКонтакте» — это не выход из сложившейся ситуации, так как многие политологи и эксперты заговорили о нарушении прав свободы слова граждан. На наш взгляд, следует обязать модераторов подобных групп отслеживать контент своих сообществ на предмет содержания лексики и высказываний, имеющих явный оттенок морального экстремизма, и своевременно удалять такие высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахьяев, М. Особенности экстремистского поведения [Электронный ресурс] / М. Ахьяев. — 2008. — Режим доступа: <http://www.dagpravda.ru/?com=materials&task=view&page=material&id=821> (дата обращения: 20.04.2013).
2. Баева, Л. В. Экстремизм и формы проявления [Электронный ресурс] / Л. В. Баева. — Режим доступа: http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Baeva_extremizm.pdf (дата обращения: 20.04.2013).
3. Базылев, В. Н. Как наше слово отзовется? / В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин // Российская юстиция. 1998. № 4—7.
4. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. — М., 2007.
5. Батхен, Н. Иметь или не иметь? — идеология чайлдфри движения [Электронный ресурс] / Н. Батхен. — 2009. — Режим доступа: <http://www.mainplace.ru/lifestyle/notbored/lifestyle/imet-ili-ne-imet/> (дата обращения: 20.04.2013).
6. Бобровский, С. Эволюция и искусственная жизнь / С. Бобровский // РС WEEK/RE. — 2005. — № 4. — С. 32—33.
7. Бурковская, В. А. Криминальный экстремизм в современной России / В. А. Бурковская. — М., 2005.

8. *Голиков, Л. М.* Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] / Л. М. Голиков // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. — 2012. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_1_m_semiotika_ehkstremitsskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 02.03.2013).

9. *Должно ли общество что-то противопоставить философии движения «Чайлд фри»:* мнения [Электронный ресурс] // REX : информационное агентство : сайт. — 2012. — 23 нояб. — Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/31440.html>.

10. *Логический анализ языка. Язык речевых действий.* — М., 1994.

11. *Першина, О.* Чайлдфри приравнили к экстремистам [Электронный ресурс] / О. Першина // Neva24 : сайт. — 2013. — 15 февр. — Режим доступа: http://www.neva24.ru/a/2013/02/15/CHajldfri_priravnjali_k_jeks/.

12. *Селиварова, Е.* Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд [Электронный ресурс] / Е. Селиварова. — 2010. — Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446 (дата обращения: 20.04.2013).

13. *Сери́ков, А.* Пятиминутка ненависти к «рожающему быдлу» [Электронный ресурс] / А. Сери́ков. — 2010. — Режим доступа: <http://old.win.ru/topic/3686.phtml> (дата обращения: 20.04.2013).

14. *Трубиновская, Н.* Чайлдфри — свобода от детей [Электронный ресурс] / Н. Трубиновская. — 2010. — Режим доступа: <http://www.chronotop.ru/present/life/chajldfri-svoboda-ot-detey> (дата обращения: 21.04.2013).

15. *Федеральный закон* от 25 июля № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. — 2002. — 30 июля. — № 138-139.

16. *Федеральный закон* от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

17. *Чураева, Н. С.* Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. С. Чураева. — М., 2009.

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ

4.1. Лингвокультурный типаж «грузин» в русском языковом сознании

Лингвокультурное моделирование типажа мигранта в современном российском научном дискурсе представляет несомненный научный интерес по целому ряду причин.

Во-первых, образные и понятийные характеристики мигранта в современном культурном пространстве представлены в упрощенном и искаженном виде, поэтому специальный и целостный анализ даст возможность увидеть реальную картину осмысления данного лингвокультурного типажа в собственной культуре.

Во-вторых, данный типаж в современном российском обществе идеологически маркирован, нередко является орудием политической войны, экстремистской деятельности.

Актуальность российско-грузинских отношений в современном политическом дискурсе не вызывает сомнений, несмотря на их многовековую историю. В рамках настоящего исследования мы предприняли попытку описать ассоциативные признаки лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании.

При анализе и моделировании лингвокультурного типажа мы опираемся в первую очередь на научно-исследовательский опыт Волгоградской лингвистической школы и непосредственно на методику анализа, предложенную В. И. Карасиком [Аксиологическая лингвистика 2005]. Под лингвокультурным типажом мы понимаем узнаваемый образ, абстрактное ментальное образование, которое в исследовательском плане представляет собой разновидность концепта.

В рамках настоящего исследования в центре нашего внимания оказались следующие составляющие лингвокультурного типажа:

1) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях и толкованиях;

2) ассоциативные признаки рассматриваемого типажа в языковом сознании.

В качестве материала исследования использовались дефиниции как ставшего уже классическим словаря С. И. Ожегова, так и современных толковых словарей под редакцией С. А. Кузнецова, Т. Ф. Ефремовой, а также данные «Русского ассоциативного словаря».

Понятийные составляющие

Для анализа понятийного содержания рассматриваемого лингвокультурного типажа необходимо представить дефиниции слова *грузины*.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова мы нашли следующую дефиницию: *народ, основное население Грузии; представители этого народа*.

Почти идентичная дефиниция представлена и в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой:

1. *Народ картвельской этноязыковой группы, составляющий основное население Грузии.*

2. *Представители этого народа.*

Данное значение анализируемого слова закреплено и в толковом словаре С. И. Ожегова: *народ, составляющий основное коренное население Грузии*.

Итак, в результате анализа приведенных дефиниций в содержании рассматриваемого концепта нами были выделены следующие основные признаки:

- 1) народ (представители этого народа);
- 2) основное население Грузии.

Таким образом, в современных толковых словарях зафиксировано лишь базовое содержание рассматриваемого концепта, лишённое эмоциональных и оценочных компонентов, утратившее связь с понятием «мигранты», с которым в современном языковом сознании дискурсивно соотносится рассматриваемое слово.

Ассоциативные признаки

Необходимо отметить, что данный лингвокультурный типаж, концепт — грузин — в русском языковом сознании сформировался очень давно, а значит, в настоящее время его измене-

ние, пополнение происходит в первую очередь на ассоциативном уровне; именно поэтому в центре нашего внимания оказалась такая составляющая лингвокультурного типажа, как ассоциативные признаки, закрепленные в языковом сознании.

Под ассоциативными признаками лингвокультурного типажа мы вслед за В. И. Карасиком понимаем перцептивно-образное представление с указанием типичной внешности, каких-либо атрибутов, среды обитания, речи, ритуальных действий, сферы деятельности, досуг, круга общения, материального положения, происхождения.

В качестве материала исследования, как уже было отмечено выше, мы использовали данные «Русского ассоциативного словаря».

В ходе анализа словарной статьи «грузин» нами были выделены следующие поведенческие и образные ассоциативные характеристики, составляющие основу лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании:

1) внешность — 10 единиц: *черный 10, нос 7, волосатый 1, высокий 1, красивый 1, небритый 1, кепка 1, усатый 1, черноволосы человек 1, нос с горбинкой 1*;

2) национальность — 11 единиц: *чурка 8, армянин 4, хачик 4, армян 2, грек 1, грузинка 1, лицо кавказской национальности 1, нерусский 1, цыган 1, чеченец 1, чукча 1*;

3) род деятельности — 4 единицы: *рынок 3, мужик на базаре 1, продавец 1, торговец 1*;

4) характер — 1 единица: *веселый 1*;

5) атрибуты — 4 единицы: *арбуз 2, виноград 1, груша 1, розы 1*;

6) происхождение — 4 единицы: *горный человек 1, живет в горах Кавказа 1, с Кавказа 1, с юга 1*;

7) поведение — 1 единица: *наглый 1*;

8) оценка и восприятие — 2 единицы: *гад 1, плохой 1*;

9) материальное положение — 2 единицы: *богатый 3, лимузин 1*.

Отметим наиболее существенные и отличительные характеристики лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании.

Во-первых, высокая частотность ассоциативных реакций (11 единиц — самый высокий показатель) по национальному признаку подтверждает распространенное в современной политической лингвистике мнение о нивелировании, потере этнонимами (названиями наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и других этнических общностей (этносов)) этнического признака и актуализации признака «чуждости» [см.: Шейгал 2004]. Для русского человека грузин — это «чуждой», он нерусский, он лицо кавказской национальности, а значит он такой же, как чеченец, чукча и т. д.

Во-вторых, реакции в виде указания таких признаков, как внешность, характер и происхождение, на слово «грузин» полностью соответствует реальным характеристикам данной нации. Так, в свободной интернет-энциклопедии «Википедия» [Википедия] мы находим такое описание:

«Грузины — народ средиземной белой расы, кавказского семейства, картвельской группы, живущий в центральной и западной части Кавказа... Они выше среднего роста, сложены хорошо и довольно мускулисты. У большинства волосы русые среднего цвета или темные; нос ровный, иногда с горбом и с несколько загнутым концом... лицо смуглое (загорелое)... Грузины отличаются веселым, общительным и симпатичным характером»...

В-третьих, признак по роду деятельности, отмеченный в ассоциативном словаре, несомненно, сложился под влиянием национального стереотипа о том, что все лица кавказской национальности торгуют либо фруктами, либо наркотиками, хотя большинство грузин в настоящее время, как и прежде, земледельцы, торгового же класса у грузин почти не существует (с незапамятных времен торговлей в Грузии занимались преимущественно армяне).

Указанный этнический стереотип спровоцировал и следующие ассоциативные признаки:

- поведение (наглый, потому что обсчитывает, обманывает);
- материальное положение (богатый, лимузин как признак роскоши, недостижимой многими русскими).

Данные ассоциативные признаки, несомненно, носят модусный (оценочный) характер и выражают негативное отношение к представителям этой нации.

Также бесспорным нам кажется утверждение, что признаки лингвокультурного типажа «грузин» складываются под влиянием современных СМИ: именно в результате «их массовой атаки» были сформированы ассоциативные признаки третьей группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2009.
3. Википедия : свободная энцикл. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — М. : Русский язык, 2000.
5. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 90—106.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Астрель : АСТ, 2002.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — М. : Русский язык, 1998.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004.

4.2. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте

В современном мире активный рост ксенофобии и нетерпимости заметен невооруженным взглядом: расовые, национальные и конфессиональные конфликты будоражат общество, и далеко не всегда они вызваны реальными противоречиями.

В данном параграфе рассматривается образ врага в экстремистском тексте, а точнее анализируются его основных номинации, что позволит нам не только еще раз выделить ключевые признаки экстремизма, но и выработать механизм для оценки и классификации данных материалов. Безусловно, результаты нашей работы будут иметь практическую значимость для судебной лингвистической экспертизы.

Образ врага является основополагающим как в анализируемых текстах, так и в экстремистском дискурсе в целом. Ведь проблема самоидентификации и различения по принципу «свой — чужой», «друг — враг», «мы — они» встает перед человеком и особенно социальными группами с древнейших времен. По мнению большинства современных исследователей, конструирование образа врага — это один из наиболее важных, значимых механизмов формирования любой социальной группы: именно «по отношению к образу внешнего врага, обычно выступающего как „Они-группа“, общество способно сплотиться и укрепить свою идентичность в виде целостной „Мы-группы“» [Белоконева 2004: 3].

Наличие адекватного образа внешнего врага повышает не только внутреннюю солидарность, но и управляемость социальной группы [см., напр.: Гудков 2004] — особенно в закрытых и тоталитарных группах создание и поддержание в сознании ее членов образа врага является важнейшим элементом управления.

Таким образом, настойчиво формируемый образ врага становится мощнейшим орудием манипуляции, пропагандистским мифом: известный феномен сплочения перед лицом угрозы является весьма эффективным для любой социальной общности,

этот прием часто используют лидеры групп для сохранения внутригруппового единства.

Итак, ключевой особенностью, определенным классифицирующим признаком экстремистского текста является оппозиционность и наличие образа врага, который в экстремистском дискурсе обладает ярко выраженными национальными, расовыми и религиозными чертами, что позволяет ему служить эффективным средством возбуждения национальной, расовой и религиозной ненависти.

Традиционно врагами в экстремистских текстах называются «хачи/хачики», «кавказцы», «негры», «евреи/жиды», «чурки», «мусульмане», «инородцы/иноземцы», «азиаты», «мусули» и др. (примеры расположены по степени убывания частотности их упоминания). Таким образом, очевидно, что основным критерием определения врага является национальный, расовый или религиозный признак.

Основным же средством номинации врага в экстремистских текстах является инвективная лексика, «то есть слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [Базылев 1998].

Именно инвективы являются эффективным средством выражения как авторской интенции, так и общей идеологической установки экстремистского текста: они не только создают его агрессивно-прагматический потенциал, являясь классическим инструментом возбуждения ненависти и вражды, но и становятся орудием унижения национального достоинства.

В ходе исследования экстремистских текстов, распространяемых в социальной сети «ВКонтакте», как правило, представляющих собой креолизованные тексты — видеоролики, музыкальные клипы, карикатуры и демотиваторы (за 2011—2012 гг. нами были описаны 184 текста), — нами были выделены три основные группы используемых в экстремистском дискурсе для создания образа врага инвектив.

Наиболее частотными являются этнические инвективы (термин В. И. Жельвиса), или экспрессивные этнонимы (термин А. И. Грищенко), или этнофолизмы (термин А. А. Робака), которые «прямо именуют „чужих“, придавая этническим номинациям негативный характер» [Грищенко 2006: 186].

Этнофолизмы, как правило, не входят в литературный русский язык и имеют жаргонное происхождение, зачастую обладают яркой эмоциональной оценкой, причем исключительно отрицательной. По мнению исследователей, этнофолизм — это «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам» [Пренко 2004]. То есть подобные «уничижительные номинации лиц другой национальности отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов» [Грищенко 2006: 175].

Но мы должны отметить, что в современной речевой практике наиболее популярные этнофолизмы, например, такие как *хачики*, *жиды*, «потускнели», утратили свою яркую эмоциональную оценку. В настоящее время нередко примеры их использование в разговорной речи в качестве «прямых» номинаций, не содержащих каких-либо ярко выраженных негативных значений.

Но в рамках анализируемого экстремистского дискурса они всегда «поддерживаются» общим агрессивным фоном, они как бы «заряжаются» негативной энергетикой как за счет своего ближайшего лексического окружения («*сранные хачи*», «*безграмотные мусули*», «*хитрожопые жиды*» и др.), общей семантики текста, так и за счет иных дискурсивных факторов.

Как правило, лексическое окружение этнофолизмов составляют «классические» инвективы, а именно ругательная нелитературная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов; обсценная лексика (мат); грубопросторечная лексика: *черные суки*, *инородная мразь*, *черножопые ублюдки*, *говножопый мусль* и многие другие.

Говоря о дискурсивных факторах, мы должны отметить, что нередко такими факторами становятся реальные или вымышленные истории преступлений, совершенных представителями

определенной нации, расы или религии, поэтому вторую по частотности группу, используемую для номинации врага в экстремистском дискурсе, составляют инвективы так называемого первого типа, т. е. относящиеся к сфере литературного языка, по классификации, предложенной В. Н. Базылевым, Ю. А. Бельчиковым, А. А. Леонтьевым, Ю. А. Сорокиным в статье «Как наше слово отзовется?» [Базылев, Бельчиков, Леонтьев, Сорокин 1998], а именно слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, например: «...численность азербайджанской диаспоры в Москве и Московской области перевалила за миллион человек, а бандиты с Кавказа уже 15 лет безнаказанно хозяйничают в Москве».

Итак, наиболее распространенной семантической группой инвектив является группа, обозначающая различные преступления. Чаще всего упоминаются такие тяжелые преступления, как *убийство/избиение, торговля наркотиками, изнасилование, воровство* и др. (примеры расположены по степени убывания частотности их упоминания).

Отметим, что указанная группа инвектив нередко используется как одно из самых действенных орудий манипуляции: *они убивают наших сыновей и насилюют наших (дочерей) девушек, они травят наркотиками наших братьев и спаивают наших мужчин*. За счет нагнетания данных инвектив, как правило, авторам удается создать страшный образ «*истребительной войны против России, умело спланированного геноцида русского народа*».

Таким образом, использование данных инвектив в экстремистском дискурсе может быть классифицировано как прием, направленный на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды с точки зрения общественной опасности [см.: Рекомендации об использовании... [http](#)].

Во-первых, инвективы данной группы позволяют формировать и подкреплять негативный этнический стереотип, отрицательный образ нации, религии, в частности за счет приемов сверхобобщения или атрибуции.

Чаще используется прием сверхобобщения, «когда свойства отдельных лиц, их пороки или совершенные ими преступления принимаются за свойства всех членов этнической или религиозной группы».

Например: *Они их насилуют, а затем беспощадно убивают! Первого октября в Можайском районе Москвы двумя дагестанцами была изнасилована и убита Анна Бешнова. Они убивают русских людей крича нам что Кавказ сила! Они воруют, убивают, продают наркотики, насилуют.* Автор сознательно переносит различного рода негативные характеристики и пороки отдельных представителей (*двумя дагестанцами*) на всю этническую групп (*они*); часто именно таким образом формируется негативный стереотип, отрицательный образ, наделенный семантикой опасности (воруют, убивают, продают наркотики, насилуют), общественной и личной опасности.

Атрибуция встречается реже и, как правило, используется в такой сильной текстовой позиции, как заключение. Авторами открыто навязывается нужное причинно-следственное отношение, как правило, в рамках экстремистского дискурса четко обозначается чеченский или еврейский след.

Во-вторых, в анализируемых контекстах нередко используется прием приписывания всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой: в текстах экстремистской направленности часто упоминаются *«традиции крови»*, *«братские нравы»*, *«законы гор»*, уже ставшие стереотипными негативными оценками в русском языковом сознании, актуализирующими семантику опасности.

Аналогичный образ врага формируется и на визуальном уровне большинства креолизованных (динамичных) экстремистских текстов (карикатуры, видеоролики): враги с ярко выраженными национальными, расовыми или религиозными признаками представлены как носители одного из социальных зол, как агрессоры, от которых необходимо защищаться. Например, в Сети широко распространено изображение человека с темной

кожей, держащего в руках поднятый нож, сопровождаемое текстом: *Русский! Покажи негру, кто в России хозяин!*

Данный манипулятивный прием поддержан частотным обращением к образам женщин и детей, защищать которых — долг каждого мужчины. Фраза *Ну что? так и будешь сидеть на диване, пока хачики пристают ко мне на улице* сопровождается изображением красивой молодой девушки.

В одном из следующих видеофрагментов еврейская звезда (звезда Давида), исламский полумесяц следуют за бутылкой, которая разбивается кулаком. Данное изображение сопровождается следующим текстом: *Сначала спиртное — а потом все остальное*. Таким образом, мировые религии ставятся в один ряд с таким общепризнанным социальным пороком, как алкоголизм.

И наконец, особую выразительную силу в анализируемом дискурсе имеют инвективы третьей группы, которую составляют метафорические образы, обладающие высоким прагматическим потенциалом. Наиболее частотными, по нашим наблюдениям, являются следующие метафорические номинации:

1) военные образы оккупации и близкие им по семантике метафоры рабства: *«Речь идет о наркопорабощении России азербайджанцами, цыганами, таджиками, туркменами, чеченцами, грузинами...»*; *«Что лучше лучше жить в русском гетто, / Чем встать, воевать за свою свободу»*; *«Вставай в ряды борцов с иноземными оккупантами!»*;

2) образы природных катаклизмов; как правило, это символы непреодолимой силы, несущей страшные разрушения (буря, лавина, цунами и др.): *«потомки инородцев идут девятым валом»*, *«черная лавина накрыла Россию»*;

3) морбиальная метафора, представленная образами заразных заболеваний, акцентирует как семантику широкого распространения, всеобщей опасности, так и некоторой брезгливости: *«Словно бактерии проверяют иммунитет страны»*; *«Россия для Русских! Долой всю заразу!»*; *«Вступай в Славянские рады и вместе мы избавимся от паразитов!»*.

В данной группе особенно выделяется образ «черной/еврейской чумы», наделенный семантикой агрессии и опас-

ности. В русском языковом сознании чума — это «тяжелая остроинфекционная эпидемическая болезнь. / Книжн. О каком-л. общественном бедствии, от которого нет спасения. Коричневая ч. (о фашизме). Разг.-сниж. О человеке крайне неприятном или опасном для окружающих» [Чума <http>].

По всей Земле тотальный мари

Всех черномазых в кровавый фарш

Провозглашение чистки земли

Дезинфекции мира от еврейской чумы;

4) зооморфные метафоры («смотри внимательно в нашей стране одни **звери**») представлены двумя основными группами:

– хтонические образы (чаще образы змеи) и образы чудовищ, несущие семантику опасности: «*Плоди полноценных белых воинов для защиты / Родины от нашествия **цветных монстров!** / ... / Они пожирают белую расу, твою расу!*»; «*Солдаты! В бой, с **чёрной змеей!** / Детей своих от неё береги, / Змеиные яйца дави и не жди!*»;

– инвективные зооморфные образы (крыса, обезьяна), призванные в первую очередь унижить: «*Подстилка для ниггера / Зоофилия — смертный грех / Не гуляй с **обезьяной!***»; «*Они плодятся как **крысы**, / Они здесь ходят как звери. / И если они убьются, / Это не будет для нас большой потерей...*».

Итак, описанные способы номинации врага в экстремистских текстах являются действенным орудием возбуждения расовой, национальной или религиозной розни, в равной степени как и унижения национального достоинства, но только один факт их наличия в тексте никоим образом не является доказательством или признаком принадлежности данного текста к экстремистскому дискурсу, не позволяет однозначно классифицировать текст как экстремистский, это лишь один из инструментов, лишь один из элементов общей картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев, В. Н. Как наше слово отзовется? / В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин // Советская юстиция. — 1998. — № 4—7.
2. Белоконева, А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02 / Белоконева А. С. — М., 2004.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
4. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасанов. — М., 1994.
5. Грищенко, А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллектив. моногр. / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 175—187. — (Тр. Урал. МИОНа ; вып. 20).
6. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. / Л. Гудков. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
7. Пренко, Л. И. К вопросу о семантике французских этнофолизмов // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру; 8 симпозиум «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира» : тез. докл. 4-го Междунар. конгресса (21—24 сент. 2004 г.). — Пятигорск, 2004.
8. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : утв. зам. Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999 [Электронный ресурс] // Национальная газета. — 2002. — № 8—12 (58—62). — Режим доступа: http://antirasizm.ru/doc/publ_104.doc.
9. Чума [Электронный ресурс] // Грамота.ру. Словари. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%F7%F3%EC%E0&all=x>.

4.3. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения

В современной России все чаще звучат националистические призывы, все чаще мы видим свастику на стенах наших домов. Особенно популярна нацистская атрибутика и символика в молодежной среде, где она зачастую становится орудием вербовки молодых, сильных парней в ряды современных националистов.

Но созная данную проблему, мы до сих пор не имеем в своих руках реального способа борьбы, способа защиты, в том числе юридической. Несмотря на то что «в Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [ФЗ № 80 от 19 мая 1995 г.], а «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» признано экстремистской деятельностью [ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г.], в юридической практике понятие «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят всего лишь оценочный характер.

С нацистской атрибутикой и символикой есть хотя бы частичная определенность. Традиционно принято считать, что нацистская атрибутика и символика может включать в себя знамена, значки, атрибуты униформы, иные отличительные знаки, приветствия и приветственные жесты, использовавшиеся организациями, признанными Нюрнбергским международным трибуналом преступными.

В частности, в комментариях к статье 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или

символики» Кодекса РФ об административных правонарушениях приведен список таких символов:

«Под нацистской (фашистской) символикой в комментируемой статье понимается совокупность фашистских символов, среди них государственная символика: государственный флаг и государственный гимн фашистской Италии и нацистской Германии, военная символика войск СС, прежде всего знаки воинского различия подразделений СС, как правило укомплектованных членами Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), добровольцами — адептами идеологии национал-социализма.

К нацистской (фашистской) символике относятся:

– эмблема НСДАП, знамя (флаги, штандарты), бланк, плакаты, листовки НСДАП и сопутствующая символика (френчи, фуражки, нарукавные знаки, пряжки, другие детали экипировки руководителей НСДАП), эмблема и штандарты СА (Sturmabteilung, SA) — штурмовых отрядов, военизированных подразделений НСДАП;

– эмблема, флаги, штандарты и другая символика фашистской организации бывших ветеранов национальной войны — «Союз ветеранов» (Fasci di Combattimento), Национальной фашистской партии Италии (Partito Nazionale Fascista), Фашистской республиканской партии Италии (Partito Fascista Repubblicano);

– символика СС (Schutzstaffeln, SS) (нарукавные знаки, эмблемы и т. п.), охранных военизированных подразделений НСДАП, в том числе символика воинских подразделений СС, непосредственно участвовавших в боевых действиях (фуражки, полевые кепи, нарукавные нашивки, петлицы, кинжалы, прочие детали униформы), а также символика структурных подразделений СС, например знаки отличия службы безопасности СД (Sicherheitsdienst, SD);

– символика гестапо (Geheime Staatspolizei, Gestapo) — тайной государственной полиции (эмблема, жетоны сотрудников гестапо и т. п.)» [<http://kodeks-ob-admin-pravo-narusheniyah.com/statya-20-3-propaganda-i-publichnoe-demonstrirovanie-nacistskoj-atributiki-ili-simvoliki/>].

Но в этом же комментарии сказано, что есть ряд символов, связанных в сознании современного человека с фашистской Германией и ее армией, хотя отнесение данных образов «к фашистской символике, во всяком случае, оспоримо: в соответствии с решениями Международного военного трибунала в Нюрнберге к преступным организациям были отнесены руководящий состав НСДАП, СС, СД и гестапо» [Там же].

Таким образом, мы видим, что в центре внимания юристов оказались только символы, связанные с фашистской Германией, и вне поля зрения остались символы иных националистических мировых организацией, не менее агрессивных и опасных, а главное, не менее популярных среди современных националистов.

В ходе 5-летнего сотрудничества с Центром по противодействию экстремизму по Свердловской области нами были собраны наиболее частотные националистические символы и атрибуты, востребованные в молодежном экстремистском дискурсе и используемые в текстах, направленных как на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, так и на «вербовку» новых «белых воинов».

В данном контексте мы предлагаем использовать понятие «националистический» (т. е. относящийся к национализму, к идеологии, исходящей из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчинения общечеловеческих интересов и ценностей национальным интересам) в юридическом значении «атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения», так как многочисленные психолингвистические эксперименты показали, что в сознании современной молодежи данные символы имеют единое ассоциативное поле (агрессия, ксенофобия, нацизм, фашизм и др.) и чаще связаны с понятием национализма, нежели нацизма в его конкретном проявлении.

Наиболее частотными были признанные символы, встречающиеся более 50 раз, повторяемые в нескольких вариантах и в различных контекстах. Все найденные символы были нами разделены на следующие группы (данный список не является исчерпывающим, мы приводим только самые востребованные символы).

1. Графическая символика.

В данной группе чаще используются символы различных националистических организаций. Среди символов с мировой известностью, конечно, выделяется кельтский крест — символ White Power, движения белых расистов и НС-скинхедов.

Среди российских преобладают символы запрещенных, признанных экстремистскими организаций, таких как Славянский союз, Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ).

Но самым востребованным и частотным, конечно, является черно-желто-белый флаг, уже традиционный и хорошо узнаваемый символ молодежных неонацистских течений.

2. Цифровая символика

Самым известным и актуальным цифровым символом современных националистов, бесспорно, является 14/88.

В современном националистическом молодежном дискурсе он трактуется следующим образом. Число 14 означает четырнадцать слов неонацистского идеолога Дэвида Лэйна: «We must secure the existence of our people and a future for White children» (в переводе с английского — «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей»). Также возможно, что это числовая аббревиатура.

Число 88 предположительно является закодированным приветствием «Neil Hitler!» («Хайль Гитлер!»), поскольку буква «Н» стоит в латинском алфавите восьмой, и в то же время означает 88 заповедей Дэвида Лэйна.

3. Символы, основанные на обращении к именам собственным лидеров и иных известных представителей националистических движений, а также к названиям экстремистских организаций.

Самым востребованным в молодежном экстремистском дискурсе стало имя Максима Марцинкевича, известного как Тесак, лидера общественной организации «Формат 18», которая была запрещена в сентябре 2010 г. за экстремизм, а ее лидер за последние годы дважды был осужден по статье 282.2 УК РФ.

4. Атрибутивная символика, в первую очередь изображение характерных атрибутов представителей современных молодежных националистических движений: бритые головы, черные во-

енные ботинки, подвернутые джинсы, короткие черные куртки, узкие подтяжки.

5. Иные символы: питбуль (фото животного рядом с группой молодых людей с бритыми головами, изображение питбуля на черной куртке).

Вводя термин «националистическая символика», мы должны оговориться, что в отличие от нацистской символики соответствующие символы требуют к себе большего внимания, и в первую очередь внимания экспертов. Многие из приведенных символов в своем «чистом» виде, исключенные из молодежного экстремистского дискурса, потеряют свой статус националистического: черно-желто-белый флаг — это исторический гербовый флаг Российской империи, а питбуль — не более чем представитель определенной породы собак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова, М. Б. Русское лото 18 из 1488: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Уральский филол. вестн. / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». / гл. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2013. — Вып. 4. — С. 69—82.

2. Ворошилова, М. Б. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, А. А. Карапетян // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1 (43). — С. 181—190.

3. Кодекс РФ об административных правонарушениях. Ст. 20.3. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики.

4. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ.

5. Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ.

ГЛАВА 5. МОЛОДЕЖНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: КОГНИТИВНЫЙ АРСЕНАЛ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

5.1. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи

Сегодня бурными темпами формируется комплексное исследовательское направление, которое можно назвать «интернетологией» (нетологией). Она включает в себя интернет-психологию, интернет-социологию и даже интернет-психофизиологию [Сандомирский 2011]. Повсеместная интернетизация общества привела к тому, что виртуальное общение у многих людей преобладает над реальным. Подростки объединяются в группы в рамках социальных сетей («ВКонтакте», «Facebook» и пр.), именно там они находят друзей. Под влиянием идей, распространяемых во Всемирной паутине, формируется мировосприятие современного подростка. В последнее время (особенно в период последней кампании перед выборами президента РФ) коммуникация в Сети приобрела агрессивный характер, и многие социологи и политологи всерьез заговорили об «интернет-революциях»: люди, объединяясь в виртуальных социальных сетях, в реальной жизни воплощают революционные идеи, которые часто имеют разрушительный характер. Американский ученый Л. Гроссман считает, что «третий большой этап в развитии демократии наступает благодаря использованию новых технических средств. Он утверждает, что в настоящее время формируется современная разнородная в своей массе так называемая „электронная республика“, которая приходит на смену идеям Монтексье, Локка, Мэдисона и их современников, точно так же, как в XVIII веке выборное правительство пришло на смену прямой демократии, впервые реализованной в Древней Греции» [Сазанов 2010].

Одним из направлений реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2015 г. является противодействие использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России. Однако слабая законодательная база (многие социологи, политологи и филологи считают закон «О противодействии экстремистской деятельности» несовершенным) и еще более слабое ее соблюдение позволяют существовать в Сети виртуальным сообществам экстремистского толка, вовлекать им в свои ряды новых членов, основную массу которых составляет молодежь.

Как известно, под воздействием СМИ (а некоторые ресурсы Интернета называют сегодня «социальными медиа») происходит изменение мнения реципиента. Восприятие объекта (рассмотрим это на примере китайцев) под воздействием убеждающей коммуникации становится другим, наблюдается изменение в сфере эмоций и поведении.

Членами виртуальных сообществ в социальной сети, как правило, являются подростки. Позволим себе напомнить, что в подростковом возрасте начинают формироваться очень важные качества личности: стремление к развитию и самосознанию, интерес к собственной личности и ее потенциалам, способность к самонаблюдению. Ключевые особенности этого периода — появление рефлексии и формирование нравственных убеждений. Подростки начинают осознавать себя частью общества и обретают новые общественно значимые позиции, предпринимают попытки самоопределения. Именно поэтому необычайно важно защитить сознание подростка от воздействия социальных СМИ, пропагандирующих насилие и ксенофобию. Этим объясняется *актуальность* данного параграфа монографии.

Объектом исследования являются виртуальные сообщества в социальной сети «ВКонтакте», занимающиеся дискредитацией китайцев.

Предметом изучения стало сообщество как текст текстов, в рамках которого реализуются определенные коммуникативные стратегии.

Цель данной части работы — доказать, что в социальной сети некоторые сообщества (если сообщество рассматривать как набор текстов, видеороликов, аудиозаписей, иллюстраций) имеют экстремистский характер и направлены на формирование ненависти к китайцам среди молодежи.

Задачи:

- описать роль виртуальной социальной сети в развитии современной молодежи;
- охарактеризовать пользователя социальной сети «ВКонтакте»;
- рассмотреть сообщество (группу) как текст текстов;
- выявить и вкратце описать коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в тексте;
- доказать, что тексты в сообществе имеют характер вербальной агрессии;
- рассмотреть явление экстремизма, дать понятие экстремистской идеологии;
- доказать, что сообщество как текст текстов может распространять среди молодежи экстремистскую идеологию.

Материал исследования. Несмотря на существование закона «О противодействии экстремистской деятельности», в социальной сети «ВКонтакте» мы обнаружили виртуальные сообщества, направленные на формирование ненависти к китайцам. Вот названия некоторых из них (здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация): *«Мы против заселения китайцами Дальнего Востока», «Убьем китайцев», «Американцы, Китайцы — наши потенциальные враги. Очень скоро мы положим конец всему этому. Россия — могучая страна!», «Россия без китайцев», «Я ненавижу китайцев», «Китайцы уроды живадеры», «МЫ ПРОТИВ КИТАЙЦЕВ!!!!ОНИ ЗВЕРИ!!!!!!!», «...<Мы против вторжения китайцев на территорию нашей страны>...», «Против китайцев в 206 школе!!!!!!!», «Смерть китайцам!», «Китайцы дебилы».* Некоторые из сообществ являются открытыми. Это значит, что любой желающий может читать и комментировать информацию, размещенную в данных группах.

Известно, что «большинство проявлений экстремизма в молодежной среде эксперты связывают со слабой государственной

политикой, с несправедливостью при реализации социальной политики, с отсутствием реальной, а не показной государственной молодежной политики, с попустительством экстремизму со стороны государственных органов. Среди причин роста экстремистских проявлений эксперты назвали также специфические особенности современного поколения молодежи. Влияние этих особенностей на рост молодежного экстремизма эксперты связывают с недостатками воспитания и правового образования, с усиливающейся пропагандой насилия в СМИ, с „героизацией“ образа экстремиста» [Киселев, Кисляков 2012].

Прежде чем рассмотреть виртуальное сообщество как текст текстов, разберемся с социологической основой этого явления. Традиционно *в социальной психологии под группой понимают* «социально устойчивое объединение индивидов, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающиеся в рамках определенной организации. Если группа существует, то ее члены:

- идентифицируют себя и свои действия с группой в целом и тем самым во внешних взаимодействиях выступают от имени группы;
- выполняют определенные роли (которые либо формально распределяются, либо неформально складываются), признаваемые другими членами группы;
- имеют определенную мотивацию для объединения;
- воспринимают группы как объединенное подразделение взаимодействующих людей;
- вносят определенный вклад в развитие группы (то есть одни отдают группе больше времени и энергии, чем другие);
- достигают соглашений и уходят от разногласий путем различных форм взаимодействия.

Причинами образования групп является удовлетворение потребностей, решение определенных задач, усиление власти и влияния определенного круга единомышленников» [Сазанов 2010].

Сегодня у подростков появилась новая платформа для объединения — Всемирная сеть. Н. С. Чураева рассматривает Интернет как «ключевую информационную технологию и соци-

альную форму, а также как универсальное средство свободной глобальной коммуникации. Достижения в сфере информационных технологий явились предпосылкой создания новой формы социальных групп, получившей название „виртуальные сообщества“ (virtual communities, online communities, online groups)» [Чураева 2009].

Под виртуальной (онлайновой) **социальной сетью** понимается «социальная структура интернет-среды, узлы которой — организации или отдельные люди, а связи между ними — установленные взаимодействия (политические, корпоративные, служебные, семейные, дружеские, по интересам и т. д.)» [Бобровский 2005].

Как отмечает Н. Р. Димлевич, «сегодня контент основных интернет-ресурсов по продвижению идеологии насилия (террористической, экстремистской, националистической и другой направленности) носит наступательный, агрессивный характер, отличается хорошей теоретической базой, продуманным спектром методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей. Наибольшую опасность для российского общества представляют русскоязычные интернет-ресурсы, вовлекающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, в том числе популяризирующие образ „террориста-героя“» [Димлевич 2011].

Под экстремизмом (от лат. *extremus* ‘крайний’) в современной науке принято понимать приверженность социальных акторов крайним взглядам и мерам.

Как отмечает И. В. Вехов, «в современной России наблюдается рост числа проявлений открытого этнического экстремизма (непосредственных действий — преступлений и правонарушений), также фиксируется наличие его латентных форм, проявляющихся в легитимации насилия — одобрении экстремистских действий или готовности их совершить. Этнический экстремизм является наиболее распространенным видом экстремизма в современной России: это отмечается как на общенациональном, так и на локальном уровне (на примере Санкт-Петербурга). Современными российскими исследователями под экстремизмом в

широком — научно-исследовательском, неюридическом — смысле понимается антисоциальное, осознанное, идеологически основанное на отрицании равноправия людей по признаку их идентичности или признании незаконности существующего порядка властных отношений незаконное насилие, призывы к нему или распространение соответствующих идей» [Вехов 2011].

Экстремистская деятельность (экстремизм) определяется федеральным законом «как деятельность общественных и религиозных объединений... либо физических лиц по совершению действий, направленных на...

- возбуждение расовой, национальной или религиозной, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

- унижение национального достоинства,

- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам... расовой, национальной... ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к... расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

- публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики...» [О противодействии экстремистской деятельности].

А. А. Оселков экспериментально установил, что «материалы экстремистской направленности обуславливают изменение отношения к определенным обобщенным социальным группам (в нашем случае — к китайцам. — Ю. А.) на более негативное при комплексной пропаганде экстремизма, либо косвенной — в отношении групп, обладающих выраженными интолерантными установками, которые выражаются в готовности и стремлении нарушать права других людей в связи с их социальной принадлежностью» [Оселков 2011].

Мы абсолютно согласны с С. К. Тамазян в том, что «обратной стороной „сетевизации“ стало появление новых типов и способов социальных интеракций между индивидами и социальными группами, характеризующихся, в том числе, и социально опасными проявлениями. Эти проявления выражаются в

отсутствии системы санкций и контроля над распространением информации любого типа в Интернете, трудностями в определении идеологов и лидеров экстремистских и сепаратистских объединений, также ведущих свою деятельность с использованием социальных сетей, и во многом другом» [Тамазян 2012].

Е. В. Реутов замечает: «Рассматривая экстремизм и ксенофобию применительно к молодежной среде, следует отметить, что они, в определенной степени, свойственны молодежи в силу ряда характеристик данной возрастной группы. Именно в молодом возрасте несовершенство окружающего социального мира ощущается наиболее остро. Соответственно, появляется либо желание отгородиться от этой действительности и создать свой собственный мир (вариант „ухода“), либо его переделать (вариант „мятежа“), не обращая внимания на готовность этого мира к трансформации. Ксенофобия является ментальной предпосылкой экстремизма» [Реутов 2008].

Федеральный список экстремистских материалов составляется Министерством юстиции России на основе судебных решений. В него включаются различные материалы, признанные экстремистскими. Впервые он был опубликован 14 июля 2007 г. Тогда он состоял из 14 пунктов. С тех пор список регулярно обновляется и по состоянию на 25 августа 2012 г. содержит 1405 пунктов (часть из них исключена в связи с повтором содержания ранее внесенных пунктов) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

По типологии С. К. Тамазян все вышеупомянутые виртуальные сообщества мы можем отнести к социально негативным неформальным подростковым организациям, имеющим сетевую структуру [См.: Тамазян 2012].

Участников сообществ такого типа условно можно разделить на **4 группы**: 1) провокаторы-обличители (основатели групп, инициаторы, националисты, пустобрехины-школота), 2) ведóмые (те, кто не разделял прежде ненависти к китайцам), 3) тролли, 4) антиподы провокаторов (защитники китайской культуры и нации). Интересным нам кажется следующее наблюдение: модератор группы имеет право удалить/заблокировать любого участника группы, в том числе (и в первую оче-

редь) «чужого», но на практике он не пользуется этим правом цензора. Можно предположить, что подобным группам нужны «несогласные». Их существование позволяет группе развиваться, ее основателям и активным участникам — публично дискутировать, проверять на прочность свои «теории».

С. К. Тамазян в результате анализа 400 аккаунтов пользователей «ВКонтакте» составила социальный портрет пользователя виртуальных социальных сетей: «Это молодой человек в возрасте 15—17 лет, учащийся в школе или начальных курсах высшего учебного заведения. Многие респонденты считают, что социальные сети в Интернете служат для поиска новых единомышленников, в них легче скрыть совершенный общественно неодобряемый поступок» [Тамазян 2012]. Это описание сильно напоминает составленный социологами портрет тех, кто разделяет определенные составляющие разных видов экстремистских установок: «Главным образом, это: юноши (одобряют или готовы совершить действие против представителей инонациональных групп, разделяют националистические идеи); в возрасте до 18 лет; учащиеся средних специальных учебных заведений, успевающие на „тройки“; воспитывались в семье с одним родителем; испытывают неудовлетворенность своим положением; негативно оценивают свое социальное положение» [Вехов 2011].

К основным мотивам вступления интернет-пользователей в виртуальные сообщества, являющимся первостепенными факторами их длительного существования, относятся мотивы получения (передачи) информации и общения по интересам.

С. К. Тамазян под социальной интеракцией понимает «способ взаимодействия по совместному использованию социального капитала в соответствии с нормами и ценностями акторов, участвующих в процессе сетевой интеракции» [Тамазян 2012].

Интересными нам кажутся наблюдения Н. С. Чураевой: «Основными социально-психологическими механизмами формирования виртуальных сообществ являются механизмы мотивации, социальной перцепции, социальной идентификации, а также механизмы воздействия, заражения и подражания. Формирование и устойчивое существование виртуального сообще-

ства как социальной группы возможно только при наличии у участников сетевого ресурса общих интересов, совместно выработанных целей и организованных действий по их достижению, которые реализуются в рамках единого коммуникативного пространства. Виртуальное сообщество представляет собой совокупность индивидов, объединенных сходными интересами, целями и обычаями, продолжительное взаимодействие которых осуществляется посредством Интернета. Виртуальное сообщество является новой формой социальной группы, отличающейся,

во-первых, интерактивным характером взаимодействия своих членов, которые могут взаимовыгодно обмениваться интересной и полезной информацией;

во-вторых, отсутствием географических и психологических барьеров в общении, что обусловлено анонимностью коммуникации в Интернете;

в-третьих, возможностью самопрезентации и самовыражения с учетом имеющихся у индивида способностей;

в-четвертых, добровольным членством и неформальной структурой коммуникации в режиме реального времени;

в-пятых, возможностью создавать собственный круг общения, состоящий только из друзей и единомышленников» [Чураева 2009].

Общение в социальной сети — это не прямая, а опосредованная коммуникация: участник видит тексты, создаваемые другими пользователями, продукт их речетворчества. Сообщество в социальной сети — это не только объединение людей, но и **набор продуцируемых участниками текстов (страниц), видеозаписей, фотографий, аудиофайлов**, выкладываемых в рамках концепции группы. Это целостный текст, составленный из множества произведений. Поэтому мы позволим себе предположить, что **виртуальное сообщество — это текст текстов** (опираемся на идею Э. А. Лазаревой), так как сообщество в социальной сети обладает всеми признаками текста в их специфическом проявлении:

1) информативностью (в рамках сообщества участник получает определенную информацию);

2) связностью (сообщения, размещаемые в сообществе, часто имеют характер диалога/полилога, связаны между собой повторами, перифразами);

3) смысловой целостностью (все сообщения в группе посвящены определенной теме);

4) завершенностью (если текст можно считать завершенным, когда читатель осознал замысел автора, то в этом отношении тексты сообщества обладают завершенностью);

5) членимостью: текст всегда делится на более мелкие составляющие; в сообществе это структурные элементы (стена, обсуждения, комментарии и пр.);

6) ситуативностью, т. е. соотнесенностью с реальной ситуацией, на основе которой строится текст (в нашем случае это миграционные процессы, порождающие неприязнь);

7) интенциональностью: текст всегда представляет собой результат реализации определенного коммуникативного намерения (интенции) автора (сама группа создается с целью найти единомышленников и обсудить с ними тот или иной вопрос).

Как люди становятся членами виртуального сообщества? С одной стороны, механизм функционирования социальной сети позволяет *приглашать* пользователей в сообщество, пополнять тем самым его ряды, с другой стороны, есть пользователи, которые *сами находят* такие группы. Почему люди хотят добровольно вступать в сообщество, построенное на разжигании ненависти к этнической группе, каковы их мотивы? — ответ на этот вопрос должны давать, на наш взгляд, психиатры и психологи. Нас же интересуют речевые стратегии и тактики коммуникантов, лексические средства, используемые для выражения оценки этноса, их эмоциональная окраска (проявление речевой агрессии) и, самое главное, вопрос о критериях, позволяющих определить, что сообщество (текст текстов) распространяет экстремистскую идеологию.

Как правило, группы, направленные на дискредитацию определенного этноса, имеют *двойного адресата*: «своих» (тех, кто разделяет неприязнь к китайцам) и «чужих» (защитников китайской культуры, самих китайцев). Полемика на стене груп-

пы и в обсуждениях (темах) ведется именно между «своими» и «чужими».

М. Г. Стадников в результате исследования личности экстремистов выявил набор характерных для них психологических черт: «Экстремистский тип личности отличается жестко авторитарная, псевдорациональная, ценностно-насыщенная картина мира, поделенная на „Мы“ и „Они“, на „своих“ и „врагов“, между которыми ведется непрекращающаяся борьба. Экстремистской личности свойственна агрессивность и авторитарное навязывание своих убеждений, крайняя нетерпимость к оппонентам» [Стадников 2012].

Коммуникация внутри виртуальной группы имеет характер вербальной (речевой) агрессии. Ю. В. Щербинина дает ей следующее определение: «Речевая (вербальная) агрессия — обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме. Вербальная агрессия препятствует реализации основных задач эффективного речевого взаимодействия: деструктивно воздействует на сознание участников общения, затрудняет полноценный обмен информацией, существенно снижает возможности взаимопонимания коммуникантов, блокирует выработку общей стратегии взаимодействия. С одной стороны, вербальная агрессия служит выражением отрицательных эмоций (злость, раздражение, обида, недовольство, отвращение, презрение и пр.). Ответом на психологический дискомфорт может быть брань, ругань, словесные нападки на собеседника, основной функцией которых являются психологическая разрядка, снятие нервного напряжения, избавление от негативных эмоций. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое намерение — целенаправленное желание говорящего нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т. п.) или реализовать таким „запрещенным“ способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.)» [Щербинина 2006].

Очень важным нам кажется наблюдение И. Б. Лазебной: «Речевой акт агрессии, реализуя регулятивную функцию языка,

является средством речевого воздействия говорящего на адресата, направленным на изменения в его деятельностной или эмоциональной сферах, путем апелляции к его (адресата) чувству страха или опасения. Языковая агрессия характеризуется наличием речевой интенции агрессии, которая в свою очередь может быть выражена как вербальными, так и невербальными средствами. Способы проявления речевой агрессии (обвинение, грубое требование, грубый отказ, угроза, злопожелание, брань, клевета, насмешка (колкость), упрек), которые представлены через прямые и косвенные средства, характеризуются многообразием и могут быть направлены как на рациональное, так и на эмоциональное и/или волевое воздействие говорящего на адресата» [Лазебная 2007].

Интересно, что *сообщения пользователей по объему* в основном небольшие (2—4 предложения), иногда носят слогановый характер, что в целом соответствует принципам интернет-коммуникации. Большие посты (сообщения), как правило, лежат в основе обсуждения или претендуют на роль манифеста идеологии сообщества (автор такого сообщения якобы расставляет точки над «и», играет роль третейского судьи). Объемные тексты встречаются редко (их соотношение к кратким составляет примерно 1:100).

Все реплики коммуникантов можно условно разделить на *высказывания, подкрепленные аргументами, и лишенные аргументации*. Высказывания о китайцах, лишенные аргументов, представляют собой:

а) наклеивание ярлыков. Ярлыки эти выражены в форме инвективной, бранной, оценочной лексики, неологизмов: «сука, ненавижу этих косоглазых х*исосов, нацию живодеров, и говноедов», «ПИДОРООБРАЗНЫЕКИТАЁЗОЖЕЛТЫЯНЕЖОПОЧНИКИ», «косоглазые ублюдки»;

б) призыв к насилию над китайцами: «убей китайца-спаси планету», «убьем этих тварей нах*й!».

Для нас наибольший интерес представляют реплики, подкрепленные аргументом: можно говорить о том, что они имеют в своей основе коммуникативную стратегию.

Формируют ли эти реплики экстремистскую идеологию? В. А. Бурковская дает следующее определение экстремистской идеологии: «Идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки: 1) „однозначное“ объяснение проблем существующего мира и предложение таких же „простых и обязательно помогающих“ способов решения проблем; 2) разделение бытия на „абсолютное добро“ и „абсолютное зло“, причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, несоответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [Бурковская 2005]. Экстремистская идеология является базовым элементом экстремизма, поскольку она мотивирует экстремистскую деятельность, представляет собой основу сплочения и деятельности экстремистской организации. В качестве критериев экстремизма обычно предлагаются такие идеи, как идея социального, расового, национального неравенства, идея физического насилия и истребления социальных оппонентов. Когда определенная идеология усваивается и принимается личностью за истинную и когда личность идентифицирует себя с определенной социальной или этнической группой, выражением интересов и статуса которой является эта идеология, тогда можно говорить о формировании убеждений как ядра направленности личности. Убеждения становятся доминирующим мотивом поведения, определяют способ мышления и восприятия социальной реальности, эмоциональные переживания человека, его самосознание.

Мы выявили следующие основные коммуникативные стратегии, реализуемые в социальной группе как тексте текстов:

- стратегия формирования ненависти к китайцам, разжигания межнациональной розни;
- стратегия побуждения к насилию над китайцами;
- контрстратегия защиты китайской культуры и китайцев как нации.

1. СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕНАВИСТИ К КИТАЙЦАМ, разжигания межнациональной розни. М. Г. Стад-

ников справедливо замечает, что «авторы экстремистских текстов выстраивают повествование по нескольким основным блокам. Первое, что предлагается — субъективная ценностно-насыщенная, иррациональная виртуальная реальность, которая выдается за действительное состояние дел в тех или иных сферах жизни. Такая реальность жестко структурируется по принципу разделения на „Мы“ и „Они“, где „Они“ — это враги, а „Мы“ — это те, кто страдает от их действий. Повествование строится на остром эмоциональном фоне. Вина за происходящее возлагается на конкретные социальные группы, которые стигматизируются. События, развертываемые в экстремистских текстах, могут иметь и объективную природу, но их трактовка всегда носит иррациональный субъективно-оценочный характер» [Стадников 2012]. Обозначенная нами стратегия реализуется посредством следующих речевых тактик:

- **«Открою глаза на китайцев»:** через размещение видеороликов и фотографий, на которых запечатлены издевательства над животными (фактологическая основа — заказное коммерческое видео, на котором запечатлено, как девушка азиатской внешности (в комментариях к видео потом выясняется, что она не китайка) намеренно затоптала каблуками кролика). В том, что такой контент вызывает неприятие и агрессию, не приходится сомневаться. Обратимся к комментариям членов виртуального сообщества: *«ненавижу этих *банных У*БКОВ КИТАЙЦЕВ!!! СУКА СЖОГ БЫ ВСЕХ НАХ*Й И ПОИЗДЕВАЛСЯ СНАЧАЛА!!! ИХ ПАЛЬЦЫ ПООТРУБАЛ НАЧИСТО ЗА ИХ УБИЙСТВА»;* *«хочу убивать китайских детей,выкалывать им глаза, проламывать черепа, ломать им позвоночника, живьем сжечь!!!!!!!! сука,ненавижу этих косоглазых х*чисосов, нацию живодеров,и говноедов. которые жрут все подряд, даже детей своих»;* *«пора уничтожить узкоглазую мразь...за то что они делают с животными...поломать им все кости».*

- **«Желтая угроза», обвинение в захвате территории РФ** (фактологическая основа: Россия на 2012 г., согласно политике государства (миграционной квоте), занимает второе место в мире по количеству мигрантов): *«Понаехали тут. Пусть таракан».*

нов жрут, ублюдки!!!!!!!!!!!!!!!»; «где бы они не появлялись после них остается только одно дерьмо. Они не должны находится на нашей территории, и тем более пользоваться нашими ресурсами, за которые наши предки отдавали свою жизнь»; «бл они за*бали уже везде перед глазами мельтешить бесит уже!!!»; «Они мудаки, заполонили весь Дальний Восток, и не только его. Куда не глянь — везде *баные китайские рожки. Ненавижу!!!»; «а у нас в Хабаровске их ваще по ходу одна треть населения уже. И прям бееесит, когда вижу русскую девушку под ручку с уродом узкоглазым...как можно??»; «они заполоняют мир их надо Диклофозом убивать!»;*

• **обвинение в глупости** через размещение видеороликов, имитирующих европейскую культуру (фактологическая основа: китайцы стараются перенять опыт и традиции Америки и Европы в режиссуре рекламы и видеоклипов, но это не всегда выходит удачно): *«ахах, китайцы нормальную рекламу даже снять не могут); ебанутые твари. Большой тупости не видел»; «Усы-каюсь, вынос мозга. вот это полный вынос мозга...я досмарел до 39 секунды.и больше не выдержал)))) кто больше хДДД»;*

• **«Все, что изготовлено в Китае — плохого качества»** (фактологическая основа: для внутреннего рынка китайцы изготавливают качественную продукцию; для импорта, как правило, по заказу иностранных партнеров, — дешевые некачественные товары, подделки под известный бренд, которые быстро приходят в негодность, однако позволяют демпинговать на рынке): *«я их ненавижу!!! Особенно за их говенные подделки под APPLE!!! стив джобс всю жизнь отдал на разработки, и прогресс а эти желтые суки оскверняют его память!!!»; «меня узкоглазые за*бали своими предметами. брату бл*ть винтовку на днюху подарил она через неделю сломалась. бл* я б на всех узких напалм сбросил!!!»; «весь мир травят своими продуктами, шерпотрепом, гриппами всякими!!!! Косоглазые ублюдки!!!!»; «да они что нисделают постоянно гавно!!!!)))))) «надо запретить им въезжать на территорию России мало ли что они подают в своих ресторанах»;*

• **обвинение в нечистоплотности** (фактологическая основа: китайские специи, используемые при приготовлении пищи,

имеют специфический запах, не привычный для европейского носа, а этот запах впитывается в волосы и одежду): *«Весь район у рынка заселили, все детские площадки их маленькими вонючками кишат. Они наверно вообще не моются! фу! Засранцы!!!»; «ой сочувствую тем,кто сейчас в Китае торчит! Я в эту жопу больше не поеду!!! засрались в гавне собственном и радуются,блин!»; «Я уже 2 года живу с ними...аааа тараканы и крысы более приятные соседи...СЦуки эти грязнее вокзальных Бичей!!!».*

С. К. Тамазян отмечает, что «социальная интеракция подростков в виртуальных социальных сетях характеризуются наличием инструментов поиска единомышленников, простыми и действенными механизмами установления социальных контактов и обмена информацией» [Тамазян 2012]. Именно поэтому мы смеем предположить, что экстремистская идеология распространяется в социальных сетях достаточно легко, особенно когда информация подается под таким углом, как описано выше, а факты искажаются.

Большинство экспертов, изучающих причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде, соглашаются с тем, что «наиболее значимыми факторами экстремизма следует считать негативный опыт взаимодействия с представителями иных наций или конфессий, а также некомпетентность в отношении традиций и обычаев других народов. В несколько меньшей степени экстремизм, по их мнению, провоцируют ощущение национальной дискриминации, безнаказанность и правила, принятые референтной группой. Лишь незначительная часть экспертов указала в качестве такого фактора неприятие иного семейно-бытового уклада. Молодежь в значительно большей степени, чем другие группы населения, склонна к этническим стереотипам, которые являются барометром межнациональных отношений. Молодежь — „благодарная“ аудитория для любой пропаганды, растрavляющей „обиды“, нанесенные обществом, и персонифицирующей обидчика в образе другого народа или конкретного человека иной национальности. Все это может приводить к формированию в сознании молодого человека зародышей этноцентризма, шовинизма, ксенофобии,

этнических и расовых предубеждений» [Причины распространения... 2008].

2. СТРАТЕГИЯ ПОБУЖДЕНИЯ К НАСИЛИЮ НАД КИТАЙЦАМИ реализуется посредством системы тактик, включающей:

– *навязывание нацисткой идеи о чистоте крови* проявляется в использовании прецедентных высказываний и аббревиатур, отсылающих к идеологии Гитлера: «*Зиг хайль зиг хайль мы построим белый рай*»; «*88!мочить надо пидарьё,ни метра земли вражинам!!!*». Коммуникативные ходы в рамках данной тактики можно проиллюстрировать на примере видеоролика, выложенного в группе «Мы против заселения КИТАЙЦАМИ Дальнего Востока!!». Видеоролик начинается с заставки «Россия для русских!» и портрета Гитлера, далее показывается молодой человек, который агрессивно разбивает монтировкой трухлявый пень с термитами. Свои действия он сопровождает словами: «*Это общежитие китайцев. Вот они побежали. Сука, ненавижу китайцев. АААА! вали их, сука!*» (http://vk.com/videos-555251?z=video-555251_5194186%2Fclub555251). Перед нами сравнение китайцев с насекомыми-паразитами. Исследователи экстремизма отмечают: «Идеологическая основа экстремизма не однородна. Ее составляют отдельные идеи анархизма, национал-шовинизма, волюнтаризма, тоталитаризма, нигилизма и др. Ценностные установки экстремизма основываются на признании вседозволенности и радикализма, культа силы; на попрании нравственных принципов и идеалов нравственного долга, обязанностей по отношению к людям, обществу, личной ответственности; на пренебрежении к общественным нормам закона, отрицании ценности культуры для личности и общества, цинизме в оценке ее исторических достижений» [Причины распространения... 2008];

– *призыв к объединению во имя защиты родины, территории* (особенно часто эту тему поднимают жители Дальнего Востока): «*ребята, давайте мочить их! они зае**ли, все наглее и наглее здесь ведут себя, надо их поставить на место! кто из москвы, давайте объединимся и решим это*»; «*Смерть этим*

сокий, и они легко поддаются манипуляциям): *«Ой бл*ть ебанные китайцы сука сделайте все хакари бл*ть пидорасы сраные да я лучше ускоглазого убью чем што либо подобное сделаю с котом»*. Здесь уместно привести следующее высказывание: *«Эмоциональная палитра у человека складывается из страха, ужаса, обид, разочарований, чувства непосредственной угрозы, опасности, недоумения, бессилия. Память очень действенно реагирует на броские образы, которые чаще всего ярко эмоционально окрашены. Криминологическую значимость имеет изучение системы ценностей, продуцируемых обществом в целом и его отдельными частями, которые и оказывают непосредственное влияние на состояние преступности, ее структуру и динамику, создавая определенный моральный фон, как во всем обществе, так и в тех или иных демографических когортах населения страны или региона»* [Чабанянец 2002].

3. КОНТРАСТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И КИТАЙЦЕВ КАК НАЦИИ. Данная стратегия представлена репликами пользователей из категории «чужих». Эти реплики всегда представляют собой ответную реакцию на нападающее высказывание. Мы выделили следующие тактики:

– **тактику разоблачения дезинформатора** (пользователь, приводя логические аргументы, доказывает абсурдность некоторых утверждений): *«Юлия, что ты несешь?? введи в Википедию имя концептуального художника Чжу Юй который сделал в 2000 г. фотосессию Eating People дабы упрекнуть мир в том что ни в одной стране нет законов о каннибализме. И тут же вонючие журналюшки раздули истории что едят детей. Причем во всех статьях фото те же, а сюжеты свои»; «ваша группа только распространяет в умах людей ненависть к китайскому народы... вы не жили в Китае это очевидно, иначе не писали бы ту глечность которая у вас в верху написана... вы пряма как пещерный человек... ничего подобного в Китае нет! мне жаль вас и тех людей которые этому всему верят..»; «Каккетто ублюдки сняли жестокое видео ради ПИАРА !! ничего более !!! того !! ИЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ НЕТ КИТАЙЦЕВ КОТОРЫМ ЖАЛКО ЖИВОТНЫХ ??? Ощущение что вы все плоско-*

мзгные.. далбше своего забора не видите ???? Вы сами то русские на себя пробовали смотреть?»;

– **тактику «Русские ничем не лучше»** (пользователь «отзеркаливает» дискредитирующие высказывания в адрес китайцев и приводит доказательства своей правоты): *«русские себя в своей собственной стране ещё еб*нутей ведут, вам не кажется? хипстеры петушки футбольные фанаты. чего только дешевое быдло с районов стоит, которое не уважает даже собственную землю — плюют срут и ссут там где живут. так вот для начал лучше с собой разберитесь и полюбите свою страну, а потом уже что-то о других говорите»; «И не только Китайцы убивают животных!Ребят поверти русские нечем не отступают!А где то даже хуже!(Пусть все эти твари здохнут!)Как мы живём среди таких!»;*

– **тактику демонстрации потребности России в трудовых мигрантах и их полезности:** *«Это похоже на фашистский кружок. Неужели Вы все не понимаете, что проблема не в том, что они приезжают к нам, а в том что они умеют использовать, то что большинство русских использовать не умеет. Что? Мозги! Где наше производство, способное составить конкуренцию китайскому? Я недавно купила картошку и увидела надпись made in China. Мы- аграрная страна, столько плодородных земель нет нигде! И мы не можем уже даже картошку вырастить? Это было бы смешно, если бы не было б так грустно... Проблема и в том, что они не уважают нашу культуру, но за что нас сейчас уважать? Все чем может гордиться Россия сделали наши предки. А сейчас мы умеем только пить да курить всякую дрянь и материться, да еще гордиться, что мы русские... но что ты сделал для того, чтобы наши потомки гордились тем же?»;* *Вы кушаете китайские продукты, одеваете китайскую одежду, покупаете китайские запчасти на свои жигули..»; «Эээх товарищи..Вы ислам скоро примите насильственно а вы все трандите на тех кто вам трусы шьет. Ну не нравятся трусы — не покупайте их! Ходите в бутики покупайте брендовые!»;* *«Китайцы напару с чурками пол Хабары уже построили =D А что сделали вы? =D».*

Таким образом, проанализировав как текст текстов виртуальные сообщества в социальной сети «ВКонтакте», ставящие целью дискредитировать китайцев, мы приходим к выводу о том, что ряд высказываний членов данных сетей можно признать экстремистскими. Указанные виртуальные сообщества распространяют среди молодежи идеологию экстремистского характера, поскольку «если определенная идеология содержит в себе радикальную программу действий, предполагающую систематические и массовые меры физического насилия, вплоть до геноцида целых социальных групп, а также нормы вседозволенности в отношении политических и социальных оппонентов, противников и инакомыслящих, то, как кажется, такую идеологию вполне можно определить как экстремистскую» [Яхьяев]. Члены данных виртуальных сообществ в основном малообразованные подростки с высоким уровнем конформности, из-за чего они становятся легкой добычей манипуляторов, в чьих интересах — распространение ненависти к китайцам как этнической группе. Считаем, что подобные виртуальные сообщества должны выявляться модераторами социальных сетей и удаляться, а их создатели и активные участники должны привлекаться к административной ответственности, дабы защитить неокрепшие умы подростков от влияния «чужого слова».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 1 / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхьяева, А. М. Муртазалиева, К. М. Ханбабаева. — Махачкала : Лотос, 2008.
2. *Бобровский, С.* Эволюция и искусственная жизнь /С. Бобровский // PC WEEK/RE. — 2005. — № 4. — С. 32—33.
3. *Бурковская, В. А.* Криминальный экстремизм в современной России / В. А. Бурковская. — М., 2005.
4. *Вехов, И. В.* Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Вехов И. В. — СПб., 2011.
5. *Википедия* : свободная энцикл. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

6. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : Наука, 1981.

7. *Димлевич, Н. Р.* «НЕТ!» Информационному терроризму в Интернете [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.truenet.info/analitika> (дата обращения: 28.08.2012).

8. *Евтюшкин, А. Ю.* Молодежный политический экстремизм в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2009.

9. *Киселев, Ю. В.* Информационные угрозы экстремизма в отношении детей и молодежи [Электронный ресурс] / Ю. В. Киселев, П. А. Кисляков. — 2012. — Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum2012/275/1637> (дата обращения: 24.08.2012).

10. *Лазарева, Э. А.* Системно-стилистические характеристики газеты / Э. А. Лазарева. — Екатеринбург, 1993.

11. *Лазебная, И. Б.* Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лазебная И. Б. — Белгород, 2007.

12. *Оселков, А. А.* Психологические особенности влияния на студентов высших учебных заведений материалов экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Оселков А. А. — Ростов н/Д, 2011.

13. *О противодействии экстремистской деятельности* : Федеральный закон № 114-ФЗ : принят 25 июля 2002 г. // Российская газета. — 2002. — 30 июля. — № 138—139.

14. *Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)* : сб. материалов социол. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.

15. *Реутов, Е. В.* Причины распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде / Е. В. Реутов // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) : сб. материалов социол. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.

16. *Сазанов, В. М.* Социальные сети как новая общественная сфера. Системный анализ и прогноз / В. М. Сазанов. — М. : Лаборатория СВМ, 2010.

17. *Сандомирский, М.* Мнение [Электронный ресурс] // Социальные сети делают людей безответственными / С. Козловский // Мнения.Ру : сайт. — 2011. — 15 нояб. — Режим доступа: <http://mnenia.ru/rubric/tech/socialnye-seti-delayut-lyudey-bezotvetstvennyimi/>.

18. *Стадников, М. Г.* Коммуникативная структура экстремистского текста [Электронный ресурс] / М. Г. Стадников. — 2012. — Режим

доступа: http://rus.jf.spbu.ru/upload/files/file_1333960893_1391.doc (дата обращения: 28.08.2012).

19. *Тамазян, С. К.* Социальная интеракция в неформализованных сетях современных российских подростков : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Тамазян С. К. — Ставрополь, 2012.

20. *Чабанянец, М. Б.* Криминологические аспекты влияния жестокости и насилия в средствах массовой коммуникации на агрессивное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чабанянец М. Б. — Ставрополь, 2002.

21. *Чураева, Н. С.* Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Чураева Н. С. — М., 2009.

22. *Щербинина, Ю. В.* Вербальная агрессия [Электронный ресурс] / Ю. В. Щербинина. — 2006. — Режим доступа: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=36856&lang=en&blang=ru&list=154>.

23. *Яхъяев, М. Я.* Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления [Электронный ресурс] / М. Я. Яхъяев. — Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/681-filosofsko-ideologicheskie-korni-ekstremizma> (дата обращения: 09.09.2012).

5.2. Когнитивная база экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе

В течение трех лет (2012—2014) в Уральском государственном педагогическом университете в рамках научного проекта «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность», реализованного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проводилась «реконструкция» когнитивной базы экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе.

Используемые нами термины (экстремистский, националистический) отчасти условны, не имеют под собой серьезной юридической базы, хотя часть исследуемых текстов официально признана таковыми и внесена в соответствующий список Минюста либо создана в объединениях, деятельность которых также официально признана экстремистской (например, «Формат 18»).

При отборе материала мы опирались на целый ряд дискурсивных факторов, которые и позволили нам объединить все исследуемые тексты в единый дискурс, обозначенный нами как молодежный националистический (ранее мы чаще использовали в своих работах более широкий термин — экстремистский).

Итак, материалом для настоящего параграфа послужили:

1) тексты современных музыкальных групп радикальной националистической направленности, популярные среди русских НС-скинхедов, националистов и неонацистов («Коловрат», «Циклон Б» и др.);

2) тексты, созданные под именами известных общественных организаций, признанных экстремистскими («Формат 18», «Славянский союз» и др.);

3) тексты, распространяемые (написанные, читаемые, выложенные на персональной странице и т. д.) известными представителями указанных выше организаций (например, лидером организации «Формат 18» Тесаком);

4) тексты, «сопровождающие» такие националистические акции в России, как «Русский марш», «Русские пробежки» (в первую очередь учитывались кричалки и выступления лидеров);

5) тексты, распространяемые в социальных сетях и привлекшие внимание правоохранительных органов (материалы судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремисткой направленности).

Моделируя когнитивную базу экстремистского текста, мы опирались на достижения Уральской школы политической метафорологии (с деятельностью которой можно ознакомиться на сайте <http://politlinguist.ru>), поэтому в центре нашего внимания оказалась именно когнитивная метафора как самое доступное и эффективное орудие манипулирования. Правда, мы оперировали ее разновидностью — креолизованной метафорой, так как основной материал исследования представляли именно креолизованные тексты (аудиозаписи, видеозаписи), состоящие из элементов двух и более знаковых систем. Сама структура анализируемых текстов требовала использования неких комплексных методов исследования, которые позволили бы не только описать, инвентаризировать единицы всех используемых семиоти-

ческих систем, но и представить анализ их взаимодействия. Именно таким инструментом исследования для нас стала креолизованная метафора.

Возможность использования данного термина в исследованиях креолизованного текста обусловлена, во-первых, тем, что в когнитивной лингвистике распространено «широкое» понимание метафоры, которая рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990], в том числе и невербальный. Во-вторых, преимущество понятия креолизованной метафоры обусловлено тем, что оно может быть использовано и для метафорических образов, основанных на синтезе элементов не только вербальной или не только визуальной системы (в этом случае принято говорить о визуальной метафоре [см., напр.: Большакова 2008]).

Данное понятие значительно шире и дает нам возможность еще раз акцентировать сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и нередко на взаимодействии нескольких образов. И именно взаимодействие является, с нашей точки зрения, базой данного понятия: это не просто синтез двух элементов, это их совместное развитие, их совместное прочтение, результаты которого могут быть более точными и более глубокими, а нередко и отличающимися от результатов их отдельного анализа [см. также: Ворошилова 2012].

В ходе анализа основных когнитивных единиц современного молодежного националистического экстремистского дискурса нами были выделены основные направления метафорической экспансии, которыми стали мир в целом и две полярные позиции: «свой»/«чужие».

Мир осознается участниками молодежного националистического дискурса по-разному: это Москва как столица России, это Россия в целом, это Родина, Русь, реже мир в целом. Но главное, что данное пространство осознается как принадлежащее «своим», в данном дискурсе — русским, православным.

Итак, «своими», как мы уже отметили, становятся русские, православные, белые люди. Назвать этот образ только положи-

тельным нельзя, что мы и постараемся показать в ходе дальнейшего анализа, а вот образ «чужих» в текстах всегда отрицательный; помимо негативной оценки, важными признаками «чужих» являются религия (мусульманство, иудейство), национальность (не русские), раса (черные).

На следующем этапе были выделены 7 основных метафорических сфер-источников: в субсфере «Социум» — милитарная и криминальная метафора, в субсфере «Человек» — физиологическая, морбиальная метафоры и метафора родства, в субсфере «Природа» — зооморфная метафора и метафора стихии [подр. см.: Ворошилова 2014].

Также было отмечено, что ядро описываемого метафорического арсенала составили милитарные метафоры (64 % от общего количества используемых метафорических номинаций).

Полученные на данном этапе результаты полностью совпали с результатами прагматического анализа текста, в ходе которого нами были выделены три основные коммуникативные стратегии текстов молодежного националистического дискурса:

- создание образа освободительной войны;
- создание образа врага;
- создание оппозиции по национальному/религиозному признаку.

В текстах первой группы, направленных на создание образа освободительной войны, центральным становится образ русского воина, который всегда готов, не умрет, не боится быть жестоким.

Справедливости ради отметим, что в данных текстах часто не поднимается национальная, религиозная проблематика, в них не представлены признаки возбуждения национальной вражды, не обнаруживаются и средства унижения национального достоинства, что не позволяет их классифицировать как экстремистские тексты с юридической точки зрения. Но отрицать их сильнейший пропагандистский потенциал, конечно, нельзя.

Напротив, тексты второй группы, направленные на создание образа врага, обнаруживают все перечисленные выше признаки в полной мере, а главной их тактикой является оскорбление, унижение.

В подобных текстах автор использует целый арсенал языковых средств для создания негативного образа чужого, в том числе метафорические инвективы (чаще зооморфные и морбиальные образы). Таким образом, в данной группе текстов создается образ врага — слабого, трусливого, дефективного, дикого, вызывающее брезгливые чувства.

Тексты, построенные на национальной/религиозной оппозиции, содержат, как правило, три группы образов, изобразить схематически которые можно в виде треугольника:

В основании пирамиды лежит оппозиционная пара «свои» и «чужие», где «свои» — это русские, православные, зачастую выступающие в роли ущемленных: их грабят, травят наркотой, загоняют в гробы, насилуют, вытесняют с собственной земли.

«Чужие» же предстают в образе врагов, на сей раз опасных, страшных, агрессивных — тех, кто грабит, разоряет, убивает.

На вершине пирамиды вновь образ защитника — бойца, солдата, героя, готового бороться за русскую нацию, бороться до конца своих дней.

Итак, как мы видим, ключевым в анализируемом дискурсе становится образ русского воина, бойца, что полностью подтверждается в результате анализа когнитивного арсенала современного националистического дискурса, ведь самой продуктивной среди милитарных стала метафора воина, бойца, солдата, причем именно эта метафора получила свое полноценное развитие как на визуальном, так и на аудиальном уровне.

В текстах авторы часто использовали три варианта данной метафоры, отличающиеся стилистическими и прагматическими характеристиками. Так, нами было отмечено, что в роли обра-

щения чаще употребляют довольно нейтральные метафорические номинации солдат:

Готовься к последнему бою, солдат,
Война ближе день ото дня...

Напротив, для выражения решительности и активной позиции в представленных текстах обращаются к метафоре бойца, обладающей более ярким прагматическим потенциалом.

Мы бойцы белой расы
Мы будем жить и сражаться...

Страна пробудилась от долгого сна
И белые воины уничтожат врага.

Метафора же воина выражает уважение к воинской службе. Данная метафора частотна, но не продуктивна, так как употребляется только в устойчивых сочетаниях «русский воин» / «белый воин»:

И теперь я русский воин, ты вставай в мои ряды,
Чтобы черти захлебнулись в своей собственной крови!

Белый воин, шире шаг и выше знамя,
Ты ариец, ты скинхэд.

Метафоры данной группы окружены неким романтическим ореолом, что используется авторами текстов для прагматического воздействия на зрителей и слушателей.

Как мы уже писали выше, метафора воина, защитника получила серьезную поддержку на визуальном уровне исследуемых креолизованных текстов. И на данном этапе нами были отмечены несколько особенностей создания и развития креолизованной метафоры войны в анализируемых текстах

Во-первых, в примерах, где сфера-источник (солдат, воин) заявлена на вербальном уровне, на визуальном уровне исполь-

зуются однотипные образы сферы-мишени: это здоровые, спортивные, сильные, нередко вооруженные ребята. Отметим, что данные визуальные образы зачастую тесно связаны с визуальными символами нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; данные изображения зачастую сопровождаются атрибутивными символами современных неонацистов. Подобное развитие метафорического образа характерно для текстов третьей группы, направленной на создание оппозиции по национальному или религиозному признаку.

В текстах первой группы, определяющей стратегией которых является создание образа освободительной войны, преобладают визуальные образы воина, воина-освободителя, основанные на хорошо известных прецедентных образах.

В этой группе текстов отмечен важный для русского сознания образ солдата — сына своего Отечества. Данные образа нередко представлены в виде креолизованной метафоры, основанной на сочетании четырех образов: на визуальном уровне — образы современных солдат-«срочников», ребят, служивших и погибших в Чечне и образы их матерей, на вербальном уровне — образы Родины-матери и сына Отечества — воина.

Но наиболее востребованными в современном националистическом дискурсе оказались образы, отсылающие к героическому, историческому прошлому России, а именно: образ советского солдата-освободителя и русского богатыря.

Естественно, среди богатырей самыми почитаемыми оказались те, чьи имена так или иначе связаны с освобождением России, в том числе:

- Дмитрий Донской, великой русский князь, известный как глава антиордынской политики в русских землях,
- Евпатий Коловрат — воевода и славянский богатырь, герой рязанского народного сказания XIII в. — времен нашествия Батыя.

В последние годы все чаще стали упоминаться имена донских казаков Стеньки Разина и Емельяна Пугачева как освободителей народа от порабощения, желающих свергнуть оккупационный режим.

Метафоры этой группы свойственны текстам всех трех групп, ее особенность лишь в том, что чаще ядром метафорического образа становится визуальный образ.

Важно, что милитарные образы данной группы направлены на выражение уважения к воинской службе, они несут больше патриотизма, нежели угрозы, агрессии.

Полученные нами результаты оказались практически идентичными с результатами исследований, проводимых психологами, которые выявили два «сюжета» в модели националистического текста: 1) призыв к идентификации с символикой националистической идеи, 2) формирование чувства страха перед представителями иных социальных групп, рас, религий с применением этнической символики.

Первый сюжет перекликается с первыми двумя стратегиями, выделенными нами и направленными на создание враждебного образа мира, образа врага и нашего места в этом мире. Второй сюжет полностью соответствует третьей стратегии, создающий агрессивный образ врага и ущемленного «своего».

Совпали и результаты исследования символики националистического дискурса. Несмотря на то что нами исследовались различные символы (визуальные символы в психологическом исследовании и когнитивные символы/образы в лингвистическом), использовались собственные методы и приемы анализа, полученные результаты вновь «вторят друг другу».

Психологами также была отмечена амбивалентность символики: с одной стороны, это агрессивная националистическая символика (в нашем случае образ русского бойца — молодого человека, вооруженного, сильного, образ современного неонациста), с другой — патриотическая историческая символика (русский богатырь, солдат-освободитель).

Подробнее результаты, полученные психологами, представлены в статье К. В. Злоказова «Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990б. — С. 136—137.

2. Большакова, Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) [Электронный ресурс] / Л. С. Большакова // Современные проблемы науки и образования. — 2008. — № 2. — С. 119—123. — Режим доступа: www.science-education.ru/21-703 (дата обращения: 26.05.2011).

3. Ворошилова, М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 94—99.

4. Ворошилова, М. Б. Проснись, Россия: метафорический потенциал современного российского молодежного экстремистского дискурса / М. Б. Ворошилова // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / отв. сост. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. — Алматы ; Кемерово ; Витебск ; Бишкек, 2014. — С. 473—481.

5. Злоказов, К. В. Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 236—241.

ГЛАВА 6. ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В последнее время в научном и юридическом дискурсах все большее распространение получают комплексные исследования текстов, в том числе психолого-лингвистические (или психоллингвистические).

Данный факт обусловлен целым рядом причин.

Во-первых, именно комплексные психолого-лингвистические исследования позволяют избежать одностороннего и необъективного изучения свойств представленных текстов [см., напр: Трошина 1990; Желтухина 2003]. Основное отличие комплексного исследования заключается в том, что в нем принимают участие специалисты разных областей знания и оно проводится несколькими (не менее чем двумя) учеными.

Во-вторых, предметом комплексного психолого-лингвистического исследования являются не столько содержание и значение текста, сколько специфика и степень воздействия данного текста на адресата. Используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание — данные вопросы относятся к компетенции психолога.

Особую актуальность комплексные психолого-лингвистические исследования приобретают, когда предметом изучения становится креолизованный, или поликодовый текст, — текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Сорокин, Тарасов 1990: 180—181], например видеоматериалы, карикатуры, фонограммы и др.

Синтетическая форма креолизованного текста обусловлена требованиями современного общества, ориентирующегося на визуальный способ представления информации, что, в свою

очередь, значительно повышает прагматический, т. е. воздействующий потенциал данного типа текстов [см. подр.: Ворошилова 2006, 2007а].

Таким образом, именно проведение комплексного психолого-лингвистического исследования позволит представить наиболее полный и достоверный анализ креолизованного текста.

Основным принципом данного вида исследования является синтезирование.

Во-первых, результаты комплексного исследования должны представлять собой не сумму свободных и невзаимосвязанных мнений специалистов, а единый вывод, синтезирующий результаты работы по всем направлениям.

Во-вторых, семиотически осложненная форма креолизованного текста также требует синтезирующего подхода: вербальный и невербальный компоненты креолизованного текста никогда не представляют собой некую «сумму семиотических знаков», их значение интегрируется и «образует сложно построенный смысл» [Анисимова 2003].

6.1. «Читай» Абу Юсуф: метод интенционального анализа текста в практике судебной лингвистической экспертизы

Лингвистическая экспертиза — это относительно новое для российского научного дикурса направление. До сих пор ученые не выработали единого инструментария лингвистической экспертизы, мы каждый раз находим новые ходы, новые повороты.

В последнее время все большую популярность в сфере лингвистической экспертизы приобретает метод интенционального анализа текста, что обусловлено его универсальностью. Во-первых, он может быть использован при исследовании текстов как по делам об оскорблении, так и по делам об экстремизме. Во-вторых, интенциональный метод позволяет анализировать когнитивные, коммуникативные и прагматические особенности коммуникации [подр. см.: Клушина 2012].

В данном параграфе приведен пример лингвистический экспертизы видеотекста (то есть текста креолизованного [подр. см.: Ворошилова 2013]) — обращения известного активиста и инициатора проекта по распространению смыслового перевода Корана «Читай» Абу Юсуфа (Селенцова Ивана Сергеевича).

Основное коммуникативное намерение автора текста «Читай. Абу Юсуф. Обращение к русским и украинцам», сформулированное самим автором, — убедить слушателя «заказать Коран и почитать, и ознакомиться с истинной религией».

Уже на данном этапе автор вводит в свой текст утверждение о превосходстве одной религии, в данном контексте ислама, над другими, на что, в частности, указывает использование прилагательного *истинный*, которое в современном русском языке имеет значение «соответствующий истине, подлинный, верный». Ср. данные из «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (2009).

ИСТИННЫЙ, -ая, -ое; -тинен, -тинна, -тинно.

1. Соответствующий истине, заключающий в себе истину (1—2 зн.). *И-ое суждение, положение. Видеть что-л. в истинном свете* (судить о чём-л. верно). *Направить (наставить, обратить) кого-л. на и. путь* (научить поступать правильно).

2. Подлинный, настоящий. *И. друг. И. виновник. И-ая красота. И-ая поэзия, живопись. И-ая правда* (разг.).

3. *Спец.* Устанавливаемый научно; соответствующий сущности явления. *И-ое время. И. азимут. И. горизонт. И. раствор.* < Истинно, нареч. (2 зн.). *Быть и. счастливым.* Истинное, -ого; ср. (1-2 зн.). *Отличить и. от ложного. Борьба за и.* Истинность, -и; ж. (1-2 зн.).

Далее в тексте автор развивает эту идею, и для оценки ислама используют также прилагательное *единственный* («будущее только в исламе, что это единственное их спасение»), имеющее значение «исключительный, выделяющийся среди других своей неповторимостью». В том же толковом словаре приводится такая дефиниция.

ЕДИНСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен, -венна, -венно.

1. Только один, всего один. *Е. сын. Е-ая просьба. У малыша отняли единственную игрушку. В комнате стоит е. стул. Это*

е. выход из положения. Чтение — моя е-ая страсть. Е. в мире человек. Е-ое, что мне даётся с трудом, — это математика. Е-ое, на что можно рассчитывать. Одна-единственная дочь (усилит.; всего одна).

2. *мн.* Только те, которые имеются в наличии, существуют. *Е-ые свидетели катастрофы. Е-ые из оставшихся в живых.*

3. Исключительный, выделяющийся среди других своей неповторимостью. *Е-ое по своей оригинальности сочинение. Я запомнил это е-ое в своём роде лицо. Он е., ему нет равных по таланту.*

◇ Единственное число. Формы склонения и спряжения, употребляемые, когда речь идёт об одном лице или предмете. < Единственность, -и; ж.

Таким образом, уже на уровне анализа интенции автора текста мы констатируем такой признак, характеризующий возбуждение религиозной вражды с точки зрения общественной опасности, как утверждение о природном превосходстве одной религии и неполноценности или порочности других, отмеченное в «Методических рекомендациях о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды».

На следующем этапе исследования мы проанализировали основные речевые стратегии, т. е. совокупность речевых действий, направленных на реализацию интенции автора [подр.: Иссерс 2008], и отметили, что ключевыми в данном тексте являются стратегии запугивания и дискредитации. Отметим, что данные стратегии характерны для религиозного дискурса: в частности, в работах Л. Е. Весниной они обозначены как ведущие коммуникативные стратегии и тактики, использующиеся в текстах религиозной тоталитарной секты «Великое Белое Братство „ЮСМАЛОС“» [Веснина 2013].

Для убеждения слушателей в истинности ислама автор использует стратегию запугивания. Классическая цель данной стратегии — внушить адресату мысль о грядущем страшном конце света, открыть адресату глаза на то, как страшна и жестока окружающая его действительность.

*На примере истории вот таких людей, которые приняли ислам, должны послужить поводом задуматься для русского народа о том, что, действительно, ихнее будущее только в исламе, что это **единственное их спасение**, потому что, если мы посмотрим сегодня на то положение, в котором находятся эти люди, то мы видим действительно, что это народ... они **вымрут как динозавры** просто, что **единственное спасение** этих людей это принять ислам...*

Для реализации данной стратегии автор использует две тактики: с одной стороны, при помощи тактики метафоризации создает метафорический образ неминуемой гибели (*вымрут как динозавры*), гибели предсказуемой и неизбежной, с другой — четко и настойчиво (использует прием повторения) предлагает единственный выход, единственное спасение — принятие ислама.

В кульминационной (центральной) части текста автор использует более действенный прием запугивания, обращаясь не к мифическому концу, а к реальной жизни человека: *а тот, кто отвернется от нашего напоминания, у него будет **несчастливая жизнь...** И мы видим, что люди, которые отворачиваются от Корана, у них **жизнь несчастная**, и мы знаем, что их положение будет еще **хуже***. Усиливает манипулятивный потенциал данного приема и обращение к знаниям, к опыту: автор «приводит пример уже реализованного наказания».

Основным приемом убеждения в реализации стратегии запугивания являются апелляция к разуму — автор многократно в своей речи просит слушателя задуматься: *на примере истории вот таких людей, которые приняли ислам, должны послужить поводом **задуматься** для русского народа; хотелось бы сказать, что вы **должны задуматься**, потому что эта жизнь — она не последняя жизнь...* Таким образом, автором создается ощущение, что предложенные им выводы сделаны самим слушателем.

Вторая часть текста строится на стратегии дискредитации — дискредитации как русского человека, человека православного, христианина, так и самой религии, и в первую очередь ее основы — образа Бога.

Автор, обращаясь к классическому приему сверхобобщения (когда свойства отдельных лиц принимаются за свойства всех членов религиозной группы), настойчиво создает образ несведущего христианина: *многие не знают ничего, вы, действительно, не знаете ничего о своей религии*. Данный прием используется по контрасту с ведущим в тексте приемом апелляции к разуму, что лишь усиливает его воздействующий потенциал.

Далее автор дискредитирует ключевой для любой религии образ Бога:

Вы поклонялись каким-то картинкам, каким-то святым мощам... Разве эти, которым вы поклоняетесь, разве они что-то создали... посмотрите на то, что они создали, и, даже если муха у них что-то заберет, они не смогут это вернуть обратно... Вы поклоняетесь иконам, вы поклоняетесь картинкам, вы поклоняетесь тому богу, которого вы сами слепили, нарисовали своими же руками.

В данном примере автор использует как традиционные речевые приемы дискредитации (неопределенное местоимение *какой-то* используется в тексте в качестве оценочной единицы со значением «не стоящий внимания, незначительный, ничтожный»), так и более действенный прием метафоризации, создавая образ пустой религии, религии, созданной самим человеком, а значит, не настоящей, не истинной.

Таким образом, автор формирует негативный стереотип, создает отрицательный образ противопоставленной религии, а именно — православия. Цель данной стратегии — подорвать доверие, вызвать сомнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балукова, Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос“» / Н. А. Балукова, Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 199—208.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2009.
3. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург, 2013.

4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.

5. Клушина, Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Н. И. Клушина // Медиа-скоп : электронный науч. журн. — 2012. — № 4. — Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1242>.

6. Методические рекомендации о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды // Национальная газета. — 2002. — № 8—12 (58—62).

6.2. «Чемодан — ишак — кишлак»: опыт анализа экстремистской кричалки

В современном политическом дискурсе, особенно в оппозиционном крыле, все большую популярность получает такой жанр, как кричалка, или речовка. Отметим, что в своем исследовании мы будем использовать первый вариант термина — «кричалка», что обусловлено его распространенностью в молодежной среде (в первую очередь, в среде спортивных болельщиков), а также тем, что термин «речовка» часто соотносят с советским прошлым, например с пионерскими речовками.

История развития указанного жанра на данный момент не изучена, но существуют две основные теории его зарождения и, главное, возрождения в XXI в.

Во-первых, теория, согласно которой кричалки возводятся к коллективным крикам — «колкрикам», использовавшимся в 20-х гг. прошлого века в рамках пионерского движения [см. подр.: Леонтьева 2006]. Бесспорно, современным кричалкам предшествовали официальные лозунги, звучавшие на демонстрациях трудящихся во время Первой и Октябрьской, и речовки, скандируемые пионерами.

А вот активное распространение спортивных кричалок, по мнению ряда исследователей, не обошлось без западного влияния, а именно «черлидинга».

В фокусе данного параграфа оказались условно нами названные экстремистские кричалки, используемые современными

ми националистическими молодежными группами. Подробное описание данного жанра еще впереди, на данном же этапе предлагаем анализ одной кричалки, созданной для «Русского марша».

Итак, в качестве основного материала исследования был привлечен текст «кричалки» «Чемодан-ишак-кишлак». Текст приводим в авторской редакции.

*Чемодан — ишак — кишлак
Аллах дает Чечне бюджеты, спасибо Путлеру за это!
Ворует кто-то из бюджета, спасибо Путлеру за это!
Россия есть, а русских нету, спасибо Путлеру за это!
Чиновников с мозгами нету, спасибо Путлеру за это!
В России русским жизни нету, спасибо Путлеру за это!
Есть выборы и как бы нету, СПАСИБО Путлеру за это!
Депортируй нелегала — И не будет криминала!
Движению НАШИ — сидеть у парашаи!
Из врагов готовим фарши — Это братцы Русский Марш!
Иммигрантов слишком много им устроим Кондопогу.
Кто себя считает правым, тот шагает с нами рядом.
Уезжай обратно в зад, нелегальный иммигрант
Стране и столице — Русский лица!
Вихри враждебные сгинут во мгле — Русский порядок на
русской земле!
Всех мигрантов по домам — Будет лучше им и нам!
Мы за порядок, мы за закон! Кто не согласен — проваливай
вон!
Скажем дружно всей страной — оккупант пора домой!
Сегодня — мигранты, завтра — оккупанты!
Власть — слуга! Народ — хозяин! От Москвы и до окраин!
Деды прогнали поляков и немцев, Не будем и мы под ярмом
иноземцев!
Если ты сотрудник честный, — Будь за Русских будь за ме-
стных!
Избавим русскую нацию — Закроем с юга оккупацию!
Нет наркотикам! Нет иммиграции! Да — здоровой Русской
нации!*

*Вор должен сидеть в тюрьме, в не в Кремле!
Не будет русских — не будет России!
Русские есть! Русские здесь! Были! Есть! Будем!*

Данный текст построен на оппозиции «свои» — «чужие», в основе которой лежит национальный признак, на что, в частности, указывают результаты контент-анализа. Контент-анализ был выполнен нами при помощи программы «Wordstat» для статистического анализа текстов. Данная программа позволяет подсчитать, сколько раз то или иное слово встречается в выбранном тексте.

Самая частотная в рассматриваемом тексте лексема «*русский*» представлена 12 раз. Данная лексема используется для обозначения в тексте кричалки «своих» — именно логика раскрытия образа «своих» и определяет логику развития текста в целом.

В анализируемом тексте кричалки мы выделили три классические части, соответствующие трем состояниям «своих». Во вступлении «русские» предстают в образе униженных, тех, чьи права ущемлены:

*Россия есть, а русских нету...
В России русским жизни нету...*

Основная функция — создать образ незаконно обиженных на родной земле, показать, что русские вытеснены из всех сфер жизни, в том числе выборов и управления страной.

В центральной части — кульминационной — основой становятся такие лозунги:

*Стране и столице — Русские лица...
Русский порядок на русской земле.*

Обратим внимание, что в данных примерах автор активно использует уже традиционный для экстремистского дискурса прием написание лексемы «*Русский*» с заглавной буквы (в 7 примерах из 12 автор использует заглавную букву), что нередко трактуется специалистами как способ пропаганды исключительности, превосходности русской нации, тем более что представленная в тексте оппозиция имеет именно националистскую подоплеку.

Считаем важным обратить внимание и на тот факт, что анализируемые выше фразы отсылают к широко известному экстремистскому лозунгу «Россия для русских!».

В финале анализируемого текста утверждается право русских, сила русских — теперь русские представляются в образе сильных, в образе победителей:

Не будет русских — не будет России!

Русские есть! Русские здесь! Были! Есть! Будем!

Образ «чужих» в тексте представлен следующей группой лексем, взаимосвязанных структурно (чаще всего через прием синтаксического параллелизма) и семантически: *«иммигрант — нелегальный иммигрант — мигрант-оккупант — иноземец»*.

Анализ дефиниций толкового словаря [Большой толковый словарь русского языка 2009] показал, что ядром образа врага стало понятие иностранца:

ИММИГРАНТ, -а; м. [от лат. *immigrans* (*immigrantis*) — вселяющийся]. Иностранец, поселившийся в какой-л. стране на постоянное жительство. / О животных. *Иммигранты моря*. < Иммигрантка, -и; мн. род. -ток, дат. -ткам; ж. Иммигрантский, -ая, -ое. *И-ие права*.

МИГРАНТЫ, -ов; мн. (ед. мигрант, -а; м.). [от лат. *migrans* (*migrantis*) — переселяющийся] **1. Этногр. Социол.** Мигрирующие народы, племена, слои населения и т. п. **2. Биол.** Мигрирующие животные.

ИНОЗЕМЕЦ, -мца; м. *Устар.* Иностранец. *Быть по происхождению из иноземцев*. < Иноземка, -и; мн. род. -мок, дат. -мкам; ж. *Его служанка была иноземкой*. Иноземский, -ая, -ое. *И. обычай*.

Итак, основной признак «чужого» — иностранец — не несет отрицательной оценки. Но анализ периферийных зон данного образа, напротив, позволяет говорить о его ярко выраженной агрессивности и враждебности.

«Чужой» в первую очередь социально опасен, он живет вне закона, он «нелегал»:

Депортируй нелегала — И не будет криминала!...

Уезжай обратно в зад, нелегальный иммигрант.

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно. Не разрешённый законом. *Н-ая газета, типография. Н-ая сделка. Н. кружок. Н-ые партии.* < Нелегально, нареч. *Н. выпускать газету. Действовать н.* Нелегальность, -и; ж. *Н. положения. Н. выпуска литературы. Н. сделки* [см.: Большой толковый словарь русского языка 2009].

Не случайно в семантическом окружении появляются лексемы «криминал», «наркотики»:

Нет наркотикам! Нет иммиграции.

Депортируй нелегала — И не будет криминала.

Связь данных понятий в указанных примерах раскрывается за счет приема синтаксического параллелизма, основанного на сопоставлении двух явлений методом параллельного изображения, представления. Во втором примере понятия «нелегальная миграция» и «криминал» сопоставляются через причинно-следственную связь: использование тире в сложном союзном предложении лишний раз указывает на то, что второе предложение, «*не будет криминала*», называет результат действия, обозначенного в первой части предложения — «*депортируй нелегала*».

Семантика опасности образа «чужого» особенно ярко актуализируется через военную метафору оккупации, характерную для экстремистского дискурса [см.: Ворошилова 2012: 67—72]:

Скажем дружно всей страной — оккупант пора дома!

Сегодня мигранты — завтра оккупанты!

Избавим русскую нацию — Закроем с юга оккупацию.

Манипулятивный потенциал данной метафоры значительно усилен за счет обращения к исторической памяти:

Деды прогнали поляков и немцев, Не будем и мы под ярмом иноземцев!

Описанные нами приемы являются примерами формирования и подкрепления негативного стереотипа, что, в свою очередь, служит орудием возбуждения ненависти либо вражды, в соответствии с методическими рекомендациями о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды.

Для создания негативного стереотипа автор также использует коммуникативную тактику обвинения — именно мигранты называются виновниками тяжелого положения русских:

Аллах дает Чечне бюджеты, спасибо Путлеру за это!

Ворует кто-то из бюджета, спасибо Путлеру за это!

А возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную группу также является признаком, характеризующим возбуждение национальной вражды с точки зрения общественной опасности.

Также отметим, что в периферийной зоне анализируемого образа врага нами выделен компонент, указывающий на национальность: враг — представитель южных, кавказских национальностей:

Избавим русскую нацию — Закроем с юга оккупацию!

Описанная выше оппозиция «своих» и «чужих» получает свое подкрепление и на фоносемантическом уровне. Проведенный нами фоносемантический анализ текста (анализ был проведен при помощи программы «ВААЛ-мини» — программы, предназначенной для комплексного анализа эмоционального и фоносемантического воздействия на человека текстов и отдельных слов) показал, что основные впечатления, которые производит данный текст при его прослушивании, могут быть описаны через следующие категории:

положительный вектор	отрицательный вектор
грубый — +17,1	страшный — -15,9
мужественный — +19	злой — -18,2

Как мы видим, полученные результаты сопоставимы с результатами других исследований: положительный вектор может быть соотнесен с образом «своего», напротив, отрицательный вектор — с образом врага, врага страшного и злого.

Итак, в основе анализируемого текста лежит конфликт «своих и чужих», и важно, что сам текст содержит четкую программу по решению данного конфликта, правда, решением его является депортация, оправдание которой в отношении предста-

вителей какой-либо нации, расы, религии также является признаком, характеризующим возбуждение национальной вражды с точки зрения общественной опасности.

Депортируй нелегала — И не будет криминала!...

Уезжай обратно в зад, нелегальный иммигрант...

Всех мигрантов по домам — Будет лучше им и нам!

Скажем дружно всей страной — оккупант пора домой!

В ином случае автор угрожает насильственными действиями в отношении мигрантов.

Из врагов готовим фарш — Это братцы Русский Марш!

Иммигрантов слишком много им устроим Кондопогу

Отметим, что данные угрозы выражены косвенно, через обращение к метафорическому образу (*мигранты — мясо*) и прецедентному урбониму *Кондопога*, который в современном русском языке используется в обобщенном смысле для обозначения межнациональных столкновений [см.: Нахимова 2010: 122—127].

ЛИТЕРАТУРА

1. Араева, Л. А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Исследование. 2006. № 4, апр.

2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2009.

3. Ворошилова, М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика. — 2012. — № 1 (12). — С. 67—72.

4. Методические рекомендации о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды // Национальная газета. — 2002. — № 8—12. — С. 58—62.

5. Нахимова, Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2 (32). — С. 122—127.

6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г.

7. Леонтьева, С. Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Леонтьева С. Г. — Тверь, 2006.

6.3. Отрывок про скинхеда

В 2011 г. сотрудниками Центра противодействия экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области был установлен факт размещения в социальной сети «ВКонтакте» на персональной странице пользователя под псевдонимом «гражданин Иванов» (мы используем вымышленное имя, дабы не распространять персональную информацию и не посягать на право защиты личных данных героя, да и сама ситуация и представленный материал настолько типичны, что их персонафикация не имеет значения; наша цель — показать общую логику подобных исследований) видеороликов, содержащих сцены избиения «скинхедами» лиц неславянской внешности, что и было зафиксировано в виде акта документирования электронного ресурса.

В октябре 2011 г. материалы, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий, были зарегистрированы в КУСП ГУ МВД России по Свердловской области. В результате проведенной проверки Первоуральским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ: «1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, — наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти ча-

сов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет» [УК РФ].

В рамках уголовного дела гражданин Иванов был допрошен в качестве подозреваемого. В ходе допроса он пояснил, что обладает специальными познаниями в области компьютерной техники и компьютерного программного обеспечения. В сети Интернет последний зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте.ру», где разместил для всеобщего обозрения и распространения видеоматериалы праворадикального движения «скинхеды». На данных видеозаписях изображаются сцены насилия, избиения и убийств, совершенных «скинхедами» в отношении лиц неславянской внешности, а также демонстрируется фашистская атрибутика. Помимо изложенного, гражданин Иванов пояснил, что видеоматериалы он разместил с целью донести до большого числа пользователей сети Интернет свои идеи, касающиеся проблем пребывания и проживания выходцев с Кавказа и Средней Азии на территории России. Также Иванов отметил, что он сознательно распространял видеоматериалы экстремистского характера.

В рамках уголовного дела были допрошены близкие и друзья Иванова. В ходе проведения следственных действий они пояснили, что во время дружеских встреч Иванов неоднократно высказывал свое негативное мнение по отношению к лицам неславянской внешности, постоянно говорил о том, что нерусские заполнили рынки и рабочие места, а также придерживался позиции и мнения, что Россия должна существовать для русских, все остальные национальности должны покинуть территорию России.

В ходе расследования уголовного дела системный блок персонального компьютера, принадлежащий гражданину Иванову, с которого происходило распространение вышеупомянутых файлов, был изъят. Проведенная компьютерно-техническая экспертиза факт распространения файлов в сети Интернет подтвердила.

С целью установления характера информации и выявления признаков, направленных на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства,

в содержании распространяемых гражданином Ивановым материалов, экспертами Уральского государственного педагогического университета в области филологии и социальной психологии была проведена психолого-лингвистическая экспертиза.

Выбор именно комплексной экспертизы был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, именно комплексные исследования позволяют избежать одностороннего и необъективного изучения свойств представленных материалов. Во-вторых, проведение комплексного исследования позволяет расширить предмет экспертизы. Так, например, используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не о том, как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание: эти вопросы относятся к компетенции психолога. Кроме того, перлокутивный эффект нередко достигается за счет манипулятивных приемов социально-психологического воздействия, также «ускользающих» от лингвиста в силу специфики его профессии. В практике современной экспертизы текстов существуют подходы, позволяющие оценить наличие признаков экстремистского призыва — например, формирование ксенофобической установки [Ратинов, Коньшева, Кроз, Ратинова 2005: 63—83].

Мы уже рассматривали проблему оценки воздействующего потенциала текста путем контент-анализа видеофрагментов, сопровождаемого психологической диагностикой процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализом его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеофрагментов [Ворошилова, Злоказов 2011].

Итак, на разрешение экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в представленных материалах информация, содержание которой направлено на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей? Если содержится, то какими языковыми или визуальными формами она выражена?

2. Имеются ли в представленных материалах данные о возможной принадлежности лиц к определенным организациям, сообществам? Если имеются, то к каким?

3. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц эмоциональные переживания ненависти и вражды? Если содержатся, то по отношению к кому возбуждаются эмоциональные переживания ненависти?

4. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц психологическую готовность к унижению человеческого достоинства?

5. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц психологическую установку поведения на осуществление насильственных действий в отношении другого человека?

6. Содержатся ли в представленных материалах элементы, унижающие достоинство человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения?

7. Содержатся ли в представленных материалах элементы, оказывающие при их просмотре психологическое воздействие на неустановленных лиц? Какого характера это воздействие?

8. Содержатся ли в представленных материалах элементы, вызывающие при их просмотре изменения в ценностно-смысловой сфере у неустановленных лиц?

9. Содержатся ли в представленных материалах элементы, вызывающие при их просмотре изменения в поведении у неустановленных лиц? Если изменения возникают, то в чем они выражаются, проявляются?

Материалы, представленные для экспертизы

Для экспертизы были представлены 12 видеофайлов.

На начальном этапе экспертизы были восстановлены первоначальные имена видеофайлов, так как имя (название, заголовок) является неотъемлемой частью текста и выполняет важную прагматическую функцию — создает базу для восприятия и интерпретации текста.

Отметим, что в ходе проведения экспертизы мы использовали термин «текст» для обозначения семиотически осложненной формы поликодового текста, сочетающего как языковые единицы, так и единицы иных знаковых систем, в том числе визуальных.

Таблица 6.3.1

Название видеофайла	Название текста
Banda Moskvu — Vivat, Rossiya!	Банда Москвы — Виват, Россия!
Bogatyrskaya.240	Богатырская
Boris' za Rossiyu!	Борис за Россию!
f59f97e60937-136686974.vk	СВР
HARDLINE sXe Ns !!!	HARDLINE sXe Ns !!!
otryvok pro skinhedov...est' nad chem zadumat'sya	Отрывок при скинхедов ... есть над чем задуматься
Ross Kemp_ Bandy (Moskva)	Росс Кемп: Банды (Москва)
Slava Rusi. Ot serdca k solncu!	Слава Руси! От сердца к солнцу!
Social'naya reklama 2010.240	Социальная реклама 2010
Soprotivlenie.KeNIG.240	Сопrotивление. КЕНИГ
SS-Slovyanskij Soyuz (1)	СС — Славянский союз
Zames.240	Замес

Лингвистическая часть

Для решения вопросов лингвистической части экспертизы исследование проводилось методами контент-анализа, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа ключевых слов, а также логико-грамматического и лингвостилистического анализа текста в контексте видеосюжета.

Кроме того, учитывались положения Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденные заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым.

Экспертами был представлен комплексный анализ каждого видеофрагмента.

В видеофайле «Банда Москвы — Виват, Россия!» основным лозунгом является призыв «За Родину, за Родину борись!». Он поддержан личным обращением: «Ты уличный солдат», что несомненно усиливает его воздействующий потенциал. Также ав-

торы используют манипулятивный прием обращения к историческому, героическому прошлому (образ военных), что служит неким оправданием, а значит, и косвенным призывом.

Образ врага, с которым призывают бороться, создается не только на вербальном (звуковое сопровождение), но и на визуальном уровне, что также является ярким примером манипуляции. Врагами в тексте названы «хачики», «негры», «евреи», «кавказцы». Таким образом, критерием определения врага является национальный, расовый или религиозный принцип.

Формирование образа врага сопровождается возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни. «Хачики», «негры», «евреи», «кавказцы» представлены как носители одного из социальных зол, как агрессоры, от которых необходимо защищаться. Изображение человека с темной кожей, держащего в руках поднятый нож, сопровождается текстом: «Русский! Покажи негру, кто в России хозяин!»

Данный манипулятивный прием поддержан частотным обращением к образу женщин и детей, защищать которых — долг каждого мужчины. Фраза «Ну что? так и будешь сидеть на диване, пока хачики пристают ко мне на улице» сопровождается изображением красивой молодой девушки (данный текст используется и в видеофрагменте «Борись за Россию!»).

В одном из следующих видеофрагментах еврейская звезда (звезда Давида), исламский полумесяц следуют за бутылкой, которая разбивается кулаком. Данное изображение сопровождается следующим текстом: «Сначала спиртное — а потом все остальное». Таким образом, мировые религии ставятся в один ряд с таким общепризнанным социальным пороком, как алкоголизм.

Также подчеркнем, что образ врага создается в том числе и за счет противопоставления «белому человеку». Данный прием свойственен экстремистским текстам, направленным на пропаганду исключительности, превосходства человека по признаку его расовой, национальной принадлежности.

Второй признак экстремизма, отмеченный в данном файле, — пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики,

сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. В тексте неоднократно демонстрируются свастика, кельтский крест, арийский кулак и др.

Манипулятивный прием обращения к историческому, героическому прошлому является основным в видеофайле «Богатырская» и также служит косвенным призывом к борьбе (сопровождается постоянными призывами «За Россию!»). Авторы обращаются к следующим образам:

- русских богатырей. Ключевым является образ Евпатия Коловрата — воеводы и славянского богатыря, героя рязанского народного сказания XIII в. (времен нашествия Батыя). В анализируемом контексте данное прецедентное имя отсылает и к названию современной музыкальной группы, известной своими националистскими текстами;

- богов восточных славян — Сварога и Перуна. Обращение к данным именам направлено на провозглашение превосходства славянской расы;

- военных героев разных эпох. Обращение к этим фигурам выполняет функцию косвенного призыва, они служат неким примером.

Аналогичные призывы к борьбе за Россию звучат в роликах «Борись за Россию!», «Слава Руси! От сердца к солнцу!». В качестве врагов вновь обозначены как социальные пороки общества (акоголь и др.: «Алкоголь убивает Русскую Нацию! Не пей!»), так и «нерусские» («Ты защитишь ее от черных!»).

Частотное использование приема противопоставления «русских нерусским» в анализируемом видеотексте акцентирует национальную подоплеку «войны», к которой призывают авторы. Написание слова «русский» с прописной буквы может быть истолковано в анализируемом дискурсе как способ превозношения русской нации.

Национальная и религиозная рознь наиболее ярко и открыто выражена в ролике «Слава Руси! От сердца к солнцу!». Авторы используют классические приемы разжигания вражды: косвенные угрозы («Мечетей здесь не будет!»), приписывание враждебных действий и опасных намерений («Не будет порядка на русской земле, пока жида сидят в кремле!») и др.

Основным приемом манипуляции в данных видеофрагментах, наравне с описанными выше (использование образов женщин и детей, приема противопоставления, призывов «к защите» и др.), является обращение к рекламным и плакатным формам. Видеоряд роликов представляет собой монтаж отдельных текстов, построенных по принципам социальной рекламы или военного плаката. Большинство текстов содержат или вопрос, или призыв, что направлено как на привлечения внимания, так и на активизацию реципиента.

Ролики «СВР», «HARDLINE sXe Ns !!!» построены по классическим канонам текстов экстремистского дискурса. Характерными являются следующие черты:

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (свастик, кельтского креста, арийского кулака, традиционного приветствия и др.);

- прямые призывы и лозунги («Бери оружие — стреляй оккупантов»; «Мы сохраним белую расу»; «Мы идем. Бегите мрази»; «Держи кровь чистой»);

- демонстрация физической и военной силы (многочисленные образы физически сильных молодых людей с оружием в руках).

Основной манипулятивный прием данных роликов также традиционен для анализируемого дискурса: главным «врагом» обозначаются такие социальные пороки, как алкоголь, наркотики, но в этом же ряду оказываются и национальные и религиозные противники, что позволяет завуалировать национальную и религиозную рознь, придать борьбе ореол «честности».

Данный прием также положен в основу видеофрагмента «Сопrotивление. КЕНИГ», представляющего собой манифест соответствующей организации. Агитация за здоровую нацию сопровождается, с одной стороны, демонстрацией нацистской символики, с другой — постоянным акцентированием национального превосходства: «...наше движение отстаивает приоритеты русского народа...»

Видеоролик «Социальная реклама 2010» построен на одной из самых действенных манипулятивных технологий — запугивания и оправдания. Данный прием описывался нами и ранее.

Первая часть ролика представляет собой обращение «террористов к россиянам», содержащее прямые угрозы к уничтожению, вторая часть демонстрирует силу молодых и желание вступить в войну («освободительную»). Этот прием является ярким примером косвенного призыва, действенность которого давно доказано и лингвистами, и психологами. Однако справедливости ради мы должны отметить, что в указанном видеофрагменте нет прямо выраженной национальной или религиозной подоплеки.

Следующий видеофрагмент, «СС — Славянский союз», представляет собой яркую пропаганду Славянского союза и его идей. В основе ролика — параллель между СС и Славянским союзом, что заложено уже в самом названии и выражается на всех уровнях текста. Это, бесспорно, является одним из признаков экстремизма, а именно пропагандой и публичным демонстрацией нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Отметим также, что при создании образа врага авторы большинства анализируемых видеофрагментов нередко используют инвективную лексику и фразеологию. В анализируемых текстах употребляются и экспрессивные номинации (*хачи, жи-ды* и др.), как правило, не входящие в литературный русский язык и имеющие жаргонное происхождение, а значит, обладающие яркой эмоциональной оценкой, причем исключительно отрицательной (*черный* и др.), и прямые инвективы, отмеченные в словарях как единицы просторечной, бранной лексики, выражающие презрительное или пренебрежительное отношение (*мразь* и др.).

Используемая инвективная лексика (т. е. слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме) в данном тексте, помимо своей основной функции — оскорбить, унижить, опорочить адресата речи, — также выполняет

функцию идентификации «своих» и «чужих» и выражения неприязни «чужих».

В заключение отметим, что содержание представленных видеофайлов (видеоматериалов) направленно на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей.

С этой целью в материалах активно используются манипулятивные приемы (дискредитация врага, сверхобобщение), многочисленные образы, обладающие ярко выраженным агрессивно-прагматическим потенциалом (как на языковом, так и на визуальном уровне), инвективная лексика и фразеология, а также побудительные конструкции, в том числе прямые и косвенные призывы.

Помимо этого, в представленных материалах неоднократно используются элементы, унижающие достоинство человека либо групп лиц по признакам расы, национальности, происхождения, в частности инвективная лексика и фразеология.

В подавляющем большинстве видеофайлов были отмечены и признаки принадлежности изображенных лиц к различным организациям, поддерживающим экстремистские взгляды, в том числе к известному межрегиональному объединению скинхедов «Формат 18». Вдобавок к этому активно используется нацистская символика, являющаяся одним из основных признаков принадлежности к подобным группам.

Психологическая часть. Для решения поставленных вопросов психологическая экспертиза проводилась путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта в связи с просмотром видеофрагментов.

С целью объективного изучения влияния видеофрагментов была сформирована выборочная совокупность из 47 человек, включающая 41 мужчину в возрасте от 18 до 20 лет и 6 девушек в возрасте от 18 до 20 лет.

В процессе экспертизы испытуемым были показаны видеофрагменты, находящиеся на диске. Просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере с помощью стан-

дартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе «Windows» — «Windows media player». После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый заполнял анкету, составленную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу «Excel» для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ «Statistica for Windows 6.0».

Таким образом, в ходе обследования группы испытуемых были получены данные объективных самоотчетов после просмотра видеофрагментов, что позволило определить особенности влияния представленных для экспертизы видеофрагментов на психические процессы и состояния испытуемых.

Экспертиза проводилась в соответствии с методиками производства психодиагностических исследований процессов, состояний и свойств психики, принятых в психологической диагностике. Кроме того, учитывались положения Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденных заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым.

По результатам проведенного нами контент-анализа отметим, что в ряде видеофрагментов («Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240») испытуемые наблюдают видеоряд, содержащий набор изображений, различные текстовые фрагменты и сопровождающийся музыкальным оформлением. Совокупность перечисленных элементов в видеофрагменте воспринимается при просмотре как целостное и непротиворечивое, содержащее в себе определенный смысл, единство. Трансляция смысла осуществляется за счет специально подобранного видеоряда, уточняемого текстовыми пояснениями. Отрывки музыкальных произведений формируют определенное эмоциональное состояние лица, просматривающего видеофрагменты.

В обзоре зарубежных исследований [Anderson et al.: 81—110; Bushman, Anderson 2001] утверждается, что просмотр видеофрагментов с демонстрацией насилия способствует росту агрессивно-насильственных реакций у просматривающих субъектов.

Изучение проблем формирования агрессивного и насильственного поведения опирается на теоретические положения бихевиористического направления в психологии [Бэрон, Ричардсон: 48—49], в частности на исследования А. Бандуры, Д. Долларда, Б. Скинера, показывающих, что вероятность повторения агрессивных действий людьми тем выше, чем шире диапазон способов усвоения этих действий, факторов, провоцирующих появление насильственных действий, и условий, при которых агрессивные реакции закрепляются. Важным аспектом усвоения агрессивных реакций выступают факторы, регулирующие агрессивное поведение (сохраняющие, усиливающие, контролирующие его). В качестве механизмов контроля могут выступать формы поощрения (общественное одобрение или порицание, наблюдение за ситуациями, в которых поощряют агрессивных лиц, вознаграждают их либо наказывают).

Контент-анализ, проведенный нами, показывает, что в видеофрагментах, представленных на экспертизу, демонстрация насильственных действий не заканчивается их порицанием, соответственно не выражены механизмы контроля за агрессивными реакциями, что способствует формированию агрессивных форм поведения путем викарного научения у лиц, просматривающих их.

Осуществленный нами ранее эксперимент показал, что с психофизиологической точки зрения просмотр подобных видеофрагментов сопровождается вегетососудистыми реакциями и изменениями в ЭЭГ активности мозга, характерными для стресса [Злоказов 2011: 210—216]. Зритель в процессе просмотра переживает эмоции страха, которые оказывают влияние на восприятие информации.

В современной психологической практике обобщены значительные эмпирические данные, свидетельствующие о том, что всплески насилия среди детей, подростков и молодежи связаны

с качеством, частотой и степенью детализации представления агрессивно-насильственных реакций. Эта точка зрения эмпирически подтверждена значительным количеством исследований, в частности, в одной работе 1985 г. [*Factors Influencing the Development...* 1985: 705—711] приводятся результаты 636 научных публикаций за период с 1975 по 2000 г.

В представленных видеофрагментах (f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!») показаны формы насильственных действий как одного субъекта (единичные: удары ногой, рукой, комплексные: использование поручней в метро для опоры и ударов ногами), так и действия группы нападающих (в том числе и согласованные). В видеофрагменте «format Прямое действие2» проводится детализация действий субъекта в ситуации группового нападения. Наглядно показано, что смысл происходящего интерпретируется просматривающими однозначно как убийство.

Особо отметим, что агрессивно-насильственные действия осуществляются малой группой без выраженных идентификационных признаков — лица нападающих скрыты от наблюдаемого, что облегчает процесс идентификации лица просматривающего видеофрагменты с агрессорами, осуществляющими насильственные действия при обозначенном (с заранее определенными половыми, социальными и прочими признаками) объекте агрессивных действий. З. Фрейд указывал, что идентификация — механизм психологической защиты, обеспечивающий снижение тревоги (страха) за счет воплощения себя в качестве агрессора [Фрейд 1992: 91—148]. Таким образом, одной из форм подкрепления агрессивного поведения является отождествление с лицами, осуществляющими насильственные действия, получившее название «Стокгольмский синдром» [*Factors Influencing the Development...* 1985: 705—711].

Психологический анализ особенностей восприятия видеофрагментов

С целью уточнения особенностей восприятия видеофрагментов было организовано эмпирическое исследование, в ходе которого группе испытуемых (47 человек в возрасте от 18 до 20 лет) был

представлен ряд видеофрагментов. Одним из условий успешной идентификации зрителей с действующими лицами видеофрагментов выступает общность половых, возрастных, социальных признаков зрителей и фигурирующих в видеофрагменте лиц. Поэтому возраст, пол и социальный статус выборки подбирался с учетом представленного в видеофрагментах, что, помимо облегчения процесса идентификации, создавало предпосылки для дополнительной активизации восприятия испытуемых.

Процесс исследования заключался в следующем. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см. табл. 3.6.2.), состоящей из открытых и закрытых вопросов, направленных на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного?»), социальной оценкой испытуемым видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 6.3.2

Структура анкеты-самоотчета для оценки видеофрагмента

Пункты самоотчета	Индикатор
Оцените свое настроение до просмотра видеофрагмента и после просмотра (в связи с ним)	Анализ эмоционального состояния
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите	Восприятие видеофрагмента
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите	Представление о смысле видеофрагмента
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите	Субъективная интерпретация видеофрагмента

Просмотрев видеотремент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеотремента
После просмотра этого видеотремента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеотременте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Дайте оценку происходящему на видеотременте	Субъективная оценка видеотремента
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Субъективная оценка видеотремента
Полезным ли был просмотренный видеотремент для вас? Кратко опишите	Субъективная оценка видеотремента

Для оценки ответов испытуемых был проведен их контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной шкалы Лайкерта [Бурлачук, Морозов 2001: 127]. Данная шкала использовалась при математической обработке заполненных испытуемыми анкет.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что видеотременты изменяют эмоциональное состояние испытуемых в процессе просмотра, во многом вследствие содержания (изображения актов насилия, агрессии, музыкального сопровождения) и особенностей его предъявления испытуемому (фокуса, расстояния до объекта в процессе съемки, экспозиции и пр.).

Например, видеотремент «Zames.240» отличается большей вариацией субъективных представлений (ср. знач. 4,1 при $\sigma = 2,4$) испытуемых, что свидетельствует о неоднозначности формируемого в процессе просмотра когнитивного восприятия (испытуемые объясняют видеотремент как тренировку, занятие спортом либо массовую драку).

Оценка содержания видеотрементов («Banda Moskvу — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!»),

«f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240») испытуемыми проводится преимущественно с опорой на текстовые комментарии к видеофрагментам («За возрождение Руси»; «против чурок»; «умереть за Русь»; «Драка»; ср. знач. 6,8; 6,7; 5,9 при $\sigma = 0,7; 0,6; 1,3$) с использованием указаний на целевую аудиторию и субъектов агрессии («националисты снимали»; «скинхеды, пропаганда скинов») и лиц, выступающих целями агрессивных действий («нерусские»; «черные»; «нохча»).

Отметим и то, что восприятие и субъективная интерпретация испытуемыми содержания видеофрагментов определяется социальной актуальностью темы. Так, в видеофрагменте «Ross Kemp_ Vandy (Moskva)» интерпретируемые испытуемыми как высказывания о недопустимости противоправных действий скинхедов, необходимости действий в соответствии с законом понимаются испытуемыми достаточно точно (ср. знач. 4,6—4,2 при $\sigma = 1,8—1,9$). Можно заключить, что использование тем, имеющих общественную значимость, повышает точность интерпретации содержания видеофрагмента испытуемым и способствует ассимиляции опыта, что проявляется в изменении субъективного отношения к видеофрагменту от негативно-равнодушного до принятия его идей (характерно для видеофрагментов «Bogatyrskaya. 240», «Sopro tivlenie. KeNIG.240»).

Оценка представлений субъекта и стратегий поведения в ситуации, аналогичной показанной, у испытуемых осуществлялась следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (*активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие*); в случае отрицания (*остановиться, отойти в сторону, убежать*). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли (как члена общества) — в виде стратегии защиты (*не вмешиваться, звать на помощь, защищать*) и стратегии коммуникации (*опровергать, не разговаривать, соглашаться*).

При субъективной оценке видеофрагментов «Bogatyrskaya.240», «Soprotivlenie. KeNIG.240» избирается стратегия активного дей-

ствия — соучастия (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$), базовая стратегия отрицания рассматривается как «Остановиться» (ср. знач. 1,00 при $\sigma = 0,01$), с позиций социальной роли избирается стратегия «Не вмешиваться» (ср. знач. 1,8 при $\sigma = 0,45$).

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$). С позиции социальной роли преимущественной стратегией является «Не вмешиваться» (ср. знач. 1,83 при $\sigma = 0,41$), на коммуникативном уровне стратегия «Соглашаться» (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$).

Анализируя характер оценок, данных испытуемыми видеофрагментам, отметим, что повышенным значением оценки (на уровне частичного принятия содержания, частичного разделения идей) характеризуются фрагменты «Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240» (ср. знач. 2,63 при $\sigma = 1,39$). Это свидетельствует о процессе дифференциации содержания видео в связи с индивидуальными особенностями культуры, ценностными, мотивационно-смысловыми характеристиками респондентов. Степень принятия (ассимиляции) смысловых единиц достаточно высока (ср. знач. 2,75 при $\sigma = 0,45$), что, впрочем, может быть обусловлено жанровой составляющей [Злоказов 2011: 210—216]. Испытуемые с высокой степенью согласованности ответов производят оценку представленных им материалов, что свидетельствует о точности и непротиворечивости восприятия смысловых единиц экстремистского текста и их интерпретации.

Субъективная оценка испытуемыми полезности просмотренных видеофрагментов показывает ассимиляцию информации на уровне частичного принятия (одобрения) видеофрагментов, в том числе содержащих элементы насилия («Social'naya reklama 2010.240»; ср. знач. 2,75 при $\sigma = 1,06$). Одобрение увиденного, инструментализация опыта испытуемыми вызывает настороженность, поскольку содержательно видеоряд направлен на формирование ксенофобской установки у лиц, просматривающего его.

Чем вызвана подобная реакция зрителя? Разберемся подробнее. В видео «Social'naya reklama 2010.240» последовательно смонтированы два видеоряда, различные по своему образному, темпоритмовому и смысловому содержанию. На первом изображены кадры с мест совершения террористических актов, сопровождаемые пояснением диктора о противостоянии между «войной за веру против войны за бензин в бензобаке». Испытуемые интерпретируют эту часть видео как «несущую угрозу», «угрожающую», «объявляющую войну» (ср. знач. 2,81 при $\sigma = 0,51$). Воюющими выступают с одной стороны «Запад», «США», «Богачи», с другой — «мусульмане», «шахиды», «муслимы», «Иран». Вторая часть видео «Social'naya reklama 2010.240» представляет собой «традиционный» образец экстремистко-пропагандистского текста: видеоряд содержит кадры стрельбы из огнестрельного оружия, нанесения ударов по боксерскому мешку, образы молодых людей в спортивной одежде, в сознании зрителя фиксируются надписи на футболках «White boy». Для музыкального сопровождения используется рок-композиция с различимым текстом: «Хочешь ты этого или не хочешь, война, война». С 2 мин 50 сек ролика в кадр выводятся надписи «Когда настанет час» (2 секунды), «Ты должен быть готов» (2 секунды), «У тебя осталось мало времени» (4 секунды). Смысл данной части испытуемыми описывается как призывы к «обороне», «подготовке», «тренировке» (ср. знач. 2,74 при $\sigma = 0,66$). Как уже отмечалось, ассимилирующий эффект подобного видеофрагмента достаточно значителен. В самоотчетах испытуемых ответ на вопрос «Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?» в 100 % случаев дается от имени потенциальных «жертв террористической угрозы», не фиксируется ни одного от имени «шахидов», что указывает на то, с какой стороной ассоциирует себя зритель. Усредненный ответ на вопрос — в подавляющем большинстве «да» (ср. знач. 2,63 при $\sigma = 1,39$), и, как уже отмечалось ранее, полезным видеоролик «Social'naya reklama 2010.240» признает большинство опрошенных. В целом данный материал представляет собой образец белой пропаганды (Г. Лассуэл) [Кара-Мурза 2000:

250], в котором используется манипулятивный прием формирования установки «врага», но не происходит его обозначение, а доводится до реципиента идея о необходимости «сопротивления» вероятному насилию. При этом зрители из числа опрошенных нами в самоотчетах достаточно согласованно формулируют смысл видеофрагмента в выражениях «оборона против нерусских», «война с мусульманами», «быть готовым к войне». Размытый образ врага и призыв к противодействию — классический манипулятивный прием, реализуемый в канве политической пропаганды Г. Лассуэла [Schramm 1971: 84—99].

Отметим и тот факт, что развитие идеи о сопротивлении «угрозе» в данном видеофрагменте не сопровождается ее «брендингом». Это достаточно часто встречается в экстремистском видео. Введение же «бренда» (символа) позволяет пользователю легко находить в дальнейшем в пространстве интернет-ресурсов видеофрагменты данного автора либо группы.

Также в отчетах испытуемых фигурируют ценности, не являющиеся значимыми в экстремистском дискурсе, но сопровождающие его — «спорт», «борьба», «здоровье», «дружба». Эти ценности — продукт субъективной интерпретации видео испытуемыми, результат сопутствующего эффекта данного видео, возникающего в сознании просматривающих запись лиц. Актуальность описываемых символов-ценностей может превышать экстремистский призыв и выступать самостоятельной причиной для просмотра и последующей трансляции (например, в социальной сети). Особое внимание в связи с этим следует уделить мотивам просмотра и сохранения социальных экстремистских видео. Как представляется нам, мотивы подобных действий могут быть не только идеологическими, но и, например, пассивными, корыстными, а также деструктивными, т. е. связанными с возведением агрессии и насилия в ранг ценности. Более того, криминологическая характеристика преступлений, совершенных экстремистскими группировками, показывает их отягощенность насильственными действиями в отношении потерпевших, в том числе совершаемых с особой жестокостью. Нередко экстремистские действия маскируют собой корысть, что

характерно, в частности, для экстремистских группировок, действующих на территории Юга России (например, собираемый ими на борьбу с неверными «закят» (пожертвование)). В отличие от ритуализированных религиозных экстремистских практик, имеющих свое обоснование в религиозном тексте, националистический экстремизм нуждается в постоянном подкреплении, и не последнюю роль в этом играет форма его трансляции. Креолизованный экстремистский текст обладает достаточной результативностью, поскольку содержит в себе не только идею или образцы поведения, но имеет обучающее, подкрепляющее и регулирующее воздействие. Другими словами, экстремистское видео транслирует деструктивность как ценность, обогащая зрителя опытом насилия, сведениями об инструментах его совершения, подкрепляя и развивая уже имеющийся деструктивный потенциал личности. Этим и обусловлена частная гипотеза наших исследований — предположение о связи между особенностями восприятия экстремистского текста и деструктивностью личности зрителя. Интерес к этому процессу вызван специфичностью экстремистского текста как жанра, демонстрирующего подлинное насилие. Подлинность для зрителя заключается не только в применении для съемок камер сотовых телефонов, чем обеспечивается субъективно переживаемая «близость» к агрессии одних и боли других, но и в целенаправленности: мотив, цель и результат агрессии отделены друг от друга несколькими десятками секунд записи. В дальнейших исследованиях обсуждаемая гипотеза найдет свое эмпирическое разрешение.

Отметим и то, что просмотр видеофрагментов экстремистского жанра сопровождается активным восприятием и интерпретацией испытуемыми их содержания. Экстремистское видео с точки зрения воздействия на лиц, просматривающих его, характеризуется ростом негативных (астенических) эмоциональных переживаний, частичным принятием демонстрируемых в видеофрагментах моделей поведения.

Интерпретируемый испытуемыми смысл видеофрагментов, построенных по модели ксенофобской установки, не отрицается, а оценивается как положительный и полезный (применимый) в жизни.

В ходе проведенного комплекса следственно-оперативных мероприятий установлено, что, придерживаясь националистической идеологии и обладая специальными познаниями в области компьютерной техники и компьютерного программного обеспечения, гражданин Иванов осознавал, что совершает публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признакам расы, национальности и происхождения, так как размещенные им в сети Интернет видеофайлы экстремистского содержания стали доступны для ознакомления и копирования другим пользователям сети Интернет.

Уже в 2012 г. Иванов был привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. В ходе следственных действий Иванов отказался от рассмотрения уголовного дела в особом порядке, свою вину не признал.

В марте 2012 г. судьей Н-ского районного суда гражданин Иванов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 180 часов исправительных работ.

6.4. «Русское лото 18 из 1488»

В 2011 г. по запросу Центра противодействия экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области было проведено комплексное психолого-лингвистическое исследование видеотекста «Русское лото 18 из 1488» с целью установления характера информации и выявления признаков, направленных на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства.

Исследование проводится в два этапа. На первом этапе мы проводим «языковую инвентаризацию текста», используя классический лингвистический инструментарий, выделяем «экстремистские знаки», например: этнонимы, инвективы и др.

Так как представленный для исследования материал представляет собой креолизованный текст (т. е. текст, сочетающий

как языковые единицы, так и единицы иных знаковых систем, в нашем случае — аудиальные и визуальные знаки), то в рамках лингвистического исследования будут также выделены визуальные «экстремистские знаки», а именно нацистская атрибутика или символика, а также атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

На втором этапе исследования проводится оценка воздействующего потенциала текста путем контент-анализа видеотекста, сопровождаемого психологической диагностикой процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализом его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеотекста [Ворошилова, Злоказов 2011].

Итак, на первоначальном этапе было проанализировано название видеотекста («Русское лото 18 из 1488»), поскольку названия являются стимулом к выбору ролика и толчком к его восприятию, ключом к его интерпретации.

В названии использован традиционный для экстремистского дискурса цифровой символ: 14/88, который в современном обществе чаще трактуется следующим образом.

Число 14 означает четырнадцать слов неонацистского идеолога Дэвида Лэйна: «We must secure the existence of our people and a future for White children» (в переводе с английского — «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей»). Число 88 предположительно является закодированным приветствием «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»), поскольку буква «Н» стоит в латинском алфавите восьмой, и в то же время означает 88 заповедей Дэвида Лэйна.

Итак, уже в названии текста отмечены так называемые экстремистские знаки, которые в определенных условиях могут служить материалом для пропаганды и публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, что в соответствии с УК РФ является одним из видов экстремистской деятельности.

Но важно, что и сам текст целиком выполняет роль именно такого «экстремистского» знака. Текст «Русское лото 18 из

1488» создан под именем известной общественной организации «Формат 18» (о чем свидетельствует заставка) и озвучен лидером данной организации Марцинкевичем Максимом, известным как Тесак. Тот факт, что общественная организация «Формат 18» была запрещена в сентябре 2010 г. за экстремизм, а ее лидер дважды был осужден по статье 282.2 УК РФ, позволяет трактовать обращение к ней и публичную трансляцию ее произведений как один из приемов пропаганды экстремистской деятельности.

Итак, полученные результаты позволяют определить дискурс (социально-культурный контекст), в котором данные ролики создавались и прочитываются, как экстремистский.

На следующем этапе исследования был определен основной посыл текста, который, бесспорно, несет сильный агрессивный заряд, о чем свидетельствуют сцены массового избиения, повторяющиеся изображения людей с оружием (топор, электропила). Таким образом, визуальный ряд данного креолизованного текста выполняет функцию угрозы, выражает агрессивно-прагматический потенциал текста. Объект же агрессии представлен на вербальном уровне экспрессивным этнонимом (термин А. И. Грищенко) «чурка», который не входит в литературный русский язык и имеет жаргонное происхождение.

Экспрессивные этнонимы представляют собой «уничижительные номинации лиц другой национальности, отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов» [Грищенко, Николина 2006: 175—187] и часто выражают яркую эмоциональную оценку, причем исключительно отрицательную.

Приведем данные «Словаря русского арго» В. С. Елистратовой.

ЧУРКА, -и, м. и ж. (или чурка с глазами, чурка с ушами, чурка неговорящая и т. п.). 1. Глупый, тупой человек. 2. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Общеупотр. «чурка» — короткий обрубок дерева; Возм. через *уз.* или *арм.* (о военнослужащих из азиатских республик) [Елистратов 2000].

Экспрессивные этнонимы являются эффективным средством выражения общей идеологической установки текста: они не

только создают его агрессивно-прагматический потенциал, являясь классическим инструментом возбуждения ненависти и вражды, но и становятся орудием унижения национального достоинства.

Психологическое исследование проводилось путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализа состояния субъектов в процессе просмотра видеофрагментов.

По результатам проведенного контент-анализа отметим, что в видеотексте «Русское Лото 18 из 1488» испытуемые наблюдают сцены насилия, представленные в форме избияния одного лица группой лиц (00:28 — 00:34; 00:40 — 00:46; 00:56 — 00:58; 1:15 — 1:20). Рядом зарубежных экспериментов [Anderson et al. 2003: 81—110] подтверждается, что просмотр видеофрагментов с демонстрацией насилия способствует росту агрессивно-насильственных реакций у просматривающих субъектов.

Изучение проблем формирования агрессивного и насильственного поведения опирается на теоретические положения бихевиористического направления в психологии [Бэрон, Ричардсон 1997: 48—49], в частности на исследования А. Бандуры, Д. Долларда, Б. Скинера, показывающих, что вероятность повторения агрессивных действий людьми тем выше, чем шире диапазон способов усвоения этих действий, факторов, провоцирующих появление насильственных действий, и условий, при которых агрессивные реакции закрепляются. Важным аспектом усвоения агрессивных реакций выступают факторы, регулирующие агрессивное поведение (сохраняющие, усиливающие, контролирующие его). В качестве механизмов контроля могут выступать формы поощрения (общественное одобрение или порицание, наблюдение за ситуациями, в которых поощряют агрессивных лиц, вознаграждают их либо наказывают).

Также контент-анализ, проведенный нами, показывает, что в видеофрагменте «Русское Лото 18 из 1488» демонстрация насильственных действий не заканчивается их порицанием, соответственно в видеофрагменте отсутствуют механизмы контроля за агрессивными реакциями, что способствует формированию

агрессивных форм поведения путем викарного научения у лиц, просматривающих их.

Осуществленный нами ранее эксперимент показал, что с психофизиологической точки зрения просмотр подобных видеофрагментов сопровождается вегетососудистыми реакциями и изменениями в ЭЭГ активности мозга, характерными для стресса [Злоказов 2011: 210—216]. Зритель в процессе просмотра переживает эмоции страха, которые оказывают влияние на восприятие информации.

Далее нами было отмечено, что в представленном видеофрагменте «Русское Лото 18 из 1488» показаны формы насильственных действий как одного субъекта (единичные: удары ногой, рукой; комплексные: использование поручней в метро для опоры и ударов ногами), так и действия группы нападающих (в том числе и согласованные).

Особо отметим, что агрессивно-насильственные действия осуществляются малой группой без выраженных идентификационных признаков — лица нападающих скрыты от наблюдаемого, что облегчает процесс идентификации лица просматривающего видеофрагменты с агрессорами, осуществляющими насильственные действия при обозначенном (с заранее определенными половыми, социальными и проч. признаками) объекте агрессивных действий. З. Фрейд указывал, что идентификация — механизм психологической защиты, обеспечивающий снижение тревоги (страха) за счет воплощения себя в качестве агрессора [Фрейд 1992: 91—148]. Таким образом, одной из форм подкрепления агрессивного поведения является отождествление с лицами, осуществляющими насильственные действия, получившее название «Стокгольмский синдром».

На следующем этапе с целью уточнения особенностей восприятия видеофрагментов было организовано эмпирическое исследование. Для объективного изучения влияния видеофрагментов была сформирована выборочная совокупность (всего 48 человек), состоящая из 42 мужчин в возрасте от 18 до 20 лет и 6 девушек того же возрастного диапазона. Одним из условий успешной идентификации зрителей с действующими лицами

видеофрагментов выступает общность половых, возрастных, социальных признаков зрителей и фигурирующих в видеофрагменте лиц. Поэтому возраст, пол и социальный статус выборки подбирались с учетом представленного в видеофрагментах, что, помимо облегчения процесса идентификации, создавало предпосылки для дополнительной активизации восприятия испытуемых.

В процессе исследования испытуемым был представлен видеотекст. Просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере с помощью стандартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе Windows — Windows media player. После просмотра видеотекста испытуемый заполнял анкету, выполненную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу «Excel» для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ «Statistica for Windows 6.0».

Таким образом, в ходе обследования группы испытуемых были получены данные объективных самоотчетов после просмотра видеотекста, что позволило определить особенности влияния представленного материала на психические процессы и состояние испытуемых.

Исследование проводилось в соответствии с методиками производства психодиагностических исследований процессов, состояний и свойств психики.

Процесс исследования заключался в следующем. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см табл. 6.4.1.), включающей в себя открытые и закрытые вопросы, направленные на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в

видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать, что либо из увиденного?»), социальную оценку испытуемым видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 6.4.1

Структура анкеты-самоотчета для оценки видеотекста

Пункты самоотчета	Индикатор
Оцените свое настроение до просмотра видеофрагмента и после просмотра (в связи с ним).	Анализ эмоционального состояния
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите	Восприятие видеотекста
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите	Представление о смысле видеотексте
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите	Субъективная интерпретация видеотекста
Просмотрев видеофрагмент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеотекста
После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеофрагменте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Дайте оценку происходящему в видеотексте.	Субъективная оценка видеотекста
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Субъективная оценка видеотекста
Полезным ли был просмотренный видеотекст для вас? Кратко опишите	Субъективная оценка видеотекста

Для оценки ответов испытуемых был проведен контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной нами шкалы Лайкерта (см. табл. 6.4.2).

Таблица 6.4.2

Интерпретация ответов испытуемых

Что вы увидели в представленном ролике? Что вы поняли из просмотренного видеотекста? Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеотексте?								
	Ви- део- текст не понят	Содержание передается поверхностно, искажено, приводится с ошибками	Содержание видео передано частично, представлены основные его признаки				Передано полностью, с опорой на детали, обстоятельства, особенности.	
Баллы	0	1	2	3	4	5	6	7
Дайте оценку происходящему в видеотексте Есть ли основания поступать так же, как это делают главные герои? Полезным ли был видеотекст для вас?								
	Ви- део- текст не понят	Отрицание	Частичное отри- цание	Частичное принятие		Полное принятие		
Баллы	0	1	2	3	4	5	6	7
Варианты высказываний испытуемых								
В целом, по всем видео- фрагмен- там	«Бред», «Ни- чего не по- нял»	Нет, нельзя. Ужасно, ведь такие люди есть и в обществе. Очень жестоко, их самых уби- вать надо	Сожале- ние, страх, отчая- ние. Скорее нет, бесполе- зен	Простой разговор, оценки нет. Был беспо- лезен	Ино- гда есть.	Интерес- но Нор- мально. Многое узнал	Да. Очень грамот- но сделан план. Я счи- таю это правиль- ным.	

Данная форма интерпретации использовалась при математической обработке заполненных испытуемыми анкет. Отметим, что оценка испытуемыми своего эмоционального состояния неоднородна и в значительной степени определяется содержанием видеотекста. Так, при просмотре фрагментов, содержащих сцены насилия, занимающих большую часть по продолжительности и объему изображения, оценка испытуемыми своего эмоционального состояния характеризуется как «настроение незначительно улучшилось» (ср. знач — 2,5 при $\sigma = 0,4—0,6$).

Оценка содержания видеотрегмента «Русское Лото 18 из 1488» испытуемыми проводится преимущественно точно («Скины развлекаются», «Драки скинхедов» «Бьют черных», «Избиение») (ср. знач.— 4,2 при $\sigma = 0,3$), с использованием указаний на принадлежность лиц, осуществляющих насилие, к определенным социальным группам («запись нацистов», «скинхеды бьют человека» «скины тролят кавказцев»), так же как лиц, подвергающихся нападению («нерусские», «черные»).

Оценка представлений субъекта и стратегий поведения в ситуации, аналогичной просматриваемому видеотексту, у испытуемых осуществлялась следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие); в случае отрицания (остановиться, отойти в сторону, убежать). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли — как члена общества — в виде стратегии защиты (не вмешиваться, звать на помощь, защищать) и стратегии коммуникативной (опровергать, не разговаривать, соглашаться).

При просмотре видео с демонстрацией актов насилия «Русское Лото 18 из 1488» испытуемые в ситуации изображаемой в видеотексте, выбирают стратегию защиты лица, которого бьют. Оценивая собственное поведение в реальной жизненной ситуации, на месте главных героев испытуемые выбирают стратегию бегства (ср. знач.—2,47 при $\sigma = 0,31$), а с позиции социальной (общественной) роли — стратегию «не вмешиваться» (ср. знач.—1,76 при $\sigma = 0,4$).

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (ср. знач.—2,98 при $\sigma = 0,04$). С позиции социальной роли преимущественной стратегией является «Не вмешиваться» (ср. знач. — 1,81 при $\sigma = 0,35$), на коммуникативном уровне используется стратегия «Соглашаться» (ср. знач. — 2,58 при $\sigma = 0,34$).

Отрицательное отношение испытуемые высказывают по отношению к видеотексту («Русское Лото 18 из 1488.flv») (ср. знач. — 1,43 при $\sigma = 1,12$), что свидетельствует о процессе дифферен-

циации содержания фрагментов в просоциальной ценностно-смысловой сфере сознания испытуемых. Испытуемые с высокой степенью согласованности ответов производят оценку материалов, в то же время оценка полезности просмотренных видеофрагментов показывает ассимиляцию информации — на уровне частичного принятия видеофрагментов, в том числе содержащих элементы насилия, как «Русское Лото 18 из 1488» (ср. знач.—2,75 при $\sigma = 1,05$). Таким образом, формируется негативная когнитивная и эмоциональная установка по отношению к персонажам видеотекста.

Просмотр видеофрагментов сопровождается активным восприятием и интерпретацией испытуемыми содержания видеофрагментов. При просмотре испытуемыми отмечается рост негативных (астенических) эмоциональных состояний, частичное принятие демонстрируемых в видеофрагменте моделей поведения.

Итак, проведенное исследование позволяет дать следующее заключение по данному тексту.

Видеотекст «Русское Лото 18 из 1488» имеет следующие признаки, позволяющие идентифицировать его как текст экстремистский.

Во-первых, в ходе анализа были выявлены примеры обращения к нацистской атрибутике или символике во всех представленных материалах, а также к атрибутике или символике, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, а именно символике молодежных неонацистских течений, в том числе «Формат 18».

Во-вторых, в представленном материале содержится информация, направленная на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей. Данная информация выражена как приемами формирования негативно-стереотипа, так и косвенными угрозами.

В-третьих, в тексте «Русское лото 18 из 1488» содержатся элементы, унижающие достоинство человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения, обращенные как к лицам кавказской национальности, так и напрямую к их религиозным чувствам.

В-четвертых, были выявлены элементы, оказывающие при их просмотре психологическое воздействие. Они представлены в виде конкретных моделей поведения персонажей видеотекста. Данные модели поведения воспринимаются в процессе просмотра и актуализируются в ходе последующей интерпретации содержания лицами, просматривающими его. В связи с просмотром видеофрагмента «Русское Лото 18 из 1488» у испытуемых отмечается проявление негативных (астенических) эмоциональных состояний, частичное принятие демонстрируемых в видеофрагментах моделей поведения — как полезных, имеющих ценность в обыденном поведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Anderson, C. A.* The influence of media violence on youth / C. A. Anderson, L. Berkowitz, E. Donnerstein, L. R. Huesmann, J. D. Johnson, D. Linz, N. M. Malamuth, E. Wartella // [Peer Reviewed Journal]. *Psychological Science in the Public Interest*. — 2003. — Vol 4 (3), Dec. — P. 81—110.

2. *Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome* Author(s) / James T. Turner Source // *Political Psychology*. — 1985. — Vol. 6, No. 4 (Dec.). — P. 705—711.

3. *Media violence and the American public: Scientific facts versus media misinformation* / Brad J. Bushman, Craig A. Anderson // *American Psychologist*. — 2001. — Vol 56 (6—7), Jun. — Jul. — P. 477—489.

4. *Schramm, W. ve R. D. F.* The Process and Effects of Mass Communication / W. de R. D. F. Schramm. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

5. *Базылев, В. Н.* Как слово наше отзовется? / В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин // *Российская юстиция*. — 1998. — № 4—7.

6. *Бурлачук, Л. Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. — СПб. : Питер, 2001.

7. *Бэрн, Р.* Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. — СПб. : Питер, 1997.

8. *Ворошилова, М. Б.* Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследования / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф.* / отв. ред. В. Ю. Меликян. — Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. С. 83—89.

9. *Грищенко, А. И.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная*

моногр. / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 175—187. — (Труды / Урал. МИОН ; вып. 20).

10. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: материалы 1980—1990 гг. / В. С. Елистратов. — М. : Русские словари, 2000.

11. Злоказов, К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 210—216.

12. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М., 2000.

13. Кроз, М. В. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. — М. : Academia, 2005.

14. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Постановление Пленума Верховного суда РФ №11 от 28 июня 2011 г.

15. Осадчий, М. А. Использование лингвистических познаний в исследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс] / М. А. Осадчий // Право и безопасность. — 2007. — № 3—4 (24—25), дек. — Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm (дата обращения: 20.11.2012).

16. Оселков, А. А. Содержание судебно-психологического экспертного исследования проявлений экстремистской направленности / А. А. Оселков // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений : материалы 15 Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12—13 мая 2009 г.) / под ред. д-ра ист. наук., проф. С. Н. Полторака. — СПб. : Нестор, 2009. — С. 64—68.

17. Основы психофизиологии : учеб. / отв. ред. Ю. И. Александров. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 349 с.

18. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 г. Москва.

19. Ратинов, А. Р. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений / А. Р. Ратинов, Л. П. Коньшева, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Юридическая психология : сб. науч. тр. / под ред. Г. Х. Ефремовой, О. Д. Ситковской. — М., 2005. — Вып. 3, ч. 1. — С. 63—83.

20. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999.

21. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер-пресс, 1998.
22. Уголовный кодекс Российской Федерации = УК РФ. Ст. 282 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ukru.ru/code/10/282/>.
23. Фрейд, З. Автобиография // По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. — М., 1992. — С. 91—148.
24. Фридман, Л. М. Наглядность и моделирование в обучении / Л. М. Фридман. — М. : Знание, 1984. — 80 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Педагогика и психология» ; № 6).
25. *Цена слова*: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. — М., 2001.
26. Шипшин, С. С. Судебно-психологическая экспертиза : метод. руково / С. С. Шипшин. — 2-е изд., испр. и доп. — Калуга ; Обнинск ; М., 1997. — 190 с.

ГЛАВА 7. ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ТЕКСТ И ДЕСТРУКТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

7.1. Особенности креолизованного текста экстремистской направленности

Введение. Наиболее распространенная форма представления экстремистских идей в сети Интернет — креолизованный текст. Причинами тому являются как технические особенности представления информации в сети Интернет, в частности в «социальных сетях», так и психолингвистические характеристики этого вида текстов. Креолизованные тексты легки для восприятия с пропозициональной, коммуникативной и прагматической точки зрения. Вербальный и невербальный компоненты обеспечивают поликодовость информации, что обуславливает амплифицирующий эффект восприятия и интерпретации смысла, а также эмоционально-аффективный след, связанный с сохранением и воспроизведением темы (сюжета) текста [Ворошилова 2007].

Судебная психолого-лингвистическая экспертиза текста экстремистской направленности нацелена на выявление и подробное описание его смысла [Гагина, Кузнецов, Зубкова 2013]. Однако в настоящее время методика выявления смысла экстремистского креолизованного текста однозначно не представлена в деятельности судебных экспертов, а существует в виде алгоритма, или модели, действий психолога [Бакина, Махова 2014]. Ее создание решит проблему слияния и обособления человека и текста — глобальную проблему психолингвистики. В то же время определенные контуры метода существуют, а их рефлексия позволяет сосредоточиваться на наиболее сложных вопросах психолого-лингвистической экспертизы текста [Секераж 2011]. В наших исследованиях экстремистских текстов акцент делается на системном, комплексном анализе текстов в связи с их влиянием на реципиента. В процессе исследования регистрируется спектр нейрофизиологических, психофизиологических,

когнитивных, аффективно-оценочных и поведенческих параметров. Определяется степень восприятия смысла креолизованного текста путем соотношения воспроизведенных респондентом семантических единиц (смысловых единиц текста, идей) к их общему количеству, выделяемому на основе экспертной оценки [Злоказов 2011]. Однако методологически эта исследовательская модель не позволяет «ухватить» читателя и текст в едином процессе трансформации смысла, происходящем в контексте интерпретации идей. Решение этой задачи требует модификации концепции изучения, применявшейся нами ранее, перехода от односторонней оценки текста в человеке к учету априорных идей, психологических установок читателя, его избирательной позиции при выборе, восприятии и интерпретации конкретного элемента текста.

Вторая проблема, требующая своего решения, — несоответствие смысловых картин экстремистского текста и его репрезентаций читателем. В одной из наших работ установлено, что номинации «врага» и «друга» в экстремистском тексте воспринимаются и интерпретируются респондентами в зависимости от их уровня деструктивной установки [Злоказов 2014]. Проблема здесь видится в несоответствии параметров креолизованного текста особенностям когнитивной, эмоциональной, мотивационно-смысловой сфер воспринимающего. Связанным с этим вопросом выступает специфика презентации содержания экстремистского текста. Экстремистская идея выражается в тексте различными языковыми и визуальными средствами. Нередко испытуемые затрудняются воспроизвести содержание листовки или плаката, не говоря уже о его смысле. Сложность вызывают образы историко-культурного характера, попросту не знакомые современной молодежи.

Цель настоящего параграфа — определение и описание структуры креолизованного текста, применяемого для презентации националистических идей в интернет-сообществах. Для ее достижения нами было проведено эмпирическое исследование приблизительно 2800 креолизованных текстов, размещенных в 51 группе националистической ориентации одного из популяр-

ных российских сетевых ресурсов. Задачей стал анализ предметно-содержательных составляющих экстремистской идеи, представленной в графическом виде с текстовым пояснением (в форме демотиватора) или без него. К предметной составляющей нами была отнесена символика текста определенного типа (например, символы националистической, религиозной, спортивной и иных сфер). К содержательной составляющей была отнесена репрезентация эмоций и установок лиц, воспринимающих креолизованный текст.

Теоретические предпосылки. Теоретическим основанием эмпирического исследования выступила концепция личностных репрезентаций «Я — Другой» Е. В. Рягузовой [Рягузова 2012] и концепция метаиндивидуального мира Л. Я. Дорфмана [Дорфман 2004]. Синтез положений концепции метаиндивидуального мира, личностных репрезентаций с уже применяющейся нами моделью позволил определить символические репрезентации как социально-психологические, интерактивные образования, конструируемые в процессе восприятия семантико-символического ряда креолизованного текста. Репрезентации образуют систему значений (вербальных и образных) и определяют формирование установок, стратегии взаимодействия с другими объектами метаиндивидуального мира. Восприятие креолизованного текста — сложный процесс, сопровождающийся возникновением репрезентаций, трансформирующих элементы националистической идеи в виде ментальной репрезентации метаиндивидуального мира реципиента.

Методика исследования. Выполнялся контент-анализ изображений. Его осуществляли 11 экспертов (руководство экспертной группой и сбор эмпирических материалов осуществлял Р. А. Ильиных), просматривая изображения и оценивая их в соответствии со специальными критериями. Каждое изображение анализировалось на предмет:

а) включения графических элементов националистической, религиозной, спортивной, маргинальной, исторической и этнической символики;

б) репрезентации эмоций агрессии и страха;

в) репрезентации идентификационных, патриотических и ксенофобических установок.

Оценка кодировалась в трехбалльной шкале: 1 — «нет», 2 — «вероятно есть», 3 — «точно есть». Полученные от экспертов оценки по каждому изображению усреднялись, рассчитывалась дисперсия ответов. Изображения, имеющие дисперсию более 0,75, в исследование не включались. Всего в исследовании использовалось 2500 изображений, собранных в 51 сообществе националистической направленности. Направленность определялась по названию (например, «Россия 1488», «Безумие 1488», «Фашизм, нацизм, национализм, патриотизм», «М8Л8ТХ»), по содержанию изображений в группе. Последний критерий предполагал оценку в соответствии со статьей 20.3. «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций» [Кодекс 2002].

В работе сознательно не обозначаются чувства «ненависти» и «вражды» как предмет исследования, поскольку: а) в психологическом исследовании не имеют однозначного толкования и нуждаются в дополнительном поиске эмпирических референтов; б) направленность текста на возбуждение каких либо чувств должна вызывать эмоции у субъекта и обозначать предмет, связанный с ними. Возникновение чувств — процесс трансформации эмоции и ее предмета, связанный с читателем, и протекающий на «его стороне» коммуникативного акта. «Непонятый» символ демотиватора не способствует формированию чувства, однако переживание (индукция) эмоции у читателя осуществляется, и может быть физиологически измерена модальность эмоции, время ее возникновения, протекания и угасания. Текст содержит эмоции, не имеющие отчетливого предмета. Например, после просмотра видеофрагмента с элементами насилия испытуемые переживают страх, но не связывают его с лицами, осуществлявшими избиение.

В этой связи нами было принято решение остановиться на двух видах эмоций — агрессии и страхе и изучать их репрезентации в корпусе собранных креолизованных текстов. Общее ко-

личество обследованных интернет-профилей (страниц) составило 354 тысячи. На этом массиве с опорой на анкетные данные были определены половые и возрастные параметры участников националистических групп.

Основные результаты. Для сообществ националистической направленности характерным является преобладание представителей мужского пола (77,7 %). По критерию возраста националистические группы гомогенны — средний возраст участников внутри группы, как правило, совпадает. Общая тенденция видна в том, что националистические убеждения разделяют 69 % лиц старше 18 лет.

Таблица 7.1.1

Половозрастные характеристики участников обследованных националистических групп

Параметры	Половой состав		Возрастной состав			
	мужчины	женщины	до 14	до 16	до 18	старше 18
Количество участников	275292	78791	13555	43093	53077	243763
Процент участников	77,7	22,2	3,8	12,2	15,1	68,8

Безусловно, проведенное «измерение» и представленные данные не могут претендовать на репрезентативность в силу анонимности профилей участников, несоответствия количества социальных страничек участников и реальных пользователей, заявленных половозрастных характеристик и реальных параметров участников. В то же время включение данных и оперирование относительными величинами проводится нами сознательно, поскольку задача исследования — определение половозрастных параметров аудитории, и, как следствие, один из возможных шагов к очерчиванию контуров проблемы экстремистской ориентации российской молодежи. Актуальности этим сведениям придает и тот факт, что альтернативных данных о возрасте и поле лиц, состоящих в националистических группах, разделяющих их идеи, в настоящее время просто нет.

Таблица 7.1.2

**Символика креолизованных текстов
националистической направленности**

Национали- стическая	Религи- озная	Спор- тивная	Марги- нальная	Истори- ческая	Этни- ческая
74,5%	2,7%	5,45%	12,5%	13,15%	11,75%

***Примечание: изображение может содержать символы различных видов, поэтому сумма процентов не равна 100.

В ходе анализа изображений было выявлено преобладание националистической символики (74,5 %) над остальными видами символов. Содержательно подобная тенденция характеризует агрессивно-деструктивную направленность националистической идеи в целом. В то же время существуют индивидуально-специфические различия. В ряде групп маргинальная символика конкурирует с националистической (52 % к 45 %). Объяснение этому видится в специфичном для данных сообществ стремлении призывать к агрессивным действиям, направленным на членов аутгруппы. Между тем в группах «Русский националист», «Россия для русских», «Русское единство [Центр]» часто используются символы этнической тематики. Вследствие этого можно предполагать акцент на этнической идентичности, сплочение по типу сходных черт, стремление к определению, презентации и воспроизведению националистической идеи через ее этническое прочтение.

Каждое изображение не только транслирует символы, но и формирует эмоционально-мотивационные установки у воспринимающего их лица. Количественный анализ репрезентаций (см. табл. 7.1.3.) также позволяет описать некоторые особенности презентации националистической идеи в тексте.

Таблица 7.1.3

Репрезентации эмоций и установок в тексте

Эмоции в креолизованном тексте		Установки в креолизованном тексте		
Агрессия	Страх	Патриотические	Идентифицирующие	Ксенофобические
46,3%	6,05%	26,7%	66,2%	13,4%

Отметим, что преобладающим типом репрезентируемой установки в тексте выступает идентифицирующий, на втором месте — патриотический. Идентифицирующие стратегии, на наш взгляд, обеспечивают сплочение участников националистических групп, систематизируют националистическую символику, выступая своеобразным «знаменателем» текста. В совокупности с националистической символикой, идентифицирующая установка призвана возвращать читателя, зрителя к факту его принадлежности к определенной социальной группе.

Генерализованный тип эмоции в тексте — агрессивный (46,3 % изображений), эмоции страха представлены лишь в 6,05 % изображений. Агрессия — отличительная черта экстремистской идеи, ее «маркер», легко читаемый большинством исследователей. Однако, как показывает контент-анализ, эмоции агрессии массово не представлены в анализируемых изображениях, что свидетельствует о большей вариативности эмоциональных паттернов, наличии некоторой латентной структуры символики текста, факторов, лежащих в основе ее репрезентации. Применение методов математико-статистической обработки данных позволит определить предпочитаемые различными экстремистскими группами способы воздействия на когнитивные установки участников групп.

Для оценки факторов, определяющих символику экстремистского текста, нами был проведен анализ символов и репрезентаций корпуса изображений, характерных для националистических сообществ. Факторный анализ проводился методом главных компонент с варимакс-вращением, оценка факторного решения осуществлялась по критерию каменистой осыпи Кетелла и критерию максимизации дисперсии Кайзера. Оптимальным было признано двухфакторное решение, объединившее факторные веса показателей символики и репрезентаций в два интерпретируемых фактора, объясняющих 56% дисперсии (см. табл. 4).

Структура экстремистского текста в интернет-сообществах
(факторные нагрузки после варимакс-вращения)

Категории	Показатели	Factor 1	Factor 2
Символика текста	Националистическая	0,67	0,26
	Религиозная	-0,25	-0,26
	Спортивная	0,23	-0,07
	Маргинальная	0,00	0,53
	Историческая	0,39	-0,66
	Этническая	-0,88	-0,16
Репрезентаци и эмоций и установок в тексте	Агрессия	0,33	0,68
	Страх	0,15	0,54
	Патриотические	0,36	0,11
	Идентифицирующие	0,81	0,03
	Ксенофобические	-0,90	0,12
Собственное значение		3,27	1,96
Доля дисперсии		29 %	27 %

***Примечание. Значимые факторные веса выделены, показатели округлены до двух знаков.

Психологический смысл факторного анализа — выявить смысловую нагруженность креолизованного текста, дифференцировав при этом символику и репрезентации эмоциональных установок в тексте.

Описывая результаты, проанализируем полученную двухфакторную структуру. Наиболее сильную положительную связь с первым фактором имеют показатели «Националистическая символика» и «Идентифицирующие репрезентации установок»; отрицательную — «Этническая символика» и «Ксенофобические репрезентации установок». Первый фактор был назван нами в соответствии со смыслом показателей, формирующих его положительный полюс, «Репрезентацией идентифицирующей установки националистическими символами». В то же время, анали-

зируя первый фактор, можно отметить, что у националистического экстремистского сюжета может быть иное семантико-эмоциональное наполнение. Он представлен через варианты сочетания с этнической символикой, дополняемой ксенофобической ориентацией установок. Другими словами, возможны два «сюжета» в модели националистического креолизованного текста:

1) выраженный через националистическую символику в сочетании с идентифицирующими установками,

2) выраженный применением этнической символики в сочетании с эмоциональными установками на возбуждение чувства страха перед представителями иных социальных групп, рас, религий.

Данные сюжетные шаблоны являются своеобразными «клише», легко распознаваемыми при изучении корпуса изображений, размещенных в большинстве проанализированных нами националистических сообществ.

Второй фактор образован показателями «Маргинальная символика» и «Историческая символика», факторный коэффициент которого имеет отрицательный знак. Из категории установок в данный фактор входят показатели «Агрессия» и «Страх». Фактор был обозначен нами как «Репрезентация агрессивно-оборонительной установки маргинальными символами».

Действительно, среди проанализированных образчиков креолизованного текста эмоции агрессии и страха сочетаются с символами, ассоциированными с криминальным и уголовным миром, насилием в его различных формах. Экстремистская установка расшифровывается через маргинальный символизм, отражающий, как нам представляется, политическую направленность экстремистской традиции — фальсификацию органов власти и отрицание инструментов принуждения государства. В этом экстремистский текст совпадает с другими видами текстов антигосударственной направленности, становясь в один ряд с текстами общественных движений, напрямую не связанных с националистической идеей. Отметим, что альтернативный сюжет экстремистского текста также возможен. Факторный анализ позволяет нам определить его контуры. В экстремистских обществах распространены тексты, наполненные исторической

символикой с нечетко (нечитаемо) выраженными репрезентациями эмоций и установок. То есть второй вариант реализации сюжета креолизованных текстов экстремисткой направленности заключается в использовании:

1) маргинальной символики (криминальный мотив) в сочетании с эмоциями агрессивно-оборонительного типа;

2) исторической символики с нечетко выраженными установками и эмоциональными репрезентациями.

Проведенный анализ показал, что экстремистские идеи в креолизованном тексте могут быть описаны четырьмя типами сюжетов, сочетающих в себе националистическую и маргинальную символику, этнические и исторические символы. Эмоциональная картина текста — агрессивно-оборонительного типа. Смысловые установки текста — ксенофобические и идентифицирующие.

Выводы. Креолизованный текст — популярный способ распространения экстремистских идей в интернет-сообществах «социальных сетей». Психологической предпосылкой эффективности креолизованного текста выступает его бимодальная природа — сочетание вербальных и невербальных средств передачи информации. Восприятие креолизованного текста — процесс, приводящий к формированию репрезентации. Характеристики эмоционального фона текста и его установок — результат преобразований националистической идеи в виде ментальной репрезентации метаиндивидуального мира воспринимающего лица. Проведенный в ходе исследования факторный анализ позволил охарактеризовать символику и репрезентацию креолизованного текста националистических интернет-сообществ. Несмотря на внешнее разнообразие сюжета, этот вид текста может быть описан четырьмя моделями (сюжетами):

- развитие идентифицирующей установки в сочетании с националистической символикой;
- развитие ксенофобической установки в сочетании с этнической символикой;
- репрезентация агрессии и страха в сочетании с маргинальной символикой;

– демонстрация исторической символики без четко выраженной установки.

Так же отметим, что символика текста не содержит характерных, т. е. включенных в список экстремистских материалов элементов и может быть представлена вне всякого экстремистского контекста.

Проведенное исследование показывает, что креолизованный экстремистский текст не носит выраженной националистической направленности, предполагает демонстрацию всего спектра националистических идей с различными вариантами его обозначения. Важным для анализа экстремистских текстов и понимания механизмов его воздействия выступает изучение вопросов репрезентации смысла респондентами. Расшифровка идеи читателем может быть предпринята в совершенно «неэкстремистском» контексте — это прослеживается в том числе и в степени «размытия» смысловых единиц, вычленяемых экспертами в ходе наших экспериментов.

Влияние на этот процесс оказывает личностный конструкт, обозначаемый в наших исследованиях как «деструктивность личности». Деструктивность в поведении предполагает стремление к разрушению (уничтожению) структур, к которым имеет отношение человек. Поскольку деструктивность рассматривается нами как качество личности, то деструктивность проявляется в стремлении к разрушению социальных структур. Таковыми могут выступать общественные институты и отношения, элементы культуры, традиции и нормы. Ключевое различие между деструктивностью и девиацией в этой плоскости — готовность разрушать, а не преодолевать или игнорировать. Деструктивная личность буквально ориентирована на уничтожение, и чем выше проявление этого качества, тем в большей степени проявляется эта готовность. Экстремистские тексты изобилуют деструктивными идеями, обозначая объект и предмет деструкции, мотивы и цель, приемы, способы и инструменты разрушения. Другими словами, изучая деструктивность личности в ее отношении к тексту экстремистской направленности, мы стремимся объединить текст и читателя, понять стратегии репрезентации смысла,

в конечном итоге спрогнозировать эффект воздействия креолизованного текста.

Закрепление и дальнейшее развитие этих идей далее будет сосредоточено на определении особенностей восприятия креолизованных националистических текстов реципиентами с повышенным уровнем деструктивности. Однако перед этим необходимо описать сущность деструктивности как вида поведения и качества личности.

7.2. Деструктивное поведение личности и экстремизм

Обращаясь к тезису Д. Б. Эльконина о том, что личность в той степени личность, в какой она способна преодолевать саму себя, управлять собой, регулировать собственную активность, необходимо расширить представление о механизмах преодоления, управления и трансформации, присущих человеку. Особенность деструкции как одного из подобных механизмов развития идентичности видится в неизбежном разрушении социальных объектов как способа преодоления затруднения. Деструктивное поведение, как и сам феномен деструктивности, рассматривается нами как форма активности субъекта, связанная с разрушением функционирующих социальных структур. С этой точки зрения субъект обнаруживается в связи со структурой и сам является особого рода структурой. Он реагирует и оценивает другие структуры вне себя, но именно благодаря им он себя и обнаруживает как структурное целое. Гипотетически можно предположить, что деструкция в отношении других явлений — это одновременно способ обнаружения собственной структурированности, либо идентичной остальным людям, либо принципиально отличной от других. Таким образом, деструктивное поведение — форма активности субъекта, направленная на разрушение внешних структур и выстраивание собственного, отличного от других структурного образа (идентичности) [Злоказов 2014б].

Деструктивное поведение не существует вне социального пространства, поскольку именно социальные условия опреде-

ляют способы самопрезентации и саморазвития субъекта в контексте конкретной жизненной (социальной, профессиональной) ситуации. Предпосылки идеи о деструкции как свойстве личности прослеживаются в социальном психоанализе Э. Фромма: «Деструктивность встречается в двух различных формах: спонтанной и связанной со структурой личности. Под первой формой подразумевается проявление дремлющих (необязательно вытесняемых) деструктивных импульсов, которые активизируются при чрезвычайных обстоятельствах, в отличие от деструктивных черт характера, которые не исчезают и не возникают, а присущи конкретному индивиду в скрытой или явной форме всегда» [Фромм 1994: 166].

Деструктивная установка характеризует стремление субъекта к уничтожению, разрушению объектов социального мира [Злоказов 2014в]. К таким объектам относится система социальных отношений, норм и правил, деятельность общественных институтов. Деструктивная установка, в нашем понимании, не просто иррациональная форма агрессии, а скорее способ самовыражения, обозначения субъекта, в наиболее общем виде — способ построения его идентичности. Справедливо и то, что высокая деструктивность возникает за счет готовности субъекта противодействовать чуждому для него опыту идентичности, разрушать его не только в пассивных формах (отчуждение), но и силовыми методами. Разрушение приводит к структурированию индивидуальности, пересмотру отношений между субъектом и обществом.

Традиционно считается, что характер установки оказывает влияние на действия субъекта, способ их регуляции, эффективность [Аверин 1999]. Деструктивная установка преимущественно асоциальна, а ее цель, как правило, не связана с содержанием деструктивной активности. Эффектом деструктивной установки является ее влияние на мировоззрение личности, способствующее отчуждению от общественно значимых ценностей, интересов и идеалов традиционной культуры, сужающее сознание личности, чрезмерно акцентирующееся на определенных ценностях и смыслах.

Нацеленность субъекта на уничтожение противоречащих его ценностной ориентации идей и их носителей — отдельных лиц, социальных групп, рас, наций — дает возможность однозначного определения экстремистской направленности. Экстремистская установка отдельных лиц и групп сопровождается рядом признаков, выделяемых отечественными исследователями: «...слепая вера в правоту своей экстремистской идеологии; ...постоянная готовность к самопожертвованию; склонность к суицидальному поведению и нанесению физического вреда самому себе; фанатизм; ...стремление к самоутверждению и завоеванию авторитета; ...крайняя нетерпимость к инакомыслию, чужой культуре, верованиям и взглядам; склонность к конфликтности, экстремальным ситуациям, острым переживаниям, ...рisku, ...издевательским действиям, насилию, демонстрации своей силы, наведению страха на окружающих, ...физическому уничтожению „врагов“; ...переживании сильных аффективных состояний (они позволяют... временно снизить напряженность эмоционального переживания)...» [Там же].

Таким образом, снижение уровня толерантности, сопровождаемое ригидностью ценностно-смысловой сферы, асоциальной направленностью, — признаки, характеризующие деструктивную направленность личности, проявляющуюся в готовности к совершению экстремистских действий. Для психологической диагностики готовности личности к экстремистским действиям могут быть использованы методы, позволяющие оценить уровень толерантности (толерантность — способность человека к продуктивному социальному функционированию при противоречии его ценностно-смысловых установок общественным), особенности проявления деструктивности и дезадаптации личности.

Следует различать направленность личности, сводящуюся к распространению собственных взглядов, обусловленных субъективной позицией, мнением, и готовность к совершению экстремистских действий, проявляющуюся в их планировании, фактическом приготовлении к ним. Готовность к действию, с психологической точки зрения, характеризуется обдумыванием целей деятельности и разработкой задач для ее достижения,

планированием процесса и его обеспечением ресурсами, корректировкой поставленной цели в зависимости от изменяющейся ситуации. Экстремистская деятельность должна иметь устойчивую мотивацию, поскольку по своему характеру она является антиобщественной, а ее реализация сопровождается определенными трудностями (необходимость конспирации, угроза уголовного наказания, риск увечья, смерти и пр.). Источником мотивации зачастую выступает значимая для индивида группа лиц, а в отдельных случаях референтным может быть и информационный ресурс (текст), подкрепляющий деструктивную направленность индивида. Так, например, религиозные тексты при обращении к ним верующего увеличивают стремление к совершению экстремистских действий, вплоть до самопожертвования.

В целом побуждение к совершению экстремистских действий может быть разделено на «внутреннее», сформированное индивидом, и «внешнее», усвоенное им под воздействием группы, авторитетных для него лиц. Отметим проблему выявления подлинной мотивации к совершению экстремистских действий, ее отделения от притворной, служащей прикрытием для совершения корыстных и насильственных преступлений либо реализацией потребностей личности асоциальным способом. Более подробно анализ побуждений проводится нами на этапе социально-психологического анализа экстремистских групп. При различении видов мотивации к совершению экстремистских действий укажем, что, в отличие от внутренней мотивации, внешняя нуждается в постоянном усилении и укреплении и вне социальных групп фактически теряет свою интенсивность. Данные выводы подтверждаются и криминологической характеристикой экстремистских преступлений, приводимой Д. Н. Ереминым [Еремин 2010].

Для формирования и поддержания экстремистской установки применяются специальные технологии, дезадаптирующие (снижающие нервно-психическую устойчивость и психическое здоровье) членов группы. Создание подходящей для воздействия на личность участника обстановки осуществляется путем

групповых (омассовление сознания) либо индивидуальных (отчуждение субъекта) практик интеграционного (танцы, песнопения, совместные чтения, групповые собрания, шествия) или депривационного (голодание, лишение сна) типа, посредством которых обеспечивается воздействие на установки, убеждения, ценностные ориентации.

Путем воздействия на сознание человека обеспечивается снижение уровня критического восприятия, социального контроля, происходит деиндивидуализация и деидентификация, сопровождающаяся отчуждением не только от привычного образа мыслей, убеждений и верований, но и от системы социальных ролей, в том числе семьи, близких родственников. Однако возможно предположить, что личность в условиях деидентификационных практик может и не сформировать параноийальных убеждений радикальной направленности, а лишь на краткий период времени сохранять новую идентичность, не транслируя экстремистских идей.

Наибольшую опасность представляет внутренняя (интернализованная) установка на совершение экстремистских действий, поскольку по своему характеру она является глубоко интегрированной в систему установок и смысложизненных ориентиров личности и не нуждается во внешнем подкреплении. Примерами могут служить культ самопожертвования «камикадзе», религиозный стереотип «мученика», стойко переносящего любые издевательства и пытки в православии, «шахида» — борца за ислам.

Личными мотивами у лиц, осужденных за экстремизм, нередко являются мотивы мести за близких родственников. В исследовании Д. З. Зиядова и С. А. Абасовой на материале женских исправительных колоний показано, что основной причиной совершения преступлений у женщин-экстремисток является «месть за свою землю, за убитых родственников» [Зиядов, Абасова 2004: 84]. У мужчин, осужденных за совершение экстремистских преступлений, основными мотивами выступают идеологический, статусный и материальный.

Ряд авторов рассматривает эгоистически-нарциссическую мотивацию экстремистских действий, сопровождаемую желани-

ем выступать в роли «спасителя» простых обывателей, избавить их от социальных пороков, влияния политических партий, неподлинных религий, исчезновения расы, нации.

Нередко экстремистская активность связывается с общей маргинализацией личности. Подчеркивается, что маргинальная личность дезориентирована в пространстве социальных ценностей, что проявляется в различных формах «ухода от общества», добровольной самоизоляции. Личность экстремиста находится в конфликте с общепринятыми нормами, что сопровождается отрицанием традиционных социальных отношений, проявлением оппозиции к социальным ценностям и необходимостью создания новых ценностных ориентиров либо присоединения к пространству альтернативных (чаще всего деструктивных) ценностей и правил в качестве субъекта. Зачастую именно так создаются и пополняются новыми участниками альтернативные общественные движения и партии, псевдо(квази)религии и мистические учения, возникают фанатские группы.

В заключение отметим, что экстремистская установка влияет на мировоззрение личности, способствует отчуждению от общественно значимых ценностей, интересов и идеалов традиционной культуры; сужает сознание экстремиста за счет чрезмерной акцентуации на определенных ценностях и смыслах.

Действительно, экстремистское сознание догматично, прямолинейно и ограничено набором четких мыслительных конструкций, объединенных общей деструктивной направленностью. Особенно это заметно у представителей религиозных тоталитарных сект либо экстремистов жертвенного типа, и в частности женского пола. Исследователи отмечают, что женщины испытывают большую зависимость от социального окружения и среды, в которой они находятся. Восприимчивость к экстремистской установке, по мнению К. Отиса, определяется складом личности, уверенной в своей правоте, а также нуждающейся в самоутверждении и испытывающей фрустрацию в удовлетворении личных, экономических и политических нужд. Признание и удовлетворение субъект в большинстве случаев получает посредством устойчивой системы социальных контактов, нефор-

мальной группы, членом которой он является и в развитии которой он испытывает необходимость.

Очевидно, что формирование экстремистской установки невозможно вне пределов системы коммуникации, взаимодействия и, следовательно, неформальной группы. Социальные сообщества в сети Интернет создают предпосылки для возникновения подобных групп, поскольку они ориентированы на группирование аудитории вокруг определенных тем, их публичную поддержку или опровержение. Членство в группе предполагает верификацию человеком экстремистской идеи, транслирование различных способов ее репрезентации (например, размещение баннеров, цитат, изображений, видеофрагментов в доступной для других форме).

Поддержка может демонстрироваться другими действиями, например выражением отношения к информации («лайк», «селфи», «чекин»), а также иными, суть которых — трансляция символики, что является начальным (формальным, поведенческим) этапом идентификации с экстремистской идеей. Более глубокие этапы идентификации, в частности смысловые изменения, сопровождаются трансформацией самосознания и самоотношения («Я»-концепции) читателя.

Для описания этих эффектов в области «Я»-концепции нами анализировалось содержание категорий самосознания «Я» — «Другой». Внимание было сосредоточено на содержании образов самосознания «Друг» и «Враг», трансформируемых, как свидетельствуют исследования, под влиянием экстремистских идей.

7.3. Особенности восприятия экстремистского креолизованного текста в зависимости от деструктивной установки

Влияние экстремистского текста на изменение образов «Врага» и «Друга». В психолингвистике обоснованным является представление о том, что прагматический потенциал текста определяется индивидуально-психологическими свойствами субъекта, опыта его жизни, психического состояния и других

особенностей. Действительно, анализ содержания текста дает возможность лишь приблизительно описать коммуникативный эффект, связанный со структурой самого текста, его организацией и сопутствующими характеристиками. Появление новых жанров — не только позитивный процесс, свидетельствующий о развитии языка, но и негативный, в случае если автор ориентируется на формирование асоциальных идей, стремится к формированию вражды, розни по отношению к представителям других социальных групп, отличающихся по национальному, религиозному, культурному и прочим признакам.

Л. Н. Голиков определяет две коммуникативные цели экстремистского текста: принуждение к выполнению определенных действий; формирование внутреннего убеждения воспринимающего [Голиков 2012]. Семантический уровень экстремистского текста характеризуется контрастностью, облегчающей восприятие и сводящийся к обозначению участников оппозиции и уточнению образов «Враг — друг». Вариативность же образов врага в экстремистском тексте, как показывают исследования М. Б. Ворошиловой, достаточно широка и иногда требует от воспринимающего дополнительного внимания к деталям текста [Ворошилова 2012]. Подобную роль выполняет тег файла (название), текстовые пояснения, зачастую сопровождающие текст и ограничивающие объем возможных интерпретаций. Ранее нами рассматривались аспекты восприятия экстремистского креолизованного текста, в том числе в зависимости от их содержания, способа организации видео- и аудиоряда. В данном параграфе этот предмет будет расширен и уточнен в части изучения содержания образов «Враг» и «Друг» в связи с восприятием экстремистского текста и имплицитными социально-психологическими установками экстремистско-деструктивной направленности.

Методика исследования. Для изучения социально-психологических установок нами использовались: анкета экстремистско-деструктивных установок [Суслонов, Злоказов 2013]; специально разработанные анкеты оценки образов врага и друга — «Враг» и «Друг», содержащие открытые вопросы о сущности образа, его структуре и признаках. Образцом экстремистского

текста служил видеофрагмент «Русское сопротивление — время пришло».

Описание исследования. Заранее, за несколько дней до проведения эксперимента, группа испытуемых ответила на вопросы анкеты экстремистско-деструктивных установок. Цель — исключение интерференции составляющих видеофрагмента на ответы испытуемых. Перед проведением эксперимента группа была разделена на две части. Непосредственно в ходе эксперимента группе испытуемых предлагалось оценить образ врага и образ друга, представив пять его характеристик, далее просмотреть видеофрагмент и после просмотра еще раз ответить на вопросы анкеты «Враг» и «Друг». После завершения данной работы в обеих подгруппах была поставлена задача воспроизведения призывов, которыми был снабжен текст, а также субъективной оценки полезности информации, обоснованности действий главных героев, актуальности в повседневной жизни идей, мыслей, действий, демонстрируемых в видеофрагменте. Выбор конкретного видеофрагмента осуществлялся нами с учетом таких эмпирических параметров, как точность репрезентации смысла, позитивная социализированная оценка, высокий уровень ассимиляции опыта, описанных нами ранее [Злоказов 2011].

Выбранный видеофрагмент представляет собой пятиминутный сюжет, имеющий логически последовательную конструкцию. Первая треть видеофрагмента объединяет новостные сообщения о преступлениях, совершенных гражданами Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана в отношении женщин и детей в Москве; завершается текстовыми обращениями к зрителю: «и ЭТО происходит» / «на ТВОЕЙ земле» / «в ТВОЕМ городе» / «в ТВОЕЙ стране». Далее, в процессе изменения фона с бордово-красного на бело-желто-черный, зрителю демонстрируются фразы «трусливо промолчишь?» / «оставишь дело милиции?» / «понадеешься на продажную власть?». На фоне различных полос белого, желтого и черного цветов появляются фразы: «есть ТЕ, кто даст отпор» / «кто отомстит». Вводятся кадры спортзала и выполняющих физические упражнения со штангой обнаженных по пояс короткостриженных и бритоголовых молодых людей.

Завершающей частью видеофрагмента продолжительностью две с половиной минуты являются новостные сюжеты о нападениях на граждан Киргизии, Таджикистана, судебных процессах о взрыве на Черкизовском рынке в Москве. На этом участке видеофрагмента зрителю демонстрируются фразы «пока ты молчишь, мы выражаем ВОЛЮ народа» / «Мы молодость русской нации» / «МЫ боремся за будущее РУССКОГО народа».

Планируя исследование, мы предполагали, что интерпретация видеофрагмента будет сопровождаться изменением характеристик образов, уже сформированных у субъекта, причем степень изменения будет определяться семантической близостью элементов видео и стимульного материала. Руководствуясь существующими представлениями о ксенофобическом характере видео, мы предложили испытуемым сформулировать характеристики образов «враг» и «друг» и детализовать их, обозначив не менее пяти вариантов объектов, являющихся врагом и другом, указать не менее пяти признаков образа врага и друга.

Опрошенными являлись студенты 2 и 3 курсов Уральского федерального университета им Б. Н. Ельцина (всего 79 человек), выборка равномерно распределена по половому признаку (51 % — юноши, 49 % — девушки). Возраст опрошенных $x = 20$ при $\sigma = 1,29$. Полученные в ходе исследования эмпирические результаты были подвергнуты математико-статистической обработке с применением программы «Statistica for Windows 6.0».

Обсуждение результатов. Опишем динамику составляющих образа «Враг» и «Друг» у испытуемых в связи с просмотром видеофрагмента экстремистской направленности. Отметим, что до просмотра испытуемые обозначали составляющие образа врага и друга наиболее обобщенно, в основном рассматривая социально желательную тематику. Образ «Врага» включает в себя следующие характеристики (сгруппированы по сферам).

Таблица 7.3.1

Образ врага

32 % — негативные качества личности (лень, упрямство, трусость, неуверенность).
24 % — коммуникативные характеристики (вспыльчивость, агрессивность, нетерпеливость).
17 % — интеллектуальные характеристики (глупость, тупость, скудоумие).
16 % — соматические и психически состояния (болезнь, усталость, слабость).
7 % — социальные девиации (преступность, алкоголь, наркотики, деградация общества).
4 % — политические и экономические причины (бедность, налоги, коррупция).

Таблица 7.3.2

Образ друга

29% качества личности (трудолюбие, доброта, любовь, заботливость).
21% социально-психологические характеристики (терпение, сострадание, общительность).
20% интеллектуальные характеристики (компетентность, интеллект, рассудительность).
19% общественные структуры и их представители (семья, институт, сотрудники МВД).
11% политические и экономические факторы (деньги, достаток, стабильный доход).

После просмотра видеофрагмента составляющие образа врага практически полностью (4 утверждения из 5) изменились у 27 % опрошенных, образа друга — у 18 %.

В 61 % ответов, связанных с врагом, отмечались факторы криминальности (преступность, убийства, терроризм), в 34 % — социальные девиации (наркотики, алкоголь, хулиганство), в 5 % — характеристики, сходные с описанными до просмотра.

Образ друга после просмотра видеофрагмента включал в себя 41 % социально-психологических характеристик (толерантность, сострадание, коммуникабельность); 33 % качеств личности (обдуманность, рациональность); 26 % характеристик, сход-

ных по содержанию с описанными до просмотра. Таким образом, влияние видеофрагмента прослеживается в изменении образа врага и друга, в части замены составляющих, в увеличении частоты применения криминальных и девиантных обозначений.

Устойчивость образа изучалась ретестированием группы испытуемых в количестве 27 человек. Через неделю после проведения эксперимента другим исследователем им было предложено определить характеристики образа врага и друга по той же инструкции, что и ранее.

В завершение исследования участникам предлагалось сформулировать тексты призывов, представленных в видеофрагменте. Отметим, что в одной группе испытуемых видеофрагмент был показан один раз, во второй группе он просматривался неограниченное количество раз (все время эксперимента). Такая комбинация условий была выбрана с целью оценки особенностей запоминания текстовой части видеофрагмента через неделю после его предъявления. Группе испытуемых предлагалось вспомнить содержание видеофрагмента и максимально точно воспроизвести призывы, отраженные в нем.

Содержание полученных образов статистически значимо не отличалось от полученного до просмотра видеофрагмента, однако удельный вес категории «социальные девиации» увеличился с 7 до 16 %, что говорит о расширении ее репрезентации опрошенными, актуализации и структурировании негативных объектов. В дальнейшем изучение устойчивости структуры и содержания образов экстремистского текста будет уточнено путем введения дополнительных уровней измерения (когнитивного, аффективно-оценочного, поведенческого), изучения когнитивно-мнемонической сферы опрашиваемых. Была проведена оценка уровня экстремистско-деструктивных установок у тех участников исследования, образ врага у которых после просмотра включал в себя характеристики, приписываемые в видеофрагменте преступникам таджикской, узбекской и киргизской национальности («хачи», «черное быдло», «звери»).

Для этой группы характерны повышенные значения по показателям «деструктивность» при нахождении результатов по

шкалам «национализм» и «ксенофобия» в верхнем (повышенном) диапазоне нормы. Сопоставление средних значений установок «национализм» и «ксенофобия» методом U-критерия Манна — Уитни в группах с высоким и низким значением деструктивности не показало наличие статистически значимых различий по этим показателям. Полученный результат может быть объяснен в том числе и слабостью экспериментального плана — недостаточным количеством участников: например в группу с высоким уровнем деструктивности входило 13 человек, с низким — 11.

Выводы. Исследование прагматики экстремистского текста в проведенном эксперименте сосредоточено на оценке образно-смысловой картины интерпретируемого текста. Выше были рассмотрены результаты экспериментального исследования содержания образов «Враг» и «Друг», модифицированных восприятием экстремистского текста и социально-психологическими установками экстремистско-деструктивной направленности. Нашла эмпирическое подтверждение динамика образов «Враг» и «Друг», произошедшая под влиянием видеофрагмента экстремистского содержания; установлено, что устойчивость структуры и содержания образов во времени связана со способами подкрепления и механизмами запоминания информации. Определено, что уровень деструктивной установки в изученной выборке влияет на степень согласия с экстремистским текстом ($F = 2,98$ при $p < 0,001$). Высокий уровень деструктивной установки приводит к объединению (корреляции) экстремистских высказываний, росту ксенофобии по отношению к представителям других национальностей, религии, культуры.

Влияние деструктивности личности на восприятие экстремистского текста. В качестве эмпирической гипотезы нами было выдвинуто предположение о том, что психологическая интерпретация членов оппозиции «Враг» — «Друг» у субъекта может быть обусловлена интрапсихическими особенностями (установкой, убеждением), а текст выполняет функцию актуализации, подкрепления. В этом случае уровень деструктивности как установки на разрушение чужого будет обуславливать степень согласия с аналогичными призывами.

Для проверки этого предположения нами было проведено отдельное исследование. Для него из корпуса экстремистских текстов были отобраны 12 тезисов, наиболее часто встречающихся в видеофрагментах экстремистской направленности, являвшихся предметом судебной психолого-лингвистической экспертизы (62 видеофрагмента, 2006—2014 гг.). Смысл утверждений оценивался 25 экспертами, в числе которых были сотрудники центров противодействия экстремизму У(ГУ) МВД России различных федеральных округов. Согласованность мнений экспертов о направленности утверждений составила 0,90 (применялся коэффициент α Кронбаха), что является достаточным для подтверждения непротиворечивости содержания и соответствия текстов экстремистскому дискурсу. По результатам обобщения показателей частоты выбора утверждений и их понятности в исследование были включены только шесть:

– «Я против того, чтобы мои дети или внуки вступили в брак с человеком другой национальности, религии или культуры»;

– «Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры»;

– «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами»;

– «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре»;

– «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства»;

– «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

В ходе анкетирования испытуемым предлагалось выразить свое согласие с утверждениями. Для оценки использовалась пятибалльная шкала, где пять баллов означало исключительное согласие, а один балл — несогласие.

Выборкой для проверки гипотезы исследования стали учащиеся старших классов учреждений среднего образования, последних курсов профессиональных училищ и техникумов горо-

дов Екатеринбург, Ревда, Каменск-Уральский — всего 980 человек. Возраст, уровень и вид образования, социальный статус опрошенных выбран на основании криминологической характеристики лиц, обвиняемых и осужденных по статье 282 УК РФ, а также состоящих в группировках экстремистской направленности [Меркурьев, Агапов 2013]. Математико-статистический анализ подтвердил репрезентативность, гомогенность выборки по полу и нормальность распределения ответов испытуемых по шкалам методик, используемых в исследовании.

Описание методов и процедуры исследования. Методами исследования выступали стандартизованный самоотчет выборки испытуемых, математико-статистический анализ эмпирических данных. Методикой исследования являлась анкета социально-психологического анализа экстремистско-деструктивной направленности молодежи (К. В. Злоказов, П. Е. Суслонов, 2012 г.) — анкета, включающая в себя 14 основных вопросов, объединенных по результатам конфирматорного факторного анализа в 4 шкалы (фанатизм, национализм, ксенофобия, авторитаризм). Статистические характеристики модели: $\chi^2 = 55,26$; $df = 29$; $p < 0,004$; $RMSEA = 0,04$; $CFI = 0,976$; $RMR = 0,027$ (применяемые показатели конфирматорных моделей: χ^2 — значение статистики хи-квадрат; df — число степеней свободы; p — значение вероятности статистической ошибки; $RMSEA$ — квадратичная усредненная ошибка аппроксимации (root mean-square error of approximation), RMR — корень среднего остатка; CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера). В дальнейшем изложении затронем интерпретацию высоких значений показателей по шкалам.

Высокие значения по шкале «*Фанатизм*» предполагают сосредоточенность на религиозных идеях, представлениях о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения, использование религиозных канон для объяснения жизненных событий.

Высокие значения по шкале «*Национализм*» предполагают дискриминирующую установку респондента по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным

культурам и социальным нормам. Актуальна деструктивная составляющая национализма — идея о зле: «Добро должно быть с кулаками», одобрение репрессивных методов управления, призывы к радикальным решениям в отношении представителей других национальностей.

Высокие значения по шкале «*Ксенофобия*» характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религии и, вероятно, убеждений. Нежелание контактировать с другими представителями общества может быть обусловлено негативным опытом взаимодействия (например, агрессия и дискриминация со стороны представителей иных религиозных групп, национальностей) либо агрессивно-защитной позицией вытеснения, выдавливания за пределы своего круга социальных контактов.

Высокие значения по шкале «*Авторитаризм*» можно интерпретировать как представления о необходимости стойкости и твердости в отношениях с окружающими. Также содержание шкалы характеризует ригидность личности через описание таких ее признаков, как категоричность суждений, твердость убеждений и неизменность решений. Авторитаризм как свойство личности описывает своеобразный фундамент, связанный с готовностью придерживаться принятого решения, в том числе и противоречащего социальным нормам и общественным интересам.

Для изучения различий в оценке образцов экстремистского текста выборка была разделена нами на две группы (с высокими и низкими значениями по всем шкалам анкеты). Для первичной оценки был проведен ANOVA, показавший, что по всем утверждениям в совокупности обследуемые с высоким уровнем экстремистской установки склонны давать утвердительные ответы, а с низким — отрицательные ($F = 1,909$ при $p < 0,0061$). Как было установлено на всей выборке исследования, статистически значимо коррелируют с баллом оценки согласия (несогласия) с утверждениями показатели всех шкал, что говорит о связи установки и экстремистского текста.

Специфический характер связи прослеживается на полярных группах. Так, у группы с высоким уровнем экстремистской

установки степень согласия с утверждениями статистически значимо коррелирует с показателями шкал «Национализм» ($\tau = 0,47$ при $p < 0,0053$) и «Ксенофобия» ($\tau = 0,55$ при $p < 0,0053$). Вероятно, в восприятии утверждений определенную роль играют установки националистического и ксенофобического оттенка, определяющие мнение исследуемых. У группы с низким уровнем экстремистской установки согласие с утверждениями отрицательно связано со значением шкалы авторитаризма ($\tau = -0,25$ при $p < 0,0059$). Остальные шкалы значимо не коррелировали, что свидетельствует об отсутствии националистических, ксенофобических установок у испытуемых в оценке экстремистского текста.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было рассчитано влияние уровня деструктивной установки опрошенных на согласие с экстремистскими высказываниями ($F = 2,98$ при $p < 0,001$). Характер влияния проиллюстрирован рисунком 7.3.1.

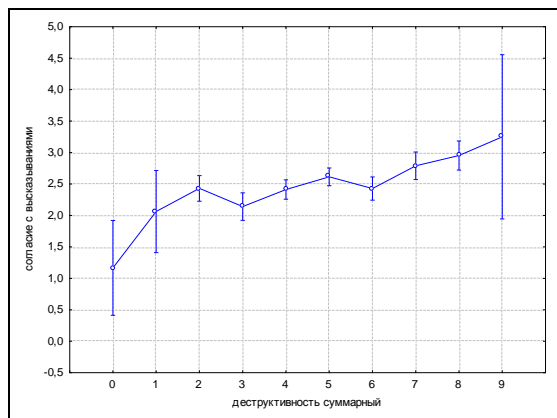

Рис. 7.3.1. Влияние уровня деструктивных установок респондентов на степень согласия с экстремистскими высказываниями

Результаты дисперсионного анализа показывают, что испытуемые с высоким уровнем согласия с экстремистскими утверждениями характеризуются высоким уровнем деструктивных установок, и наоборот, отрицание большинства предъявленных

экстремистских высказываний наблюдается у лиц с низким уровнем деструктивности. Изображение характеристик выборки в виде трехмерной гистограммы дает более точное представление об эффекте (см. рис. 7.3.2). Высокие значения деструктивности (7—9 баллов из 9 возможных) характерны для испытуемых, проявляющих согласие с большинством из экстремистских высказываний. Деструктивность в рамках этого исследования рассматривалась как форма поведения, ориентированная на причинение ущерба окружающим.

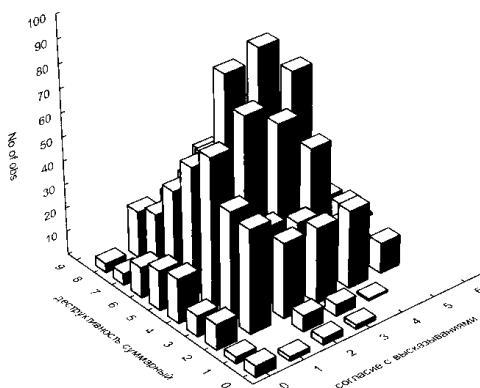

Рис. 7.3.2. Оценка уровня деструктивной установки в связи с согласием с экстремистскими высказываниями

Описывая влияние деструктивной установки на степень согласия с экстремистскими высказываниями, охарактеризуем связи внутри блока экстремистских утверждений. Степень связи будет свидетельствовать о согласованности, целостности экстремистских убеждений субъектов, и тем самым косвенно — об уровне сформированности установок, вплоть до готовности субъекта к совершению конкретных действий. Также связь утверждений можно интерпретировать как симптомокомплекс экстремистской установки, раскрывающий ее содержание. Для изучения этого нами был проведен расчет ранговой корреляции между показателями согласия испытуемых с утверждениями

(путем расчета R Спирмена; результаты по группам представлены в таблице 8).

Из таблицы следует, что в группе со значением показателя деструктивности 8—9 (в таблице соответствует высокому уровню) статистически значимо коррелируют 4 утверждения, в группе со значением показателя деструктивности 1—3 (низкий уровень) значимых корреляций не установлено. Испытуемые с высоким уровнем деструктивности стремятся к максимальному удалению от представителей другой национальности, религии, культуры — они отрицают возможность установления семейных и профессиональных отношений ($R = 0,82$), предположительно из-за неспособности этих лиц соответствовать привычному укладу жизни ($R = 0,81$).

Таблица 7.3.3

Связь утверждений экстремистского характера в группах с высоким ($n = 216$) и низким ($n = 192$) уровнем деструктивной установки

Утверждения	Я против того, чтобы мои дети или внуки вступили в брак с человеком другой национальности, религии или культуры		Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры		Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранцами		Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре	
	Уровень деструктивной установки							
	Низкий	Высокий	Низкий	Высокий	Низкий	Высокий	Низкий	Высокий
Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры	0,13	0,82						

Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами	0,21	0,60	0,00	0,72				
Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре	0,23	0,81	0,07	0,85	0,21	0,68		
Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране, вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства	0,27	0,58	0,17	0,75	0,15	0,44	0,03	0,66

Примечание. Значимые корреляционные связи выделены, значения округлены до двух знаков после запятой.

Представление о том, что иностранные мигранты являются причиной преступности, значимо связано с утверждением о невозможности их адаптации к условиям социальной среды ($R = 0,68$) и указанием на них как на причину кризисной ситуации в российском обществе ($R = 0,44$).

Отметим, что в группе испытуемых с низким уровнем деструктивности значимых корреляционных связей между утверждениями не выявлено, что, вероятно, свидетельствует об их разобщенности и диффузии, отсутствии симптомокомплекса ксенофобических установок, характерного для представителей описанной ранее группы.

Для определения особенностей оценки утверждений в группах испытуемых с высоким и низким уровнем экстремистских

установок был проведен кластерный анализ, позволивший выделить специфические особенности принятия либо отрицания образцов текста испытуемыми. Кластерный анализ проводился методом расчета полной связи (Complete linkage) с евклидовой дистанцией.

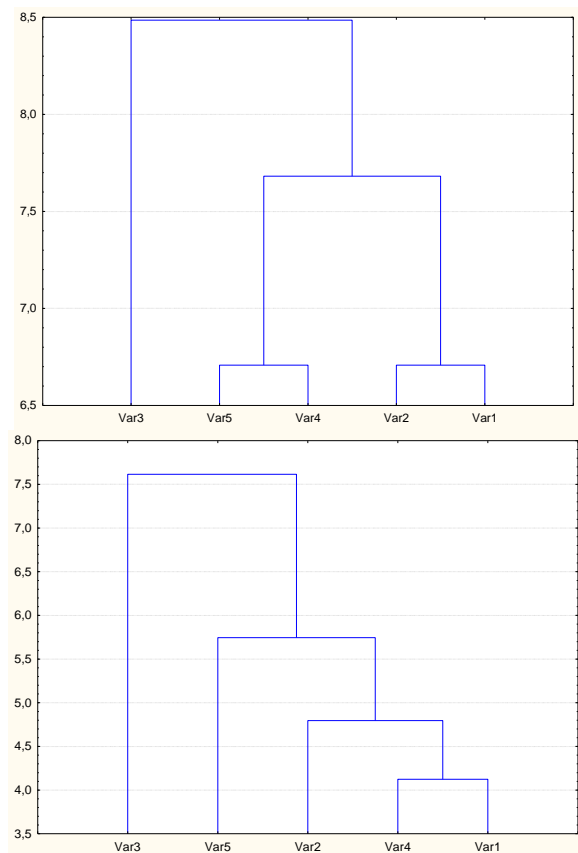

Рис. 7.3.3. Дендрограммы группирования утверждений экстремистского характера

Примечание. Левая группа — высокий уровень, правая — низкий уровень экстремистской установки. Утверждения: var1 — «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами»; var 2 —

«Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре»; var3 — «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства»; var 4 — «Думаю, что основными проблемами русского народа являются пьянство и деградация»; var 5 — «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

Сопоставление кластерных структур показывает, что в ядре кластеров для испытуемых с высоким уровнем деструктивной установки объединяются утверждения по поводу криминальности и потенциальной неадаптабельности «мигрантов», второй кластер объединяет часто встречающиеся в националистической среде идеи о пьянстве и деградации русского народа с представлением о необходимости изгнания всех мигрантов (последнее утверждение встречается в числе лозунгов одной из партий, участвующей в выборах в органы местного самоуправления в г. Екатеринбурге и Свердловской области).

Идея переноса вины за «развал» страны (var3) выходит за пределы кластеризации и является наиболее дистанцированной от сформированных кластерных структур. Данная особенность наблюдается и в выборке опрошенных с низким уровнем экстремистской установки. В этой группе в ядро кластерной структуры включены утверждения о криминальности иностранных мигрантов и деградации русского народа. В дальнейшем, на 3 шаге кластеризации, к ним примыкает утверждение о необходимости изгнания мигрантов и переселенцев.

Обобщая сказанное, отметим, что различия в кластерных моделях демонстрируют как порядок объединения экстремистских идей, так и основания их эмпирической классификации. Высокий уровень экстремистской установки проявляется в активном и агрессивном отрицании представителей иных национальностей, низкий — в объединении идеи «слабой» нации и «негативного влияния других национальностей».

Вероятно, взятые в качестве материала для анализа утверждения содержат в себе скрытые от непосредственного наблюдения структуры, предопределяющие полученные нами результаты и выводы. Действительно, в исследовании невозможно определить иную систему координат вне уже существующей, то

есть заданной применяемым набором утверждений. В реальности палитра утверждений, безусловно, шире. В то же время применение ограниченного набора утверждений и определяемых ими смыслов экстремистской установки позволяет измерить уровень их проявления (выражения). Так, с помощью процедур регрессионного анализа можно предсказать степень согласия обследуемых с перечнем экстремистских утверждений, используя показатели экстремистской установки. Для этого нами применялась множественная регрессионная модель, рассчитанная методом гребневой регрессии с $\lambda = 0,1$. Гребневая регрессия позволяет уточнить вероятность прогноза в ситуации высокой связи анализируемых переменных. Социально-психологические показатели анкеты высоко коррелируют друг с другом ($r > 0,70$ при $p < 0,001$). Свободный член модели нами исключен, поскольку линия регрессии должна проходить через начало координат, ведь отсутствие согласия с утверждениями в нашем случае статистически значимо связано с низкими значениями показателей анкеты. Полученное регрессионное уравнение имеет следующий вид:

Согласие = 0,12 × «Ксенофобия» + 0,09 × «Национализм» + 0,11 × «Авторитаризм»
Параметры уравнения: $R = 0,84$; $R^2 = 0,72$; скорректированное $R^2 = 0,71$; $F(3,248) = 213,36$; $p < 0,0001$; стандартная ошибка оценки — 1,517.

Полученное уравнение позволяет объяснить 72 % дисперсии переменной «Согласие с утверждениями», что говорит о достаточно уверенном прогнозировании уровня согласия испытуемых с экстремистскими утверждениями. Приведем уровни наблюдаемых и предсказанных значений (см. табл. 7.3.4).

Таблица 7.3.4

**Таблица наблюдаемых и предсказанных значений
по полученному регрессионному уравнению**

Значение показателя	Наблюд. значение	Предск. значение	Остатки	Махалан. расст.	Кука расст.
Минимум	0,00	0,88	-3,57	0,23	0,00
Максимум	5,00	3,99	4,00	7,56	0,02
Среднее	2,48	2,25	0,23	1,88	0,00
Медиана	2,00	2,18	0,23	1,78	0,00

Примечание. «Наблюдаемые»: 0 — не согласен со всеми утверждениями, 5 — согласен со всеми утверждениями. «Предсказанные»: усредненное значение согласия в соответствии с показателями шкал «Национализм», «Ксенофобия», «Авторитаризм». «Остатки» — разности между наблюдаемыми значениями и значениями, предсказанными изучаемой моделью. Чем лучше модель согласуется с данными, тем меньше величина остатков.

Расстояние Махаланобиса свидетельствует о значимом отклонении независимых переменных от средних значений по выборке, хотя расстояния Кука незначительно варьируются. В целом уравнение предсказывает уровень согласия респондентов с минимальными и средними значениями экстремистской установки, у опрошенных с высоким уровнем погрешность (дисперсия) оценок обусловлена выбросами. Наличие выбросов характеризует, по всей видимости, парадокс Р. Лапьера, показавшего, что согласие испытуемого с определенными идеями вовсе не означает готовность к действиям во их исполнение [Степанов 2005: 346—347]. Так, из 250 опрошенных с высокими и низкими уровнями националистической и ксенофобической установки 6 согласны с представленными утверждениями, однако не набрали достаточного уровня выраженности по шкалам методики.

Прогностическое значение полученного уравнения заключается в том, что степень согласия респондента с экстремистскими высказываниями связывается с уровнем ксенофобических, националистических установок и авторитарностью.

Обсуждение результатов и выводы по главе. Восприятие текста сопровождается не только формированием его смысловой картины, но и актуализацией смыслов, уточнением или модификацией образа «Я» читателя. Экстремистский текст нагружен эмоциональными и мотивирующими реципиента формулами (призывами и пропагандистскими высказываниями), восприятие которых не может не сопровождаться проявлением когнитивной и рефлексивной составляющих самосознания. В обобщенных нами исследованиях показано, что восприятие эмоционально значимого текста связано с оценочно-идентифицирующими механизмами самосознания воспринимающего, в частности активизирует категории «Друг» и «Враг» в сознании. Ксенофобическая идея экстремистского текста структурирует «образ „Я“» слушателя, позволяет идентифицировать его с латентными категориями социально-психологической общности — нацией, религиозными или политическими идеями социальной группы. Что касается подростков и молодежи, экстремистский текст не только вызывает отклик в сфере эмоциональных процессов и состояний воспринимающего субъекта, но и влияет на культуру повседневности, структурируя в виде опыта жизнедеятельности, ценностей и норм. Рассуждая в пессимистическом ключе, можно утверждать, что с насыщением информационного пространства аудиовизуальная культура экстремистского текста трансформируется в повседневную культуру современной молодежи.

Исследование базировалось на идее о взаимообуславливании воспринимающего и воспринимаемого в современном информационном пространстве, гипотетически объединяющей развитие интерпретационных возможностей субъекта, формирование самосознания субъекта и совершенствование текста. Цель исследования связана лишь с частью сформулированных в теоретическом анализе гипотез и была направлена на описание и уточнение роли психологических особенностей реципиента в репрезентации экстремистского текста.

Полученные методами математико-статистического анализа выводы свидетельствуют об успешной детализации цели. Так,

националистически и ксенофобически ориентированные участники опроса предпочитают символику коловрата, серпа и молота, подчеркивая стремление к тотальности собственного сознания и самосознания, атрибутируют формы государственного управления (монархия, авторитарность) в соответствии с тенденциями доминирующих экстремистских установок. Оценка методом социальной дистанции по Богардусу показывает, что испытуемые с преобладанием националистических и ксенофобических идей стремятся максимально отдалиться от представителей других наций, политических и религиозных взглядов.

При определении степени согласия с экстремистским текстом корреляционный и дисперсионный анализ обнаруживает связь мнения испытуемых с уровнем выраженности установок, а различия в кластерных структурах характеризуют деструктивный (активно-агрессивный) либо отчуждающий (пассивно-агрессивный) тип категоризации утверждений.

Регрессионный анализ демонстрирует взаимозависимость согласия испытуемых с утверждениями экстремистской направленности и уровня ксенофобических, националистических и авторитарных установок и с определенной степенью точности позволяет предсказать ассимиляцию смысловых единиц экстремистского текста.

Эти выводы предполагают дальнейшее движение исследовательских интересов — к вопросу о динамике самосознания реципиента в связи с восприятием экстремистского текста, качестве изменений в категориях интерпретации текста, эффектах экстремистского призыва и пропаганды, формировании когнитивных структур и саморазвитии субъекта в аспекте экстремистского дискурса.

В заключение подведем основные итоги. Понимание текста — процесс, определенный психологическими особенностями субъекта, его актуальными переживаниями, степенью удовлетворения потребностей либо фрустрацией, психоэмоциональным состоянием. Изучение особенностей понимания экстремистского текста — важное в научном и прикладном аспекте направление комплексных психолингвистических исследований. Прагматика

экстремистского текста асоциальна, а в правоохранительном смысле уровень ее выражения является еще и предметом судебного-экспертного оценивания и административного или уголовного преследования. Поэтому наша исследовательская работа сосредоточена в первую очередь на изучении перлокутивного потенциала экстремистского текста в аспекте модификации смысловых структур реципиентов.

Обобщая дальнейшие исследовательские перспективы и направления исследования, можно предположить, что реконструкция смысла экстремистского текста должна рассматриваться в неразрывной связи с личностью воспринимающего ее субъекта. Интерпретация смысла экстремистского текста успешно осуществляется тогда, когда структура и содержание текста соответствуют особенностям сознания и восприятия деструктивной личности. Данная гипотеза формулируется нами на основе положения о связи структуры созданного личностью текста и черт акцентуированной личности [Белянин 2006]. Предполагается, что интерпретация экстремистского текста в результате построения смысловой структуры текста может быть представлена в виде нескольких типов эмоционально-смысловых доминант и, в дальнейшей исследовательской перспективе, связана с лексико-семантическими предикторами деструктивной установки читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин, В. А. Психология личности : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. — 89 с.

2. Бакина, А. В. К вопросу о психологических критериях экспертной оценки экстремистской направленности текста / А. В. Бакина, И. Ю. Махова // Наука и мир. — 2014. — Т. 3, № 2 (6). — С. 178—183.

3. Белянин, В. П. Психолингвистическая идентификация типологических черт личности в художественных текстах : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 «Общ. психология, психология личности, история психологии» / Белянин В. П. — М., 2006. — 42 с.

4. Ворошилова, М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте [Электронный ресурс] / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : вторая интернет-конф. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_

2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/voroshilova_m_b_chernaja_chuma_nominacii_vraga_v_ehkestremistskom_tekste/5-1-0-119 (дата обращения: 21.08.2013).

5. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2007. — № 3 (23). — С. 73—78.

6. Гагина, О. В. Психолого-лингвистическое исследование кратких текстов (в том числе креолизованных) по делам, связанным с противодействием экстремизму (на материале демотиваторов) / О. В. Гагина, В. О. Кузнецов, Ю. Н. Зубкова // Теория и практика судебной экспертизы. — 2013. — № 2 (30). — С. 43—44.

7. Голиков, Л. М. Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. — 2012. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ehkestremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 02.03.2013).

8. Дорфман, Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция / Л. Я. Дорфман // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под. ред. Л. Я. Дорфмана. — М. : Смысл, 2004.

9. Злоказов, К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 210—216.

10. Злоказов, К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 210—216.

11. Злоказов, К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 265—272.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 : № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 7 янв. — № 1, ч. 1. — Ст. 1. (с послед. изм. и доп.).

13. Меркурьев, В. В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества / В. В. Меркурьев, П. В. Агапов // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 26—35.

14. Мусаелян, М. Ф. О личности экстремиста / М. Ф. Мусаелян // Военно-юридический журнал. — 2010. — № 2. — С. 22—23.

15. Рягузова, Е. В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я-Другой» : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Рягузова Е. В. — Саратов, 2012. — 49 с.

16. Секераж, Т. Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме / Т. Н. Секераж // Психология и право. — 2011. — № 2. — С. 1—9.

17. Степанов, С. С. Популярная психологическая энциклопедия / С. С. Степанов. — М. : Эксмо, 2005. — С. 346—347.

18. Сулонов, П. Е. Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде / П. Е. Сулонов, К. В. Злоказов // Российский научный журнал. — 2013. — № 5 (36). — С. 219—224.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психолого-лингвистическое исследование экстремистского текста — междисциплинарное научное направление, появившееся в российской лингвистике сравнительно недавно. Востребованность в деятельности правоохранительных органов концентрирует внимание ученых и экспертов-практиков на вопросах методологии и методики подобных исследований. Можно предполагать, что проблема изучения экстремистского текста представляет собой «зону ближайшего» развития науки в ее позитивном виде — социально значимой проблемы, находящей свое решение в синергии современных филологических и психологических методов познания. Текст и контекст, автор и читатель, идея и действие, взятые в проекции экстремистского дискурса, позволяют переосмыслить и уточнить теоретические представления психологии и лингвистики.

Особую роль в этом процессе играют эмпирические исследования. В практическом смысле эмпирическое исследование ориентировано на получение конкретных сведений о сущности экстремистского текста: например, о наличии признаков, свидетельствующих о собственно экстремистском содержании. В теоретическом смысле эмпирическое исследование экстремистского текста — путь определения закономерностей, обобщения и предсказания этого явления. В эмпирическом познании феномен экстремистского текста предельно операционализирован, т. е. доступен для анализа методами, предполагающими измерение. Результатом познания становится эмпирическое понятие, конструкт. Одновременно экстремистский текст является способом верификации метода, оценки валидности и надежности инструментария, применяемого для производства практических исследований.

В ходе знакомства с работой читатель мог отметить, что она базируется на эмпирических исследованиях, а ее авторы ориентируются на изучение особенностей экстремистского текста религиозной, социальной и политической направленности. Пони-

мая, что семантика экстремистского текста неразрывно связана с автором и читателем, особое внимание мы уделили стратегиям и тактикам воздействия текста, особенности восприятия и интерпретации экстремистских идей разновозрастными категориями субъектов.

Результаты эмпирического анализа позволяют уточнить существующие лингвистические конструкты — коммуникативные стратегии и тактики экстремистских текстов религиозной направленности, номинации врага и друга в националистическом экстремистском дискурсе, когнитивную базу молодежного националистического и политического экстремистского дискурса.

Выводы могут быть сформулированы в отношении оценки влияния экстремистского текста националистической и религиозной направленности на самосознание читателя.

Измерение когнитивных и аффективно-оценочных составляющих текста позволяет определить характер ассимиляции смысла экстремистского текста читателем. Так, восприятие эмоционально значимого текста обуславливает оценочно-идентифицирующие механизмы, в частности активизирует и модифицирует содержание категорий «Друг» и «Враг» в сознании читателя. Ксенофобическая установка в экстремистском тексте структурирует «образ „Я“» читателя, запуская процесс идентификации с социально-психологическими категориями, например нацией, народом, а также идеями, призывами.

Вводится представление о деструктивности личности и ее вкладе в восприятие и интерпретацию экстремистского текста.

Деструктивность определяется нами как свойство личности, реализующее стремление к самовыражению, самоопределению путем разрушения объектов социального мира. Деструктивность — это способ построения идентичности путем разрушения уже сформированных социальных структур и отношений. Экстремистская деятельность деструктивна, как и реализующий ее субъект, однако их отождествление не будет верно. Деструктивность может быть реализована не только экстремистским путем, другими словами, экстремизм — это одно из ее возможных воплощений. Поэтому прямую связь между уровнем деструктивности

и готовностью к экстремистским действиям установить не удастся. Вместе с тем результаты наших исследований показывают, что деструктивность и экстремистский текст взаимообуславливают друг друга.

Так, деструктивность влияет на характер реконструкции смысла экстремистского текста читателем — деструктивный (активно-агрессивный) либо отчуждающий (пассивно-агрессивный). Определено, что уровень деструктивной установки читателя влияет на степень его согласия с экстремистским текстом. Высокий уровень деструктивной установки приводит к объединению (связи) экстремистских идей в сознании читателя и, как следствие, к росту ксенофобии по отношению к представителям других национальностей, религии, культуры.

Методологический и методический результат эмпирической работы видятся в разработке методов оценки воздействующего потенциала текста путем контент-анализа видеофрагментов, сопровождаемого психологической диагностикой процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализом его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеофрагментов.

Авторы полагают, что сделанные обобщения, предложенные методология и методики эмпирических исследований могут лечь в основу дальнейших исследований в области изучения экстремистского текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин, В. А. Психология личности : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. — 89 с.
2. Авшалумова, Л. Х. Национальный экстремизм и его проявления [Электронный ресурс] / Л. Х. Авшалумова. — Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/nacionalnyy-ekstremizm/item/623-nationalnyy-ekstremizm-i-ego-proyavleniya> (дата обращения: 7.02.2012 г.).
3. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно ; под общ. ред. д-ра филос. наук В. П. Култыгина. — М. : Серебряные нити, 2001. — 416 с.
4. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005.
5. Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 1 / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхьяева, А. М. Муртазалиева, К. М. Ханбабаева. — Махачкала : Лотос, 2008.
6. Александр Дворкин как антирелигиозный тип [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://religiousfreedomwatch-ru.org/religious-extremists/alexander-dvorkin>.
7. Амирокова, Р. А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России : дис. ... канд. полит. наук / Амирокова Р. А. — Черкесск, 2006. — 150 с.
8. Араева, Л. А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Исследование. 2006. № 4, апр.
9. Аругюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Аругюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990б. — С. 136—137.
10. Ахметов, У. Н. Назначение и производство судебных экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистской направленности / У. Н. Ахметов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. — 2010. — № 1. — С. 473—482.
11. Ахьяев, М. Особенности экстремистского поведения [Электронный ресурс] / М. Ахьяев. — 2008. — Режим доступа: <http://www.dagpravda.ru/?com=materials&task=view&page=material&id=821> (дата обращения: 20.04.2013).

12. Баева, Л. В. Экстремизм и формы проявления [Электронный ресурс] / Л. В. Баева. — Режим доступа: http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_extremizm.pdf (дата обращения: 20.04.2013).
13. Базылев, В. Н. Как наше слово отзовется? / В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин // Российская юстиция. — 1998. — № 4—7.
14. Бакина, А. В. К вопросу о психологических критериях экспертной оценки экстремистской направленности текста / А. В. Бакина, И. Ю. Махова // Наука и мир. — 2014. — Т. 3, № 2 (6). — С. 178—183.
15. Балукова, Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос“» / Н. А. Балукова, Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 199—208.
16. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. — М., 2007.
17. Батхен, Н. Иметь или не иметь? — идеология чайлддрфи движения [Электронный ресурс] / Н. Батхен. — 2009. — Режим доступа: <http://www.mainplace.ru/lifestyle/notbored/lifestyle/imet-ili-ne-imet/> (дата обращения: 20.04.2013).
18. Беликов, С. Политический экстремизм в молодежной среде / С. Беликов // Материалы «круглого стола» «Молодежь и политика» в МГУ им. М. В. Ломоносова, апрель 1999. — М., 1999. — С. 34—41.
19. Белоконева, А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02 / Белоконева А. С. — М., 2004.
20. Белянин, В. П. Психолингвистическая идентификация типологических черт личности в художественных текстах : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 «Общ. психология, психология личности, история психологии» / Белянин В. П. — М., 2006. — 42 с.
21. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические с параллельными местами. — М.: Библейская лига, 2002. — 925 с.
22. Бидова, Б. Б. Преступления, квалифицированные наличием экстремистских мотивов / Б. Б. Бидова // Молодой ученый. — 2013. — № 11. — С. 515—518.
23. Бобровский, С. Эволюция и искусственная жизнь / С. Бобровский // РС WEEK/RE. — 2005. — № 4. — С. 32—33.
24. Большакова, Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) [Электронный ресурс] / Л. С. Большакова // Современные проблемы

- науки и образования. — 2008. — № 2. — С. 119—123. — Режим доступа: www.science-education.ru/21-703 (дата обращения: 26.05.2011).
25. Большой толковый словарь русского языка = БТСР / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2009. — 1536 с.
26. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
27. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004. — 1456 с.
28. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза : справочные материалы / К. И. Бринев. — Барнаул ; Кемерово : РОО АК АЛЭП «Лексис», 2009. — 17 с.
29. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко ; под ред. В. Н. Сивчиков, Р. И. Шастак. — 2-е изд., испр. — М. : Мартин, 2008. — 704 с.
30. Бурковская, В. А. Криминальный экстремизм в современной России / В. А. Бурковская. — М., 2005.
31. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. — СПб. : Питер, 2001.
32. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб. : Питер, 1997.
33. В Крыму начались преследования отказников от паспортов РФ — эксперты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fakty.ua/181992-v-krymu-nachalis-presledo-vaniya-otkaznikov-ot-pasportov-rf-eksperty> (дата обращения: 20.05.2014).
34. Великое Белое Братство ЮСМАЛОС. — Режим доступа: <http://www.usmalos.com>.
35. Вехов, И. В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Вехов И. В. — СПб., 2011.
36. Википедия : свободная энцикл. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
37. Ворошилова, М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 94—99.
38. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2007. — № 3 (23). — С. 73—78.
39. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург, 2013.
40. Ворошилова, М. Б. Проснись, Россия: метафорический потенциал современного российского молодежного экстремистского дискурса /

- М. Б. Ворошилова // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / отв. соред. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. — Алматы ; Кемерово ; Витебск ; Бишкек, 2014. — С. 473—481.
41. Ворошилова, М. Б. Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследования / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. — Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. — С. 83—89.
42. Ворошилова, М. Б. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, А. А. Карапетян // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1 (43). — С. 181—190.
43. Ворошилова, М. Б. Русское лото 18 из 1488: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Уральский филол. вестн. / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». / гл. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2013. — Вып. 4. — С. 69—82.
44. Ворошилова, М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика. — 2012. — № 1 (12). — С. 67—72.
45. Ворошилова, М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте [Электронный ресурс] / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : вторая интернет-конф. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/voroshilova_m_b_chernaja_chuma_nominacii_vraga_v_ehkstremistskom_tekste /5-1-0-119 (дата обращения: 21.08.2013).
46. Гагина, О. В. Психолого-лингвистическое исследование кратких текстов (в том числе креолизованных) по делам, связанным с противодействием экстремизму (на материале демотиваторов) / О. В. Гагина, В. О. Кузнецов, Ю. Н. Зубкова // Теория и практика судебной экспертизы. — 2013. — № 2 (30). — С. 43—44.
47. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : Наука, 1981.
48. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасанов. — М., 1994.
49. Гертц, Р. Н. Политический экстремизм: позиция видения в современной научной литературе / Р. Н. Гертц // Грамота. — 2011. — № 4 (10). — С. 43—47.

50. Голиков, Л. М. Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] / Л. М. Голиков // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. — 2012. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 02.03.2013).
51. Горжалцан, Е. Как заставить общество полюбить канныализм / Е. Горжалцан. — Режим доступа: <http://polemika.com.ua/article-136241.html> (дата обращения: 19.05.2014).
52. Грищенко, А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная моногр. / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 175—187. — (Труды / Урал. МИОН ; вып. 20).
53. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. / Л. Гудков. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
54. Гурина (Маланцева), О. Д. Психолого-лингвистическая экспертиза публичных выступлений (на примере дела об экстремизме) [Электронный ресурс] / О. Д. Гурина (Маланцева) // Психология и право. — 2012. — № 1. — Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50335.shtml> (дата обращения: 26.05.2014).
55. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А. Л. Дворкин. — Н. Новгород : Христианская библиотека, 2006. — 814 с.
56. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования [Электронный ресурс] / А. Л. Дворкин. — Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/?page=book&id=914>.
57. Димлевич, Н. Р. «НЕТ!» Информационному терроризму в Интернете [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.truenet.info/analitika> (дата обращения: 28.08.2012).
58. Должно ли общество что-то противопоставить философии движения «Чайлд фри»: мнения [Электронный ресурс] // Rex : информационное агентство : сайт. — 2012. — 23 нояб. — Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/31440.html>.
59. Дорфман, Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция / Л. Я. Дорфман // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под. ред. Л. Я. Дорфмана. — М. : Смысл, 2004.
60. Евтюшкин, А. Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2009.

61. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: материалы 1980—1990 гг. / В. С. Елистратов. — М. : Русские словари, 2000.
62. Еремин, Д. Н. Проблемы типизации личности экстремиста (по материалам Северо-Кавказского региона) [Текст] / Д. Н. Еремин // Вестник Калининградского юридического института МВД России. — 2010. — № 3. — С. 17—19.
63. Ермакова, Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием [Электронный ресурс] / Е. С. Ермакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики : сайт. — Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a>.
64. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — М. : Русский язык, 2000.
65. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1. А—Л / Т. Ф. Ефремова. — АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
66. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. — М. ; Волгоград: ПринТерра, 2003. 131 с.
67. Злоказов, К. В. Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 236—241.
68. Злоказов, К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 210—216.
69. Злоказов, К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 265—272.
70. Израильяне: оскорбление пророков — тягчайший грех [Электронный ресурс] // Биржевой лидер. — Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008138442.html>.
71. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.
72. К истине : мисонерско-апологетический проект. — Режим доступа: http://www.k-istine.ru/sects/iegova_witness.
73. Кантеров, И. Я. Тоталитарные секты и культы / И. Я. Кантеров // Энциклопедия религий. — М. : Академический проект, 2008.
74. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М., 2000.
75. Киселев, Ю. В. Информационные угрозы экстремизма в отношении детей и молодежи [Электронный ресурс] / Ю. В. Киселев,

- П. А. Кисляков. — 2012. — Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum/2012/275/1637> (дата обращения: 24.08.2012).
76. Клушина, Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Н. И. Клушина // Медиа-скоп : электронный науч. журн. — 2012. — № 4. — Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1242>.
77. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 : № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 7 янв. — № 1, ч. 1. — Ст. 1. (с послед. изм. и доп.).
78. Кодекс РФ об административных правонарушениях. Ст. 20.3. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики.
79. Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3. с. 185-203
80. Косарев М. Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму : учеб.-практ. пособие / М. Н. Косарев, И. С. Суханова — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. — 56 с.
81. Космин, Ю. Росія їхньої мрії [Электронный ресурс] / Ю. Космин. — Режим доступа: http://lb.ua/news/2014/05/21/267176_rosiya_ihnoi_mrrii.html (дата обращения: 21.05.2014).
82. Котов, А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Котов Артемий Александрович. — М., 2003. — 24 с.
83. Кроз, М. В. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; Московское бюро по правам человека.. — М. : Academia, 2007.
84. Кроз, М. В. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. — М. : Academia, 2005.
85. Крысин, А. П. Толковый словарь иноязычных слов / А. П. Крысин. — 6-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2005. — 944 с.
86. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 90—106.
87. Лабунец, М. И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация : дис. ... канд. полит. наук / М. И. Лабунец. — Ростов н/Д, 2002. — 141 с.
88. Лазарева, Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты / Э. А. Лазарева. — Екатеринбург, 1993.
89. Лазебная, И. Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лазебная И. Б. — Белгород, 2007.

90. Левитов, Н. Д. Психологическое состояние агрессии / Н. Д. Левитов // Вопросы психологии. — 1972. — № 6. — С. 168—173.
91. Леонтьева, С. Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Леонтьева С. Г. — Тверь, 2006.
92. Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М., 1994.
93. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : моногр. / А. В. Манойло. — М. : МИФИ, 2003.
94. Мартыанов В. С., Фишман Л. Г. Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? // Новый мир. 2008, №11. с.132-152.
95. Мельник, Д. С. Актуальные вопросы законодательного обеспечения борьбы с экстремизмом [Электронный ресурс] / Д. С. Мельник // Концепт. Сер.: Современные научные исследования, вып. 2. — 2014. — ART 55217. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/55217.htm>. — Гос. рег. эл No ФС 77-49965. — ISSN 2304-120X.
96. Меркурьев, В. В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества / В. В. Меркурьев, П. В. Агапов // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 26—35.
97. Методические рекомендации о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды // Национальная газета. — 2002. — № 8—12 (58—62).
98. Миллер, А. О дискурсивной природе национализмов / А. Миллер // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2, № 4. — С. 141—151
99. Морозов, И. Л. Политический экстремизм в современной России — новые тенденции / И. Л. Морозов // PolitBook. — 2012. — № 3. — С. 97—107.
100. Мусаелян, М. Ф. О личности экстремиста / М. Ф. Мусаелян // Военно-юридический журнал. — 2010. — № 2. — С. 22—23.
101. Нахимова, Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2 (32). — С. 122—127.
102. «Невинность мусульман» — искра для пороховой бочки («Le Figaro», Франция) [Электронный ресурс] // Иносми. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20120913/199110889.html>.
103. «Невинность мусульман» поставила США на распутье: глобальная война или закат империи [Электронный ресурс] / В. Коровин // Око планеты. — Режим доступа: <http://oko-planet.ru/politik/politiklist/1386>

90-nevinnost-musulman-postavila-ssha-na-raspute-globalnaya-voyna-ili-zakat-imperii.html.

104. Новый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М. : Русский язык, 2000. — 1233 с.

105. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон № 114-ФЗ : принят 25 июля 2002 г. // Российская газета. — 2002. — 30 июля. — № 138—139.

106. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : Постановление пленума Верховного суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. — Режим доступа: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=7315 (дата обращения: 21.03.2012).

107. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г.

108. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 г. Москва.

109. Общие сведения о состоянии преступности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 23.08.2014).

110. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 2003. — 944 с.

111. Осадчий, М. А. Использование лингвистических познаний в исследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс] / М. А. Осадчий // Право и безопасность. — 2007. — № 3—4 (24—25), дек. — Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm (дата обращения: 20.11.2012).

112. Осауленко, М. «Когда я в интернете сказала, что хочу остаться гражданкой Украины, мне ответили: «Ты никто и зовут тебя никак» / М. Осауленко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fakty.ua/181647-kogda-ya-v-internete-skazala-cto-hochu-ostatsya-grazhdankoj-ukrainy-mne-otvetili-ty-nikto-i-zovut-tebya-nikak> (дата обращения: 20.05.2014).

113. Оселков, А. А. Психологические особенности влияния на студентов высших учебных заведений материалов экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Оселков А. А. — Ростов н/Д, 2011.

114. Оселков, А. А. Содержание судебно-психологического экспертного исследования проявлений экстремистской направленности / А. А. Оселков // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений : материалы

- 15 Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12—13 мая 2009 г.) / под ред. д-ра ист. наук., проф. С. Н. Полторака. — СПб. : Нестор, 2009. — С. 64—68.
115. Основы психофизиологии : учеб. / отв. ред. Ю. И. Александров. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 349 с.
116. Паин, Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э. А. Паин // *Общественные науки и современность*. — 2002. — № 4. — С. 113—124.
117. Першина, О. Чайдффри приравняли к экстремистам [Электронный ресурс] / О. Першина // *Neva24* : сайт. — 2013. — 15 февр. — Режим доступа: http://www.neva24.ru/a/2013/02/15/CHajldfri_priravnjali_k_jeks/.
118. Петиция о признании России спонсором терроризма досрочно набрала 100 тыс. голосов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nr2.com.ua/index.php/content/83-ukraina-i-evropa/475-petitsiya-o-priznanii-rossii-sponsorom-terrorizma-dosrochno-nabrала-100-tysyach-golosov> (дата обращения: 20.05.2014).
119. Петренко, В. Ф. Структура сознания в речевом воздействии / В. Ф. Петренко // *Оптимизация речевого воздействия* / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова [и др.] ; отв. ред. Р. Г. Котов ; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1990. С. 18—31.
120. Пиджаков, А. Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения / А. Ю. Пиджаков // *Правоведение*. — 2003. — № 3 (248). — С. 234—244.
121. Понятие «экстремизм»: результаты социологического опроса фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_terr/dd002628 (дата обращения: 09.03.2012).
122. Попов, А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов / А. Попов // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах* / ред. Марта Олкотт, В. Тишков. — М. : Московский центр Карнеги, 1997. — С. 273—297.
123. После оккупации Россией Крыма беженцами стали более 7 тыс. крымских татар [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fakty.ua/181794-posle-okkupacii-rossii-kryma-bezhencami-stali-bolee-7-tys-krymskih-tatar> (дата обращения: 20.05.2014).
124. Пренко, Л. И. К вопросу о семантике французских этнофолизмов // *Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру; 8 симпозиум «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира»* : тез. докл. 4-го Междунар. конгресса (21—24 сент. 2004 г.). — Пятигорск, 2004.
125. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 нояб. 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности».

126. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) : сб. материалов социол. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.
127. Ратинов, А. Р. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений / А. Р. Ратинов, Л. П. Коньшева, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Юридическая психология : сб. науч. тр. / под ред. Г. Х. Ефремовой, О. Д. Ситковской. — М., 2005. — Вып. 3, ч. 1. — С. 63—83.
128. Ратинова, Н. А. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты / Н. А. Ратинова, М. В. Кроз // Теоретические вопросы судебной экспертизы. — 2013. — № 1 (29). — С. 35—42.
129. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : утв. зам. Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999 [Электронный ресурс] // Национальная газета. — 2002. — № 8—12 (58—62). — Режим доступа: http://antirasizm.ru/doc/publ_104.doc.
130. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999.
131. Религии и секты в современной России [Электронный ресурс] : справочник. «Церковь» Сайентологии («Дианетика») // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской епархии Русской Православной Церкви. — Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/directory/64.html>.
132. Реутов, Е. В. Причины распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде / Е. В. Реутов // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) : сб. материалов социол. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008.
133. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Наука, 1990. — 136 с.
134. Римский, А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления / А. В. Римский, А. В. Артюх // Научные ведомости Белгор. гос. ун-та. — 2009. — № 16 (71). — С. 244—249.
135. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер-пресс, 1998.

136. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Астрель : АСТ, 2002.
137. Рягузова, Е. В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я-Другой» : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Рягузова Е. В. — Саратов, 2012. — 49 с.
138. Саентология в Киеве и Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://scientology.org.ua/scientology>.
139. Сазанов, В. М. Социальные сети как новая общественная сфера. Системный анализ и прогноз / В. М. Сазанов. — М. : Лаборатория СВМ, 2010.
140. Сандомирский, М. Мнение [Электронный ресурс] // Социальные сети делают людей безответственными / С. Козловский // Мнения.Ру : сайт. — 2011. — 15 нояб. — Режим доступа: <http://mnenia.ru/rubric/tech/socialnye-seti-delayut-lyudey-bezotvetstvennymi/>.
141. «Свидетели Иеговы» в России, 2008. — Режим доступа: http://www.jw-russia.org/history/pbrus_u.pdf.
142. Секераж, Т. Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме / Т. Н. Секераж // Психология и право. — 2011. — № 2. — С. 55—65.
143. Селиварова, Е. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд [Электронный ресурс] / Е. Селиварова. — 2010. — Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446 (дата обращения: 20.04.2013).
144. Сергеева, Е. В. Проблема выявления речевого манипулирования при проведении лингвистической экспертизы «экстремистских» сайтов Интернета (на примере файла «LEZGINKA.flv») [Электронный ресурс] / Е. В. Сергеева. — Режим доступа: www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/sergeeva.html.
145. Сергун, Е. П. Актуальные вопросы теории и практики применения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» / Е. П. Сергун // Правовая культура. — 2011. — № 1. — С. 104—111.
146. Сериков, А. Пятиминутка ненависти к «рожающему быдлу» [Электронный ресурс] / А. Сериков. — 2010. — Режим доступа: <http://old.win.ru/topic/3686.phtml> (дата обращения: 20.04.2013).
147. Стадников, М. Г. Коммуникативная структура экстремистского текста [Электронный ресурс] / М. Г. Стадников. — 2012. — Режим доступа: http://rus.jf.spbu.ru/upload/files/file_1333960893_1391.doc (дата обращения: 28.08.2012).

148. Старосветский, Е. А. Экстремизм в современном российском обществе / Е. А. Старосветский // Научные ведомости Белгор. гос. ун-та. — 2008. — № 5. — С. 187—192.
149. Степанов, С. С. Популярная психологическая энциклопедия / С. С. Степанов. — М. : Эксмо, 2005. — С. 346—347.
150. Стернин, И. А. Речевое воздействие как интегральная наука // Речевое воздействие : сб. науч. тр. / И. А. Стернин. — Воронеж, 2000. — 82 с.
151. Султанов, А. Р. Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму [Электронный ресурс] / А. Р. Султанов // Российская Юстиция. — 2010. — № 9. — Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2010/10/d19993/> (дата обращения: 21.03.2012).
152. Сулонов, П. Е. Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде / П. Е. Сулонов, К. В. Злоказов // Российский научный журнал. — 2013. — № 5 (36). — С. 219—224.
153. Сулонов, П. Е. Организация противодействия экстремизму : практическое пособие / П. Е. Сулонов, К. В. Злоказов, Е. С. Губина ; под общ. ред. П. Е. Сулонова. — Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2013. — С. 21—22.
154. Сулонов, П. Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма) : моногр. / П. Е. Сулонов. — Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2013. — 93 с.
155. Тамазян, С. К. Социальная интеракция в неформализованных сетях современных российских подростков : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Тамазян С. К. — Ставрополь, 2012.
156. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения / Е. Ф. Тарасов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Наука, 1990. — С. 3—14.
157. Тимошенко угрожает: полная версия разговора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://crimenalist.ru/archives/49104-noncrime> (дата обращения: 19.05.2014).
158. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — М. : Русский язык, 1998.
159. Трошина, Н. Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия / Н. Н. Трошина // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М. : Наука, 1990. — С. 62—68.

160. Трубиновская, Н. Чайлфри — свобода от детей [Электронный ресурс] / Н. Трубиновская. — 2010. — Режим доступа: <http://www.chronoton.ru/present/life/chaildfri-svoboda-ot-detey> (дата обращения: 21.04.2013).
161. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [Электронный ресурс] : от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 21.03.2012).
162. Уголовный кодекс Российской Федерации = УК РФ. Ст. 282 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ukru.ru/code/10/282/>.
163. Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ.
164. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
165. Федеральный закон от 25 июля № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. — 2002. — 30 июля. — № 138-139.
166. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2002. — № 138—139, 30.07.2002. — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/95895/> (дата обращения: 14.03.2012).
167. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // *Жанры речи*. — Саратов, 1997. — С. 66—87.
168. Фрейд, З. Автобиография // *По ту сторону принципа удовольствия* / З. Фрейд. — М., 1992. — С. 91—148.
169. Фридман, Л. М. Наглядность и моделирование в обучении / Л. М. Фридман. — М. : Знание, 1984. — 80 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Педагогика и психология» ; № 6).
170. Хаббард, Л. Р. Дианетика. Современная наука о разуме / Л. Р. Хаббард, 2001. — 876 с.
171. Хаббард, Л. Р. Саентология: новый взгляд на жизнь / Л. Р. Хаббард. — 2002. — 40 с.
172. Хаббард, Л. Р. Саентология: основы мысли / Л. Р. Хаббард. — 2001. — 42 с.
173. Хуако, З. Ю. Политический экстремизм: информационный аспект: по материалам социологического исследования / З. Ю. Хуако // *Вестн. Адыгейск. гос. ун-та*. — 2012. — № 2. — С. 114—120.
174. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. — М., 2001.

175. Чабанянц, М. Б. Криминологические аспекты влияния жестокости и насилия в средствах массовой коммуникации на агрессивное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чабанянц М. Б. — Ставрополь, 2002.
176. Чума [Электронный ресурс] // Грамота.ру. Словари. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%F7%F3%EC%E0&all=x>.
177. Чураева, Н. С. Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. С. Чураева. — М., 2009.
178. Чураева, Н. С. Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Чураева Н. С. — М., 2009.
179. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001). — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/10927> (дата обращения: 14.03.2012).
180. Шаракшанэ, С. Ислам и политический экстремизм / С. Шаракшанэ // Религия и право. — 1999. — № 4—5. — С. 26.
181. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004.
182. Шипшин, С. С. Судебно-психологическая экспертиза : метод. руково / С. С. Шипшин. — 2-е изд., испр. и доп. — Калуга ; Обнинск ; М., 1997. — 190 с.
183. Щербатых, Ю. В. Физиология и психология страха / Ю. В. Щербатых, А. Д. Ноздрачев // Природа. — 2000. — № 5. — С. 61—67.
184. Щербатых, Ю. В. Психология стресса и его коррекция : учеб. пособие / Ю. В. Щербатых. — СПб. : Питер, 2006. — 256 с.
185. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия [Электронный ресурс] / Ю. В. Щербинина. — 2006. — Режим доступа: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=36856&lang=en&blang=ru&list=154>.
186. Яхъяев, М. Я. Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления [Электронный ресурс] / М. Я. Яхъяев. — Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/681-filosofsko-ideologicheskie-korni-ekstremizma> (дата обращения: 09.09.2012).
187. Anderson, C. A. The influence of media violence on youth / C. A. Anderson, L. Berkowitz, E. Donnerstein, L. R. Huesmann, J. D. Johnson, D. Linz, N. M. Malamuth, E. Wartella // [Peer Reviewed Journal]. Psychological Science in the Public Interest. — 2003. — Vol 4 (3), Dec. — P. 81—110.

188. Eysenck, H. J. Sense and nonsense in psychology [Electronical resource] / H. J. Eysenck. — Harmondsworth : Penguin, 1957. — 349 p. — Mode of access: <http://www.ditext.com/eysenck/politics.html> (date of access: 23.08.2014).
189. Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome Author(s) / James T. Turner Source // Political Psychology. — 1985. — Vol. 6, No. 4 (Dec.). — P. 705—711.
190. Media violence and the American public: Scientific facts versus media misinformation / Brad J. Bushman, Craig A. Anderson // American Psychologist. — 2001. — Vol 56 (6—7), Jun. — Jul. — P. 477—489.
191. Schramm, W. ve R. D. F. The Process and Effects of Mass Communication / W. de R. D. F. Schramm. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

Научное издание

Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова,
К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян

**ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ТЕКСТ
И ДЕСТРУКТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ**

Монография

Редактор Д. О. Морозов
Компьютерная верстка Д. О. Морозова

Подписано в печать 24.11.2014. Формат 60x84/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 12,58.
Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.